

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песоцкимъ.

II.

САМЪИТЕРАТИВЪ.

1842.

РЯШЕРЪТЪАРЪ

РАВЕДЛО

И

ПАКТЕОНЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Января 14 дня 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ДОТЪАВЪАН

ИЗДАТЕЛЬ

И. М. Корсаковъ

И

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

ИЗДАТЕЛЬ

1842

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Полеваго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елена, вдова Великаго Князя Василя, дочь Князя Василя Глинскаго, правительница.
Князь Михаилъ Глинскій, дядя ей.
Князь Иванъ Оболенскій, первый бояринъ Велико-Княжій.
Князь Симеонъ Бѣльскій,
Князь Иванъ Бѣльскій, } бояре.
Князь Василий Шуйскій,
Князь Андрей Шуйскій,
Симеонъ Ляцкій.
Болеслава Запольская, приближенная Елены.
Шихалий, Царь Казанскій.
Пахомко, придворный шутъ.

Марія, жена князя Оболенскаго.
Соломонія, первая супруга Великаго Князя Василя.
Дьякъ Труццо.
Дьякъ.
Околицкій.
Посолецъ Польскій.
Посолецъ Крымскій.
Колдунъ Литовскій.
1, 2, 3, 4 — воеводы Русскіе.
Тѣнь предка Глинскихъ.
Бояре, воины Польскіе, воины Русскіе, вайделоты Литовскіе, духи и привидѣнія. Хоры духовъ.
Хоръ подругъ Соломоніи.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ и въ Литвѣ, во время малолѣтства Юанна Грознаго, сына Елены Глинской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(БОЯРСКІЙ СОВѢТЪ).

Зала въ Кремлевскихъ теремахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дьякъ и Околицкій (входятъ съ разныхъ сторонъ).

Околицкій.

Ну, что бояре?

Дьякъ.

Что, бояре! Шумять....

Околицкій.

Шумять, да толкъ-то есть ли?

Дьякъ.

Какому толку быть, когда заставитъ Молчать ихъ некому! Эхъ, братъ, не такъ было

Въ былое время дѣдушки Ивана!

Бывало — стукнетъ костьюлемъ, такъ въ пятки Душа уйдетъ....

Околицкій.

Ну, что жъ? А нашъ покойный Князь

Кн. 2. — 1

Василій Иоанновичъ, сказать грѣшно:
На видъ былъ тихъ и смиренъ, а когда
Нахмурить брови, поведетъ очами,
Да бородой пошевелиеть..... Держи острѣе
ухо!

Ты былъ ли въ Псковѣ?

Дьякъ.

Когда?

Окольничій

Какъ Вѣче

Великій Князь разрушилъ?

Дьякъ.

Нѣтъ.

Окольничій.

О, посмотрѣлъ бы ты,

Какимъ явился онъ удалымъ молодцомъ,
И какъ заговорилъ — вотъ словомъ, жемчугомъ
Посыпалось тогда изъ устъ его...

«Злодѣи вы, не Христіане, не люди! И громъ
небесный,
И казнь земная насъ постигнетъ!.. Слово слово
Такъ и родило. Бѣднымъ Псковитянамъ
Сказать въ отвѣтъ словечка не пришлось....»

Дьякъ.

Эхъ, братъ, Андрей Оумичъ! Плохой отвѣтъ
Безсильному предъ сильнымъ.... Богъ судья!
Не намъ судить дѣла Князей Великихъ —
А тутъ темна вода во облацѣхъ воздушныхъ...
Вѣдь Псковитяне....

Окольничій.

Что?

Дьякъ.

Да, Русскіе, какъ мы,

И Православные, какъ мы, всегда бывали,
И голову покорную несли.

За что же было такъ немилосердо

Ихъ и судить и осуждать? Вотъ Новгородъ
иное —

Былъ городъ буйный, самохвальный: онъ Лит-
въ Латинской

Себя передавалъ.... Ужъ эта мнѣ Литва!...

Окольничій.

Потнше, другъ!

Дьякъ.

Вѣдь право: не за Псковъ ли насъ попуталъ
Богъ?

Съ тѣхъ поръ....

Окольничій.

Эй, тише....

Дьякъ.

Никого вѣдь нѣтъ —

олъ * тамъ !...

Окольничій.

Да здѣсь у стѣнъ есть уши!

Дьякъ.

Пусть слушаютъ, а намъ хоть волкомъ быть
Приходится.... Что это за порядокъ
На нашей Русѣ матушкѣ? Съ тѣхъ поръ,
Какъ Князь Василій Иоанновичъ бородаку
сбрилъ —

Онъ сбрилъ и тишину и счастье....

Окольничій.

Вотъ, беда велика —

Сбрилъ бороду!

Дьякъ.

Что? Охъ, ты, окаянный!

Наздился ты по землямъ Нѣмецкимъ,
Да говоришь такія рѣчи!... Этакъ ты, пожалуй
И табакъ гаяхаться готовъ... травы прокля-
той!

Окольничій.

Тпунъ бы на языкъ тебѣ!... Нѣтъ, внишь,
Егоръ Петровичъ,
И самъ я вижу, что идетъ-то дѣло плохо,
Да разсуждать не наше дѣло.... Знаютъ стар-
ше насъ.

Дьякъ.

Да кто же старше насъ? Кто? Глинскіе, да
Бѣльскій?
Да Ляцкій? Все Литва, да Ляхи....
Волки сѣрые въ овчарню забралась!
Какъ волна ни корми, а онъ все къ мѣсу смо-
трилъ....

Окольничій.

Они родня Князине.

Дьякъ.

А она-то кто? Литвянка!

Окольничій.

Литва Литва есть рознь. Родъ Глинскихъ
И Православіемъ и доблестію обличенъ. Князь
Михангъ

Смоленскъ намъ добылъ.

Дьякъ.

А потомъ на западию

Навель....

Окольничій.

Страданьемъ долготѣннимъ грѣхъ
Онъ выкупилъ.

Дьякъ.

Нѣтъ, кто свою присягу,
Хоть разъ одинъ нарушилъ, я тому не вѣрю.
И этотъ Глинскихъ родъ къ намъ на блудъ
пришелъ —

Отсель злу начало, и грѣхи, и смуты.

Окольничій.

Припомни, что вѣдь нашъ Великій Князь
Иванъ Васильичъ, — сызъ Елены Глинской.

Дьякъ.

Дай, Господи, ему и счастья, и талана,
Благослови въ немъ Русскую страну!
А какъ подумаешь....

Окольничій.

Что?

Дьякъ

Не безъ грѣха

Была женитьба Князя... Отъ живой жены
Онъ женской прелестью былъ уловленъ,
И для Елены онъ не пожалѣлъ жены,
Съ которой двадцать лѣтъ жилъ счастливо и
мирно....
Беззачетно честное дорожке, нежелю.... И вотъ,
Вотъ по кончнѣи на крайомы отчалъ онъ
Народъ нашъ Православный.. Гдѣ теперь опо-

ры
Совѣта Княжескаго? Гдѣ премудрости свѣтила,
Которыхъ умъ проводить государство,
Какъ ладно среди мелей, утесовъ,
И въ пристань добрую ведетъ? Скажи!

Окольничій.

А Оболенскій Князь?

Дьякъ.

Да, Оболенскій Князь....

Умень и храбрь.... Да!...

Окольничій.

Что о немъ ты скажешь?

Дьякъ.

Что? Ничего?

Плохой тотъ пареворещъ,

Кто записался въ дворскую дружину,
А помолчать еще не научился, —
Ты самъ сказалъ: я слѣдую совѣту
И, вотъ, молчу! Пускай шумятъ другіе;
Безъ насъ есть здѣсь кому поговорить....
Найдутся!...

Окольничій.

Да вотъ ужъ, кажется, болре
Идутъ. Знать Дума Княжеская разошлась....

Дьякъ.

Придумала ль она добро отцпанъ!
(Носпично расходятся).

ЯВЛЕНИЕ II.

Василій и Андрей Шуйскіе, Симеонъ
и Иванъ Бѣльскіе и Лянкій.

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! онъ что хочетъ говори, кричи, шуми,
А я ему не уступлю....

Вас. Шуйскій (тихо).

Уступий!

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! Боекъ на языкъ Князь Оболенскій!
Да что? Мы не бояре развѣ также?
Съ чего онъ взялъ? Попрекъ ему я даромъ
Не уступлю!

Андр. Шуйскій.

И я!

Лянкій.

Когда пошло изъ потачку,
И я, и ты не правда ль, Князь Василій?

Вас. Шуйскій.

Посмотримъ.

Сим. Бѣльскій.

Все посмотримъ! Ты ни друга,
Ни брата, кажется, роднаго защитишь
Не вздумаешь, пока не погадаешь,
Придется ли тебѣ тутъ прибыль!
Гдѣ совѣтъ, Князь Василій? Бойся Бога!

Вас. Шуйскій.

Боишься ль ты Его, Князь Симеонъ!

Сим. Бѣльскій.

Боюсь, да ужъ за то и сотня Оболенскихъ
Меня не испугаетъ... Ну, чему ты усмѣхнулся,
Иванъ Петровичъ?

Ив. Бѣльскій.

Да тому, откуда бодрость
Взялась у васъ, бояре! Въ Княжескомъ Со-
вѣтѣ
Вы все молчите, словно мудрецы
Пноагорейскіе, а здѣсь языкъ у васъ развя-
занъ....

Вас. Шуйскій.

Тамъ думу думать надо, а не говорить,
Да съ словъ и пошлнны вѣдь нѣтъ.
Когда намъ дѣлать печега, такъ душу отвести
Хоть бы словами позволяли—и то ладно!

Сим. Бѣльскій.

Эхъ! то-то и была, бояре, что промежду насъ
Союза нѣтъ и дружбы! Вотъ одинъ
Какой-то Эллинской бранится бранью, а дру-
гой

Смѣется....

Вас. Шуйскій.

Что жъ намъ дѣлать?

Сим. Бѣльскій.

Что намъ дѣлать?

Дружно всѣмъ стоять, и одному другаго
Не выдавать. Когда бъ разногослесе
Не раздѣляло насъ въ совѣтахъ, что бы слѣ-
лать

Мальчишка этотъ Оболенскій? Что сама Княгиня
Посыла бы сказать Боярегой Думъ?

Ив. Бальскій.

Такъ видишь, что не въ Оболенскомъ вся за-
дача,
А въ томъ, что мы нашли находку дорогую,
Да раздѣлить ее не сможемъ....

Сим. Бальскій.

Если бь не былъ ты роднымъ мнѣ братомъ,
Князь! Я подумалъ бы....

Ив. Бальскій.

Что?

Сим. Бальскій.

Ничего!...

Самъ разумѣй!...

Ив. Бальскій.

Да, братья мы родные,

Но мыслимъ разнo. Слушай, братъ, да не сер-
ансь,
Тебѣ я истину скажу. Послушай: ты крамоль
начало;

Ты думаешь не то, какъ повести отчизну
Бъ добру и чести.... Властью завладѣть
Ты хочешь, власти ты желаешь! Нтъ, не
Оболенскій
Тебя страшитъ, а то, что ты не первый въ
Думъ.

Ты доблести его готовъ сознать,
Когда бы онъ съ тобою подылся честью.

Андр. Шуйскій.

Въ немъ доблести? Какія?

Ив. Бальскій.

Мужъ совѣта,

На поле битвы храбрый воинъ.

Ляцкій.

Кто? Ояъ храбрый воинъ?
Ояъ? Оболенскій?

Андр. Шуйскій.

Мужъ совѣта безбородый —

Болтунъ, ягалець!

Ляцкій.

Хвастунъ!

Вас. Шуйскій.

Куда жь ты, Князь Иванъ?

Ив. Бальскій.

Домой, простите!

Ляцкій.

Дай совѣтъ, постой!

Скажи, что дѣлать намъ ты думаешь?

Ив. Бальскій.

Что дѣлать? Да, вѣтъ
Домой объѣдать, а потомъ немощно отдохнуть!

Андр. Шуйскій.

Вотъ, Князь Иванъ Петровичъ, ты своимъ
умомъ
Не хочешь подѣлиться!...

Ив. Бальскій.

Я дѣлиться радъ,

Да въ-то добраго совѣта слушать не хотите,
А зло совѣтовать, а страсти раздуть
И въ ихъ пожаръ руки грѣть, — избавь Господь!

Андр. Шуйскій.

Ну, что жь, спасибо, Князь Иванъ Петровичъ,
Что искренно ты пояснилъ намъ дѣло.
Давно ли ты поладилъ съ Оболенскимъ?
Ну, много ль заплатилъ за дружбу онъ, ска-
жи?

ЯВЛЕНИЕ III.

Ть же и Михаилъ Глинскій.

Вас. Шуйскій.

Что такъ печаленъ, Князь Михайло Львовичъ?

Мих. Глинскій.

Сокрушаюсь сердцемъ, добрые бояре: ....
Участь Князя — рѣшена!

Сим. Бальскій.

Что жь?

Мих. Глинскій.

Смерть!

Всѣ.

Смерть!

Мих. Глинскій.

Да, неугодно, безпощадно;
Свирѣное, опасное рѣшенье; всѣ совѣты тщет-
ны!

Сим. Бальскій.

Что скажешь, Князь Иванъ?

Ив. Бальскій.

Скорблю,

Что увлеклась Великая Княгиня
Советомъ злымъ. Георгія кончина
Давно ли поразила ужасомъ народъ,
И вотъ второму сыну Юанна,
Родному дядѣ Государя — смерть.... О горе!
Предчувствую бѣды.... Михайло Львовичъ!
Уже-ли средства нѣтъ? Пойдемъ, умолимъ,
Падемъ къ ногамъ Княгини со слезами,
Да отвратитъ она позоръ и стыдъ отчизны!...
Безмолвенъ ты? — Бояре....

Андр. Шуйскій.

Что? бояре!

Заговорилъ и ты!

Ив. Бѣльскій.

О, сердце говорит!

Соединитесь дружно, позабудемъ все,
Все, кроме правды — станемъ дружно....

Ляцкій.

Дай же руку

На гибель Оболенскаго!

Ив. Бѣльскій.

Нѣтъ! на погибель ближнихъ

Я не даю руки!

Сим. Бѣльскій.

Вѣдь онъ всему причина?

Долой его — и Князь Андрей спасенъ.

Когда не дорожить онъ головою дяди

Князей Великихъ — ну, такъ станеть ли счи-
тать

Онъ наши головы? — Нѣтъ! тутъ одно рѣ-
шенье —

Ему нѣ намъ остаться — тутъ конецъ одинъ!

Ляцкій.

Не поущу ему!

Андр. Шуйскій.

Соединимся!

Сим. Бѣльскій.

Съ вами я, бояре!

Что медлить и чего намъ ждать? Скорѣ къ
дѣлу!

Ив. Бѣльскій.

Остановитесь, разсудите!

Ляцкій, Сим. Бѣльскій, Андр. Шуйскій.

Что тутъ разсуждать! —

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Оболенскій.

Оболенскій.

Бояре! Что это? Или еще совѣтъ

Вы держите? Великая Книгиня

Вамъ, кажется, пѣти домой велѣла?

Сим. Бѣльскій.

Пойдемъ, когда захочемъ.

Оболенскій.

Захотите?

Гдѣ воля Князя, тамъ вашей воли нѣтъ!

Андр. Шуйскій.

Кого ты называешь Княземъ, Оболенскій?

Тутъ надо погадать сперва, а тамъ сказать.

Оболенскій.

Къ чему такая рѣчь?

Сим. Бѣльскій.

Къ тому, что если ты

И Князь, такъ все не Князь надъ нами!

Ляцкій.

И не Великій Князь!

Андр. Шуйскій.

И не совѣтникъ нашъ!

Указывай другимъ, но знай, что Шуйскій
У Оболенскаго не приметъ повелѣнья!

Сим. Бѣльскій.

И Бѣльскій Симсонъ!

Ляцкій.

И Ляцкій тоже!

Оболенскій.

Что это? Видно, я къ болоту подошелъ:

Лягушки такъ и квакаютъ!

Андр. Шуйскій.

Кто? Мы лягушки?

Давно ли Дворъ Князей Великихъ

Болотомъ сдѣлался?

Оболенскій.

Съ тѣхъ поръ, какъ духъ крамолы

Васъ обуялъ, когда властителя кончина

Сняла съ безумства вашего вериги.

Андр. Шуйскій.

Ты смѣешь....

Мих. Глинскій.

Удержите гнѣвъ, князья, бояре!

Приличны ли такіа ссоры въ сонмѣ

Бояръ почетныхъ!

Андр. Шуйскій.

Пусть языкъ свой дерзкій

Удержитъ онъ сперва. Знать мало, что крова-
вой

Местью онъ опозорилъ родъ Князей Великихъ,

До нашихъ онъ головъ добратся хочеть

И поносить насъ смѣеть — намъ ли утерпѣть?

Казни, но не ругайся!

Ив. Бѣльскій.

Князь Андрей Васильичъ,

Умолкни, ради Бога! Удержись и ты,

Князь Иванъ Федоровичъ! Время ль враждо-
вать,

Когда грозять намъ страшныя бѣды?

Отвѣтствуй, правду ли сказалъ намъ Михаилъ:

Великая Книгиня изрекла ль свой приговоръ

Андрю Иоанновичу?

Оболенскій.

Да.

Ив. Бѣльскій.

Несправедливъ,

Жестокъ, безчеловѣченъ приговоръ такой!

Оболенскій.

Ты мѣ напрасно говоришь о немъ;

Онъ изречень Великою Книжницею —
Поговорите съ ней, когда угодно;
Не я изрекъ его!

Ив. Бѣльскій.

Ты подтвердилъ его!

Мы несогласны были все.

Оболенскій.

Я подтвердилъ,

Не отонрусь, и въ совѣсти отчета
Вамъ не даю. Тебѣ, Князь Шуйскій,
Совѣтую въ словахъ быть осторожнымъ,
А Бѣльскому — поменьше говорить?

Ив. Бѣльскій.

Нѣтъ! Я молчать не буду — я пойду,
Я убѣжду Книжницу!

Оболенскій.

Испытай — не худо!

Андр. Шуйскій.

А мнѣ твоя замѣтка, Оболенскій, не нужна:
Князь Шуйскій, коренной потомокъ,
Прямая отрасль рода Мономаха,
Нопрека не оставитъ князю-самозванцу!

Оболенскій.

Князю-самозванцу? Много-ли твой дѣлъ
Отъ Вѣча получалъ на хлѣбъ и на одѣжду,
Когда онъ кланялся купцамъ Новгородскимъ,
И ихъ дружины на разбой водилъ?

Андр. Шуйскій.

Но болѣе того, что дѣлъ твой получилъ,
Когда онъ продалъ душу Иоанну,
И бѣглецомъ въ Москву явился бить челомъ!

Мих. Глинскій.

Бояре! можно-ли? Вы позабыли....

Андр. Шуйскій.

Нѣтъ,

Нѣтъ, я не позабылъ....

Оболенскій.

Онъ только промахнулся,
И камень думалъ попасть въ меня,
Ударилъ въ лобъ Семѣна Бѣльскаго, и вотъ,
Смотри, какъ тотъ нахмурился — ну, словно,
Онъ проглотилъ врача Нѣмецкаго лекарство!

Сим. Бѣльскій.

Онъ промахнулся — ну, такъ я не промахнусь,
И назову тебя, потомокъ знаменитый
Какой-то слободы великаго владѣльца,
Тѣмъ, что ты есть....

Оболенскій.

Смотри!

Вѣдь отъ двора къ тюрьмѣ не далеко....

Ляцкій.

А отъ руки къ мечу — еще поближе!

Оболенскій.

Ты тудаже, ты, казакъ Литовскій?

Молчать и — вопь птиц!

Андр. Шуйскій.

Смотри пожалуй,

Онъ говоритъ, какъ князь самодержавный!

Друзья, ему ль уступимъ мы?

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! Никогда!

Мих. Глинскій.

Брань да вмѣнится тѣмъ, кто произнесъ се.
Благодариме....

Оболенскій.

Да, гавъ имъ взять его!

Сим. Бѣльскій.

Суди его намъ, мудрый Князь! Будь добръ!

Оболенскій.

Тюрьма насъ мудрости научитъ.

Вас. Шуйскій (тихо).

Ладно —

Тутъ не бывать добру: пойми, да повѣстить
Скорѣй Емель, а они цускай пока грызутся.
(Уходитъ).

Сим. Бѣльскій.

Не ты ли насъ въ тюрьму отправилъ, Князь?
Да только прежде голову свою побереги!

Мих. Глинскій.

Друзья, бояре, Князь!

Оболенскій.

Мое презрѣнье
Равно нахальству вашему! (Хочетъ идти.)

Ляцкій.

Нѣтъ! не презрѣнье — трусость!

Оболенскій (горячо).

Князь Оболенскій струситъ Ляцкаго рѣчей?
Литвинъ безмозглый!

Ляцкій.

Что ходить далеко —

Ты мой отвѣтъ увидишь здѣсь, на саблѣ.

(Обнажаетъ саблю.)

Оболенскій (обнажаетъ мечъ).

Презрѣнный побродяга!

Сим. Бѣльскій.

За друзей защитой

Мечъ Бѣльскаго всегда бывалъ! (Обнажаетъ мечъ.)

Мих. Глинскій.

О горе,

Горе царству безъ десницы сильной,
Безъ мудрыхъ главы влѣстителя народа!

Андр. Шуйскій.

И Шуйскій отъ друзей не отстанетъ: расчетъ
въ обидѣ

Коротокъ будетъ; будь, что будетъ — смерть,
Смерть наглену, ругателю бояръ!

(Обнажаетъ мечъ.)

Мих. Глинскій (удерживая
изъ).

Безумцы! Головами вы играть рѣшились,
Убийствомъ теремъ Княжескій безславить —
Победа, смерть — равно позорны вамъ!

Ляцкий.

Учи другихъ подь старость; самъ ты дѣлалъ
то же,
Когда бываешь храбрѣе и моложе!

Вев.

Смерть злодюю, смерть!

(Устремляются на Оболенскаго.)

Ив. Бѣльскій.

Остановитесь!

Оболенскій.

Подлые убійцы!

Васъ Оболенскому бояться.....

ЯВЛЕНИЕ V.

Ть же и Пахомко (на палочкѣ
верхолъ).

Пахомко поетъ)

Пешель козель въ огородъ,
Насмѣшилъ козель народъ.
Борода была большая,
Голова была пустая!

Что это, бояре? Вы что-то разыгрались не
передъ добромъ? Начали за здравіе, а свели за
улокой! Здорово, дялوشка Шуйскій! Вотъ,
говорили, что борода съдая — мудрость больша-
я, анъ видно въть: и у козла борода-то поряд-
очная, а онъ только годится отъ лошадей до-
моновыхъ говять — видно, съдина бывасть не
всегда серебряная!

Андр. Шуйскій.

Прочь, дуракъ!

Пахомко.

Э, бояринъ! что ты думаешь: испугаешь ме-
ня что ли дуракомъ? Да вѣдь это нынѣ почет-
ное имя! Я, вотъ на Князя Ивана Фодорови-
ча сошлось: не правда ли, Князь? —

Оболенскій (смѣется).

Правда, приятель, правда! Глупость такая за-
раза, что хуже Черной Смерти; самъ вижу,
что она пристасть отъ другихъ.....

Пахомко.

И вѣстимо. Одинъ баранъ ползаетъ въ воду,
и всѣ за нимъ ползутъ; только старшаго-то

барана ухвати за рога, такъ все стадо твое бу-
детъ. А ты, молодець успѣвъ ухватить, — да
ужь какого барана! Ну, бояре, дайте-ко я ста-
ну мирить васъ. Что толку-то изъ ссоры? За-
хочешь бороду поглядить — хвать, анъ голо-
вы вѣтъ!

Андр. Шуйскій.

Шуть смѣется надъ нами! По дѣломъ намъ,
дуракамъ!

Пахомко.

И вѣстимо — четверо не сладки съ однимъ!
Я на васъ Михаилу Львовичу покажусь:
такъ ли бывало онъ дѣлалъ? Молодецъ! По-
мишишь, какъ разсердился ты когда-то на пана
Забрезинскаго, такъ не разсуждалъ долго....
Чинь! — Голова Забрезинскаго съехала такъ,
что тотъ и чихнуть не успѣлъ!...

Мих. Глинскій.

Изъ усть безумія исходить мудрыя рѣчи..
Шуть! я не разсержусь на тебя!

Пахомко.

Ой-ли? А попалось бы тебѣ прежде подь
лихой часъ, чай спуску бы не далъ! Охъ! вы,
народы православные! Вѣсь-то вы подь старость
умы становитесь, а съ молоду такъ васъ и ру-
кой не достанешь. Хоромы строите такіе, что
и воронъ въ сутки чрезъ нихъ не перелетѣтъ,
а потомъ и косою сажени земли съ васъ много.

Сим. Бѣльскій (влагая мечъ).

Поворочу на миръ. Ты не прощаешь мнѣ,
Князь Иванъ Фодоровичъ? А кажется, я тебѣ
кляняюсь — чего жъ еще тебѣ! Не на колыняхъ
же молить тебя!

Мих. Глинскій.

Князья, бояре! Оставьте ссоры! Миръ и
дружба; забудемъ прошедшее; гнѣвъ да усту-
пить мѣсто умному миру.

Андр. Шуйскій.

Ты видишь, что мы просимъ прощенья...
Да Князь Иванъ Фодоровичъ и не глядитъ...

Оболенскій.

Я презиралъ вашу вражду, не боялся ва-
шихъ мечей, — презираю дружбу вашу и миръ
съ вами! (Идетъ.)

Пахомко.

Хе, хе, хе, братъ Ваня! Да ты брыкаешь
не путемъ! Смотри, однако жъ, берегись, не
плюй въ колодезь — годится водины испить.
Худой миръ все таки лучше доброй ссоры....

Оболенскій.

Я тебѣ передаю ихъ дружбу: возьми ее, если
хочешь!

Пахомко.

А что мнѣ изъ нея? Вѣдь изъ нея шубы не
сошьешь!

Андр. Шуйскій.

Ну! коли тебѣ наша дружба не нужна, такъ слушай — здѣсь не мѣсто говорить много....

Ляцкій.

И на что много говорить! Такъ ли я выскажу твои и мои мысли? — Пусть прежде тупой саблей отпилятъ мнѣ голову, чѣмъ я помирюсь съ тобою, Князь Оболенскій! Знай, что днемъ и ночью, прежде молитвы Богу, я буду поминать невинность мою къ тебѣ....

Андр. Шуйскій.

Да, либо тебѣ жить — либо намъ!

Ив. Бѣльскій.

Чуждѣ совѣта нашего пресуднаго!

Пахомко.

И я и я чуждѣ! Нѣтъ! я съ Княземъ Ивановъ другъ. — (Андрею Шуйскому.) У мени, какъ у брата твоего Василья, тотъ и господарь, кому везетъ, а Князю Ивану везетъ, да ужъ куда шибко!...

Ив. Бѣльскій

А гдѣ же Князь Василій?

Андр. Шуйскій.

Гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ?

Пахомко.

Гдѣ? Видно убрался подальше; онъ зваецъ, гдѣ раки-то зимуютъ, и спрятался въ ихъ пору, когда вы заиграли желѣзными игрушками....

Ив. Бѣльскій.

Великая Княгиня!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Елена, Вас. Шуйскій и Запольская.

Елена.

Мнѣ сказали, — правда ли, бояре, что дерзнули вы

Чертога княжескаго благочиніе нарушить
Безчиннымъ споромъ? — Я отвѣта жду.

Пахомко (поетъ).

Матушка! не разсердись;
Пошутили мы не много,
Да не всяко лько въ строку,
Помирились, обнялись!

Елена.

Достойный васъ отвѣчикъ — шутъ, дуракъ!

Пахомко.

Да, что же? шутка не мѣшаетъ дѣлу. ..

Елена

Прочь! (Пахомко прячется). Бояре!
Я требую отвѣта!

Андр. Шуйскій.

Кто донесъ тебѣ, Княгиня!

Елена.

Твой братъ Василій!

Андр. Шуйскій.

Если онъ сказалъ

И мы не ототремся. Оболенскій Князь
Насъ опозорилъ бранью непристойной
И мы отвѣтили ему взаимно.

Елена.

Кто позволилъ вамъ

Великаго боярина и старшаго надъ вами
Въ чертогахъ нашихъ оскорблять?
Я голопою вѣло насъ выдать!

Сим. Бѣльскій.

Ужъ прежде, матушка, Великая Княгиня,
Вели ты головы-то снать, а мы ему
Покорными быть не хотимъ.

Елена.

Умолкни, дерзкій!

Повѣлваю вамъ просить прощенья,
И если онъ простить, я васъ прошу....

Оболенскій.

Позволь, Великая Княгиня, вымолвить мнѣ
слово:

Прощеніе мое не нужно имъ.
Презрительна ихъ дружба; равное презрѣнье,
А не прощенье будетъ имъ отъѣтомъ,
Когда они съ покорностью придуть....

Ляцкій.

Я не приѣду къ тебѣ!

Сим. Бѣльскій.

И я!

Андр. Шуйскій.

И я!

Ляцкій.

Скорѣ въ степи,

Въ раздольныхъ Украинскія стени,
Туда, къ Дашковичу я убѣжать рѣшусь,
Но Оболенскому во вѣкъ не покорюсь!
Мнѣ сабля дастъ и хлѣба и ослѣду,
А солонъ хлѣбъ, когда сго достать безчесть-
ствъ
И увиженіемъ велать! —

Елена.

При мнѣ, ты смѣешь....

Мих. Глинскій.

Великая Княгиня! допусти мнѣ слово:
Супругъ твой мудрый слушался меня:
Позволь мнѣ, старику, подать совѣтъ благой:
Гнѣвъ милостью смѣнять царямъ прилично.

ЕЛЕНА.

Правда!

Идите; объявляю гибель мой и опалу,
А средства васъ смирить найду, бояре...

ЯВЛЕНИЕ VII.

В. Шуйскій, М. Глинскій, Ив. Бѣльскій.
ЕЛЕНА, Оболенскій, Пахомко и За-
польская.

ЕЛЕНА.

Что ты пощкнулъ головой, Михайло Льво-
вичъ?

Или опять ты будешь осуждать мое рѣшенье?
Я угодить тебѣ никакъ не успеваю.

Мих. Глинскій.

Когда ты добраго совѣта не приѣмлешь....

ЕЛЕНА.

Или ты хочешь, чтобы я крамолы допускала
И своевольству вѣхъ дала потачку?
Или ты думаешь, что женскаго ума
На дѣло царственное не достанеть, или умъ
Ты бородою мѣряешь...

Мих. Глинскій.

Позволь мнѣ удалиться,

Великая Княгиня! Я слышалъ,
Что утро вечера бываетъ мудренѣе! *(Уходитъ.)*

Ив. Бѣльскій.

Княгиня! слыю ли усердный голосъ мой
Вознести къ тебѣ....

ЕЛЕНА.

Скажи, чего желаешь ты, бояринъ?

Ив. Бѣльскій.

Мнѣ нужды нѣтъ до ихъ крамолъ и буйства,
Ты словомъ можешь ихъ молчать заставить,
Но я спѣшу, боюсь я опоздать
Снасти честь Княжескаго дома....
Ты изрекла твой приговоръ Андрею?

ЕЛЕНА.

Да!

Ив. Бѣльскій.

Княгиня! отъзиви его! Молю, и на коленяхъ
Прошу тебя!

ЕЛЕНА.

Что это значить? —

Ив. Бѣльскій.

Шуйскій, Оболенскій!

Когда вашъ голосъ можетъ быть доступенъ
сердцу

Великія Княгини, умоляйте, умоляйте,
Да пощадитъ она Андрея!

ЕЛЕНА.

Завтра мы разсудимъ.

Ив. Бѣльскій *(горестно)*.

Завтра?

А онъ въ тюрьмѣ ночь эту проведеть!
Сынъ Иоанна!

ЕЛЕНА.

Завтра мы рѣшимъ.

Ив. Бѣльскій.

Князь Иванъ Федоровичъ!

Оболенскій.

Воли нѣтъ моей,

Гдѣ воли нѣтъ Великія Княгини!

Ив. Бѣльскій.

Хорошо, пусть будетъ такъ — теперь я чтить
Предъ Богомъ и предъ вами. Царедворецъ

Воптель доблестный! страшись, — никто не
знаеть,

Гдѣ онъ пробудится, въ чертогахъ пль въ
тюрьмѣ,

А гордость грѣхъ великій — онъ ведеть на ги-
бель!

(Уходитъ.)

Вас. Шуйскій.

Магушка, Великая Княгиня!

Ты слишкомъ къ нимъ добра, ты слишкомъ
ихъ щадилъ!

Съ народомъ этимъ надо руки, да и руки....

Пахомко *(подкрадываясь
къ нему)*.

А царедворцу волчий ротъ и лисій хвостъ!

(Всѣ смѣются.)

Вас. Шуйскій.

Шутъ проклятый! Да откуда вывернулея
онъ?

Пахомко.

Откуда?

(Поетъ):

Съ длинной бородой съдой

По дорогѣ столбовой,

Бѣхаль молодець удалой,

Воевода, умный малой.

Люди добрые плутъ,

Челобитную несутъ:

«Воевода! насъ пожалуй!

Разсуди намъ, господинъ,

Кн. II — 2

Челобитную въ аршинъ!

Воевода нашъ удалой

Началь правды разбирать,

Отъ неправды различать.

И теперь ихъ разбираетъ!

Разберетъ ли? Кто жъ ихъ знаетъ!

А люди добрые все ждутъ, пока разборка кон-
чится!

Елена.

За службу и усердіе твое, Князь Шуйскій,
Мы милостью, приветомъ наградимъ тебя.
Завтра къ намъ Посоль предстанетъ Польскій,
И Шихъ-Алей, которому въ Москву
Пріѣхать мы велѣли; ты проводишь ихъ,
Ты намъ представишь ихъ; иди и вѣрь,
Что если мы наказывать умѣемъ буйство,
И награждать усердіе умѣемъ.

Вас. Шуйскій.

И голову мою, и кровь, и кости
Старья мои готовъ отдать за честь твою и
славу!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Оболенскій, Елена, Нахомко и За-
польская.

Елена (Оболенскому).

Мы сожалѣемъ, Князь, что злобные праги
Тебя дерзнули оскорбить, но ихъ вины
Не спустимъ мы, и дали повелѣнье
Андрея Шуйскаго, и Лякаго, и Бельскихъ —
Всѣхъ заключить въ тюрьму. Пускай узна-
ютъ,
Что дерзость ихъ мы можемъ укротить!

Оболенскій.

Я милостей твоихъ, Великая Княгиня,
Еще не заслужилъ...

Елена.

Ты ихъ достоинъ,
Опора сына моего, моя ограда,
На полъ брани и въ сѣвѣтахъ мужъ избран-
ный!

Оболенскій.

Великая Княгиня! Дай мнѣ случай
Вновь доказать врагамъ на полъ брани,
Что мечъ мой не заржавѣлъ —
Жизнь мою я понесу тебѣ на жертву!

Елена (съ жаромъ).

Нѣтъ, жизнь твоя мнѣ дорога — щади ее!

Оболенскій (изумляясь).

Княгиня!

(Безмолвіе).

Я иду готовить войско

На встрѣчу Польскаго Посла и Шихъ-Алея.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Елена, Запольская и Нахомко.

Нахомко.

А мнѣ за службу хоть копѣйку на калачь!

Запольская.

За что тебѣ, дуракъ?

Нахомко.

Ну! а ему за что?

Запольская.

Опъ воевода и боярнинъ!

Нахомко.

И меня, Нахомку,

Хоть воеводой Галицкимъ велите сдѣлать:
Я поумнью — вѣдь богатство умъ раждаетъ!
(Уходитъ.)

Запольская.

Ну, признаюсь, Елена — я Великою Княгиней
Не захотѣла бѣ быть.

Елена (разспянно).

Нѣтъ? Въ самозъ дѣлъ?

Запольская.

Да, что за радость съ этими боролачами
Все о дѣлахъ преравно толковать?
Того казнить, того въ тюрьму, съ тѣмъ начн-
путь войну —
Велико счастье!

Елена.

Болеслава ты дитя

И шаловливая болтунья!

Запольская.

Если бы тебя

Я не любила такъ, давно бы я отсюда
Бѣжала. Что за скука, за тоска такая!
Ни пляски, ни веселья. То ли дѣло
Тамъ, у насъ въ Литвѣ: — какіе кавалеры,
Пиры, балы какіе; а уборы наши,
Ихъ съ Русскимъ ли уборомъ поравнять?...
И ваши скучные бесѣды и поклонны....
Ахъ! Боже мой! ужъ-ли тебѣ не скучно?
Жизнь твое свѣтло, да незavidно....

Елена (улыбаясь).

Чего же мнѣ недостаетъ: богатства, чести?
Мнѣ повинуются обширныя страны —
Хочу, и двину сотни тысячъ войска!

Запольская.

А что твои богатства: сердце гремят ли оны? —
И золото твое не скажетъ: я люблю тебя, Еле-
на!

А безъ любви на свѣтъ нѣтъ веселья....

Елена.

Я мужа моего любила, Болеслава!

Запольская.

Такого старика! Не вѣрю! И кого любить
здесь?

Бородачей несносныхъ этихъ?

Елена.

Неужель изъ нихъ

Ты не нашла ни одного, кого бы сердце
Средь міра цѣлаго избрало, хоть бы ипщій
Онъ былъ, а ты нарца?...

Запольская.

Правда, есть одинъ.....

Елена.

Одинъ! Кто онъ?

Запольская.

Елена! ты меня пугаешь —

Я, право, не люблю его, а только онъ одинъ
Изъ всѣхъ меня бы могъ заставить
О родинѣ моей забыть....

Елена.

Но кто же онъ? —

Не тотъ ли онъ, чей взоръ и голосъ
На сердце вьютъ радостью? Герой,
Прекрасный, смѣлый, царскаго вѣнца достой-
ный,

Которому, когда бы я владѣла цѣлымъ свѣтомъ,
Я цѣлый свѣтъ бы отдала, и одного просила—
Любви его.....

Запольская.

Елена!

Елена.

Замолчи, и Боже сохрани тебя,
Самой себѣ сказать ту тайну, если ты ее узна-
ла!

Пусть вѣчное молчанье, Болеслава,
Ее закроетъ отъ другихъ и пусть тебѣ одной
Она извѣстна будетъ, но страшнѣе: твоя подруга
Великая Книгиня!

)Уходитъ.)

Запольская.

Ахъ! любовь и въ царскіе чертоги,
Влетаетъ на своихъ воздушныхъ, крыльяхъ —
Но здѣсь ей душно.... О, мой Лита!
Будь пичка я — туда бы я испорхнула!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Вас. Шуйскій и Ляцкій (входятъ
послыш-
но).

Шуйскій.

Да, больше нѣтъ спасенія — бѣгите!

Ляцкій.

Я не бѣгу—иду туда, гдѣ моему мечу
Просторно будетъ перевѣдаться съ врагомъ!
Трусъ! онъ не смѣлъ на саблю саблей отвѣ-
чать,

Тюрьмой онъ хочетъ расчитаться....

Шуйскій.

Не тюрьмой,
А головой!.. Сюда идуть! Спѣши, погибемъ!
Здѣсь ожидаетъ всѣхъ насъ.

Ляцкій.

До свиданья,

Князь добрый. Черезъ два часа,
Я далеко ужъ буду за Москвой!
(Уходитъ.)

Шуйскій (Одинъ).

Чѣмъ меньше дураковъ, тѣмъ легче дѣло дѣлать.
Мы не боимся ихъ мечей — посмотримъ,
Князь Иванъ Федоровичъ, какъ распутаетъ
ты сѣти,

Которыми тебя накинеть хитрая рука!
Помогутъ ли тебѣ и мечъ булатный твой,
И гордость, и надежда на великій разумъ!
Охъ! Гордымъ Богъ противится—смирненнымъ
Онъ благодать даетъ. — Охъ! Господи, помилуй!

Спаси насъ, грѣшныхъ, и помилуй милостью
Твоей,
Царю Небесный вѣнчъ, присно и во вѣки!...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА).

Домъ Оболенскаго въ отдаленной части Москвы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марія (одна, смотритъ въ окно)

Нѣтъ! онъ нейдетъ.... Гдѣ онъ задержался?
Ночь на дворѣ — такъ долго ждать заставить?
Безсовѣстным! А говорить, что любить,
Что я ему всего дороже, каждый часъ,
Который проведетъ онъ не со мной — ему потеря!

Нѣтъ! Онъ давно ужъ такъ не говорить!
Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Москвѣ,
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ привезъ меня сюда —
Онъ ужъ не прежній, онъ не тотъ. Гдѣ ла-

ски,
Гдѣ счастье и любовь? Задумчивъ, мраченъ
И молчаливъ.... Ахъ! бедная Марія!

Твои златые пролетѣли дни....

Я спрота — мнѣ онъ одинъ остался въ мирѣ,
И если онъ меня покинетъ, онъ разлюбитъ —
Кто мнѣ привѣтомъ сердце отогрѣетъ?

(Слышенъ шумъ).

Онъ? Нѣтъ, не онъ!... Выщаетъ сердце
Не добро.... О Пресвятая! Защити его
Въ недоброе такое время!
Кто поручится можетъ, что бѣда и горе
Не сторожатъ насъ на пути? Отецъ мой добрый!

На горе ты благословилъ меня, и счастье
Мелькнуло, пролетѣло птичкой шимолетной....

ЯВЛЕНІЕ II.

Пахомко и Марія.

Марія.

Ахъ, это ты, старикъ? Что такъ давно
Тебя не видно? —

Пахомко.

Всѣ заботы, да работы,

Матушка.

Марія.

У всѣхъ у васъ заботы!

И мужъ мой говорить мнѣ то же,
И ты....

Пахомко.

Что дѣлать? Мы на то родились,
По заповѣди Божьей — во трудахъ путь жизни
Вести до отдыха....

Марія.

А гдѣ же будетъ отдыхъ?

Пахомко.

Гдѣ? матушка! Тебѣ о томъ —
И рано помышлять, и для чего —
Веди въ веселье жизнь. Вѣдь, слава Богу,
Тебя Господь благословилъ супругомъ....
Что ты задумалась? Ты плачешь?
Скажи, что случилось? Позволь мнѣ,
Вѣрному рабу, узнать причину скорби?

Марія.

Я не грущу, а вотъ — гдѣ онъ — его со мною
нѣтъ!

Пахомко.

И слава Богу, сохранить его Господь!

Марія.

Боюсь, не разлюбилъ-ли онъ меня.... День пѣ-
лый

Проходить часто безъ него. Гдѣ онъ?
Что дѣлать? И кто мнѣ скажетъ,
Что не разлучница какаля увлекла его!

Пахомко.

Одна разлучница у васъ — служебный долгъ.
Его супругу твоему нельзя оставить.
Не съуй, матушка!....

(Молчаніе.)

А я къ тебѣ пришелъ
Челомъ ударить, попросить тебя...

Марія.

Скажи, что я могу?

Пахомко.

Охъ! многое ты можешь!
Вотъ видишь — совершается бѣда такая,

Что злой советъ бояръ рѣшилъ недавно гибель
Такого человѣка, о которомъ Русская земля
Заплачетъ горько. Но его спасти
Ты, можешь быть, успеешь—

Марія.

Я!

Пахомко.

Ты.

Марія.

Какъ? Скажи!

Пахомко.

Да, просто, матушка, ты попроси супруга,
Да, знаешь, попроси его сердечнѣе, съ лю-
бовью,

Такъ попроси, какъ будто за отца роднаго
Тебѣ просить пришлось.

Марія.

А кто же тотъ, скажи,
О комъ просить я буду?

Пахомко.

Онъ — человекъ большой,
Но впалъ въ несчастіе такое, что теперь
Жизнь его въ рукахъ враговъ.

Марія.

Жизнь? Господи помилуй!
Старикъ! скажи мнѣ: кто же мой супругъ?

Пахомко.

Какъ будто бѣ ты не знаешь!

Марія.

Онъ мнѣ говоритъ,
Что Княжій онъ Околицинъ, а имя
Иванъ Овчина.

Пахомко.

Если онъ сказалъ,
Такъ, стало, такъ и должно быть.

Марія.

Старикъ!

Лукавишь ты сомноу! Богъ съ тобой; послушай:
Пусть онъ простой Околицинъ, но отъ чего
же

Чего бы я ни захотѣла, все готово —
И сѣднѣ сладкія, и платье дорогое,
А между тѣмъ его приказъ и слово —
Изъ дому ни ногой; въ Москвѣ первопрестоль-
ной

Я жить должна, какъ будто бы въ какой
Обители пустынной. Гдѣ проводить дни?
Зачѣмъ запретъ столь строгій... Страшно!
Мнѣ иногда приходитъ въ мысль....

Пахомко.

Какая,

Матушка, приходитъ мысль твоя?

Марія.

Та... нѣтъ!... Онъ не злодѣй — злодѣй не мо-
жетъ

Любить такой любовью — на лицѣ его
Такая свѣтлая душа... Старикъ! Онъ не зло-
дѣй?

Не крестя онъ отъ суда людскаго? И душа
его

Чиста, какъ Божія заря на небѣ!
Не правда ль?

Пахомко.

Правда, матушка. Гони ты отъ себя
Всѣ мысли черныя, и вѣрь ему!

Марія.

Какъ Богу,

Ему готова вѣрить. Если бѣ цѣлый свѣтъ
Сказалъ мнѣ: онъ злодѣй! Я цѣлому бы свѣту
Сказала: нѣтъ! онъ не злодѣй!

Пахомко.

О, чистая душа!

Марія.

Старикъ!

Ахъ! ради Бога — скажи! кто онъ? Ты зна-
ешь...

Пахомко.

Я...

Марія.

Ты знаешь, ты скрывалась отъ мужа!

Пахомко.

Когда бѣ онъ былъ злодѣй, такъ какъ, ска-
жи, его

Просить о милости?

Марія.

А если онъ простой
Околицинъ, какъ на советѣ боярскій
Онъ, можетъ быть, доступенъ?...

Пахомко (въ сторону).

О, хитра!

По батюшкѣ пошла! (Къ ней). А почему жѣ не
такъ:

Онъ хабрый воевода.

Марія.

Воевода?

Пахомко.

Только чина

Онъ небольшого, но любимъ....

Марія (*испугавшись*).

Кѣмъ онъ любимъ?

Пахомко.

Тебѣ мерещится все не кошнос. Не дѣвицей
красной,
Не вдовушкой болгарской, не женой чужею,
А болгарномъ однимъ....

Марія.

Ну?

Пахомко.

А Болгаринъ этотъ
Силень въ советѣ Княжескомъ, и можетъ
Спасти страдальца отъ напрасной смерти....
Когда захочетъ твой супругъ — спасень онъ
будеть,
Охъ! помоги; охъ! попроси его!

Марія.

Старикъ! Послушай — кто былъ мой отецъ?
Кто мать моя была? Ты ихъ знавалъ?

Пахомко (*смущаясь*).

Знавалъ ли?

Марія.

Гдѣ онъ?

Пахомко (*указывая на небо*).

У Бога!

Марія.

И какъ запомню, все была я сиротой,
Меня Маріей звали горемыкой; я всегда
жила

Въ семьѣ чужой. Когда явился онъ,
И мнѣ сказали, что онъ будетъ мнѣ супру-
гомъ,—

Я отдала ему жизнь, руку, сердце — все.
Все отдала ему предъ алтаремъ я Божьимъ!
Старикъ! Меня обманывалъ ты!

Ты знаешь, кто былъ мой отецъ, кто мой су-
пругъ....

Пахомко.

На что же знать тебѣ? Счастливей ли ты бу-
дешь,

Когда узнаешь все? — Праматерь Евву
Сгубило вотъ такое же желанье знать!

Марія.

Пусть губить — знать хочу я! Говори!

Пахомко.

А спрашивала ль у супруга ты?

Марія.

Онъ говорилъ, что онъ Околыничій Овчина,
А мой отецъ кто былъ — не знаетъ;

Что онъ меня увидѣлъ, полюбилъ,
И если бѣ дочь была я рыбака,
Простаго селянина — знать не хочетъ онъ!

Пахомко.

Вотъ, матушка, учись же у супруга
Любить и — вѣрить!

Марія.

Для чего при немъ

Ты не приходишь? Для чего просилъ ты
Не сказывать кто ты, что ты бываешь здѣсь?
Ты хитрый плутъ — ты показаться на глаза
Ему не смѣешь! —

Пахомко.

Развѣ янюшка тебѣ

Не говорила, что я добрый человекъ,
Что я тебѣ добра желаю?

Марія.

Добрый человекъ

Скрывать себя не станеть.

Пахомко.

Если такъ,

Такъ я и не прииду.

Марія.

Ахъ! не сердись, старикъ!

Но эта неразгаданная тайна,
Но это сиротство, какъ тяжело оно!
У всякаго отецъ, и мать, и братья,
А у меня — кто у меня?

Пахомко.

Супругъ, который любить....

Марія.

Но тотъ, кому я просьбой у супруга
Жизнь вымолю, кто онъ? Какъ я начну,
Когда не знаю, за кого просить я стану?

Пахомко.

Ты такъ скажи ему, что няня
Тебѣ поразказала, будто по Москвѣ
Идутъ такія вѣсти, что одинъ великій
И важный человекъ судомъ болгарскимъ
Ко смерти осужденъ; что видѣла ты сонъ,
Что такъ тебѣ придумалось, а лучше
Возьми ты слово напередъ, что если любить
онъ,

Такъ за него стараться будетъ...

Марія.

За кого же?

Пахомко.

За дядю Княжескаго, Старицкаго Князя
Андрея Юанновича.

Марія.

Дядю Князя Великаго?

Пахомко.

Да, за него. Молись усердно Богу,
Что бь сердце твоего супруга онъ смягчилъ,
Чтобы рѣчамъ твоимъ далъ сплу убѣжденья,
Чтобъ сердце распялось отъ рѣчей твоихъ...

Марія.

И онъ спасенъ быть можетъ?

Пахомко.

Можетъ!

Марія.

Мной?

Пахомко.

Господь даетъ младенцу силу слова!
Даетъ слово твой супругъ — его онъ сдержитъ.
И будетъ благодать съ тобой Господня.

Марія.

Я умолю его, я упрошу его! Ахъ! злые люди!

Ужели и супругъ мой въ ихъ совѣтъ?

Слажи.... Но тамъ въ кольцо ударили; онъ, онъ!

Ты слышишь? Онъ.... супругъ мой!

Пахомко.

Матушка! прощай, —

И обо мнѣ ни слова, ради Бога.

Повѣрь, что я тебя добра желаю.

Марія (*прыгая по кол-
паты*).

Онъ, онъ!

Пахомко (*въ сторону*).

О Господи! какъ любить!

А онъ ее, онъ такъ ли любить? сердце чело-
вѣка!

Какъ ты темно! — Какъ разгадать тебя?

(*Пахомко уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Оболенскій и Марія.

Марія.

Мой милый другъ, мой золотой, безцѣнный.
Сокровище мое!

Оболенскій (*обнимая ее*).

Моя Марія!

Марія.

Ахъ! полюбоваться

Мнѣ дай тобой, мой соколь златокрылый!
Усталъ ты — дай твой мечъ тяжельй я сниму;
Сладъ, отдохни!

Оболенскій (*садится*).

Марія, милый другъ! благодарю.

Марія.

Какъ долго ты не шелъ! —

Оболенскій.

А развѣ скучно

Тебѣ когда не вмѣстѣ мы?

Марія.

Еще бы весело! День цѣлый....

Оболенскій.

Что же дѣлать!

Дѣла....

Марія.

Богъ съ ними! Что тебя за радость
За ними убивать твое веселье?

Оболенскій (*мрачно*).

Какъ? веселье

Убивать?

Марія.

Прости меня; а право, мнѣ одной

Чего на мысль не придетъ, если нѣтъ тебя!

Оболенскій (*улыбался*).

А что жъ такое въ мысль тебѣ приходитъ?

Марія.

Я позабыла все, какъ ты со мной,
И съ радостю готова плакать!

Оболенскій.

Дитя!

Марія.

Нѣтъ! сердцемъ я состарѣлась...

Оболенскій.

Давно ли?

Марія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы сюда прѣехали, въ
Москву,
Мнѣ кажется, такой ты сталъ печальный, скуч-
ный....

Оболенскій.

Печальный, скучный — если ты со мной?

Полно. — Дай мнѣ вина, Марія — утомился я,
Нѣтъ мнѣ хочется, а чара романен
Меня развеселитъ.

Марія (*печально*).

Не поцѣлуй Марію,

А чара романен развеселитъ его!

(*Уходитъ медленно*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Оболенскій (одинъ).

Мнѣ жаль тебя, моя Марія!
 Я точно измѣнился: я не тотъ,
 Я самъ себя разсудка дать не смѣю....
 И зачѣмъ мою судьбу, мятужную судьбу,
 И страсти огненныя соединилъ
 Съ ея невиннымъ, добрымъ сердцемъ?
 Я ее любилъ, люблю.... Но, горе человѣку,
 Когда не чистая любовь, святая
 Сердца связала, а корысть....
 Не сердца я ея искалъ, и не Марію
 Сабуровыхъ родства — а съ нимъ....

(ударяя въ грудь).

Здѣсь нѣтъ покоя, голова моя горитъ,
 Что, будущее, ты мнѣ скажешь?

(Ходитъ и останавливается.)

Господи! Не видишь въ судъ съ рабомъ,
 Кто оправдается передъ тобою, кто посябуетъ
 Передъ Тобою съ простотою младенца стать,
 И въ сердце загнать безъ тренета свое.

(Молчаніе.)

Какъ счастливъ я бывалъ, когда безнечный,
 смѣлый,
 Забывъ вчера, о завтрашнемъ не помышляя
 днѣ,

Я только въ бой стремился, и съ мечемъ
 Былъ друженъ, и крамолы чуждый, смутамъ
 Боярекимъ насмѣхался... Будто огненные змѣи,
 Теперь они облачили меня....

ЯВЛЕНИЕ V.

Оболенскій и Марія.

Марія.

Вино —

Ты пить просилъ.

Оболенскій.

А, да! благодарю, Марія. (Садится.)
 Ты что-то, въ самомъ дѣлѣ, такъ печальна

Марія.

Нѣтъ, ничего — я весела.

Оболенскій.

Сядь здѣсь.

Какъ ты мила, какъ хороша ты, милый другъ!

Марія (тихо).

Что мнѣ начать съ нимъ говорить?
 Какъ прежде много словъ, ртчей бывало!
 (въ слухъ.)

Сердце говорило, а теперь.... — Могу ли,
 Мой милый — просьба у меня къ тебѣ....

Оболенскій (разспянно.)

Какая?

Аль ферязь новую, аль полсъ золотой —

Марія.

Нѣтъ! ихъ и безъ того мнѣ много,
 Не износить и въ сорокъ лѣтъ.

Оболенскій.

Ну, что же?

Марія.

Нѣтъ!... (робко) — Я теперь въ Москвѣ, а до
 сихъ поръ,

Еще я не видала ни Кремля,
 Ни Княжихъ теремовъ, и ни святыхъ собо-
 ровъ.

Оболенскій.

Ну. —

Марія.

Мнѣ все хотѣлось бы увидать ихъ; позволь, —
 Я въ теремъ поемъ, какъ птичка въ клеткѣ.

Оболенскій.

Этого нельзя! — Что по Москвѣ бродить?
 И безъ того тебѣ есть чѣмъ заняться дома: —
 Шей мнѣ ширинку, своей няжи кокошникъ.

Марія (тихо).

Какъ мнѣ начать — ея у общала....

(Въ слухъ).

Еще ..

Оболенскій.

Скажи смѣле?

Марія.

И ты исполнишь?

Оболенскій (усмѣхался).

Я не знаю —

Ты, можетъ быть, попросишь, чтобы я тебя
 Вечеръ поворотилъ на завтра.

Марія.

Нѣтъ.... (робко) Скажи.... ты въ Княжескомъ
 Дворѣ бываешь?

Оболенскій (изумляясь).

Къ чему такая рѣчь!

Марія.

Мнѣ.... няня говорила —

Оболенскій (успокаивалъ).

О боярахъ? Что жъ такое?

Марія.

Что будто многіе тебя бояре любятъ.

Оболенскій (усмѣхался).

Богъ знаетъ!

Марія.

Слушаютъ тебя.

Оболенскій.

Быть можетъ.

Марія.

Вотъ если бѣ ты поговорилъ боярамъ,
 И заступился за страдальца.... Добрымъ дѣломъ

Ты Богу угоднѣшь, а я тебя еще
Любить сильнѣе буду — такъ любить...

Оболенскій.

Что за страдалецъ? Что такое?

Марія.

Къ няню

Приходитъ... какой-то мужъ благочестивый...

Юродивый онъ что-ли... говорить,

Слухъ поносителя...

Оболенскій.

Послушаемъ Московской сметки...

Марія.

Что будто бы советъ боярскій осудилъ...

Оболенскій *(въ сторону)*.

Что говорить она?

Марія.

На смерть ... роднаго дядю...

Но ты меня пугаешь...

(Оболенскій шепотомъ взгладываетъ на нее).

Оболенскій.

Говори, когда ты начала!

Марія.

Роднаго дядю... Старицкаго Князя...

И если ты захочешь попросить, то можешь

Снасти его...

Оболенскій *(въ бышеество)*.

Кто смѣлъ тебя внушить

Такія рѣчи? — Говори, Марія, кто такой

Благочестивый мужъ? Зачѣмъ, какъ былъ онъ
здесь?

Марія.

Ахъ! Радъ Бога...

Оболенскій.

Няню, глупую старуху,

Сюда ес...

Марія.

Мой другъ!

Оболенскій.

О! ты не искренна со мной!

Смотри мнѣ въ очи прямо — ты лукавишь.

Марія.

Мой милый!

Оболенскій.

Говори мнѣ все — желанье

Смотрѣть на княжій теремъ, на Москву,

И толковать о томъ, о чемъ вамъ знать не
должно...

Марія.

Но самъ ты виноватъ, зачѣмъ мнѣ не позво-

лять, на свѣтъ и на людей взглянуть хоть разъ...

Оболенскій.

Несчастная! Ты хочешь погубить себя... меня. —

Марія.

О Боже правосудный!

Оболенскій.

Знаешь ли, что если Тебя увидятъ здесь, узнаютъ... знаешь ли,

кто ты?...

Марія.

Я... я... не знаю!...

Оболенскій *(насмѣшливо)*.

Будто ты не знаешь,

Будто няня выболгала всей тайны

Тебѣ не смѣла...

Марія.

Тайны?

Оболенскій.

Будто не сказала

Кто былъ супругъ сестры твоей. И ты

Со мной лукавишь? Я — глупецъ, я думалъ,

Что сердце женское коварству недоступно!

Марія.

О Боже! Какъ онъ страшенъ!

Оболенскій.

Родъ Сабуровыхъ въ тебѣ

Не изгинулъ своей породы хитрой.

Марія.

Какъ? развѣ я Сабурова?

Оболенскій.

Притворство!

Марія *(не слушая его)*.

Такъ развѣ о сестрѣ моей несчастной

Мнѣ няня, со слезами, говорила, какъ она

Плѣнила красотой влѣстителя Москвы,

И онъ надѣлъ ей на голову княжю ивнецъ,

И какъ потомъ плѣнился онъ другою,

И бѣдную сослалъ въ безвѣстныя края,

И съ молодой Литвянкой счастливы былъ!

О мой супругъ! Скажи мнѣ гдѣ она?

Гдѣ бѣдная сестра? Гдѣ мой отецъ?...

Оболенскій.

Не знаешь ты? *(тихо)* Изгинула, ложь — открыто

Здѣсь тайное убжище Маріи —

Старуха няня дастъ отвѣтъ за все,

И кто благочестивый этотъ мужъ...

Кн. II — 3

Скажи Марія... *(Долго смотрѣвши на нее)* Нѣтъ!

она невинна,
Она не знаетъ тайныхъ гибельныхъ сѣтей,
Какія злоба разстилаеть вкругъ меня!
Сядь сюда, Марія... Полно плакать... ты раз-

скажешь мнѣ
Все — я тебя прощаю — ты не знала... видишь.
Не долженъ ли скрывать я отъ людей,
Что ты въ Москвѣ, что ты молъ жена? —
Послушай... я разскажу тебѣ...

Великій Князь Василій
Въ юности, женился на сестрѣ твоей.
Красавица была Соломонія,
Какъ ты, Марія! Богу не угодно было
Благословить ихъ бракъ дѣлами. Тогда въ Мо-

скву
Прѣхалъ Глинскій Князь. Съ нимъ дочь была
Красавица. Василій престарѣлый
Былъ увлеченъ Елены красотой —
Сестру твою отвергнувъ онъ, сослалъ;
Вашъ славный родъ погибъ въ изгнаньѣ, въ

ссылкѣ.
И казнь постигла тѣхъ, кто прекословитъ смѣль.
Все согласились съ Княземъ...

Марія.

Вѣ? И никто, никто
Не смѣлъ сказать еще правдивыхъ словъ?

Оболенскій.

О, ты его не знаешь.
Какъ трудно сильнымъ правду говорить!
Максимъ Премудрый, Беклемишевъ, мой отецъ
Ослаблились — ихъ смерть постигла и изгнанье!
Тебя увидѣлъ я, тобой плѣнился я;
Ты въ сиротствѣ жила у тетки престарѣлой...
Ты, разлутенная съ родными, ничего не знала,
И тетка говорить тебѣ не смѣла...

Марія.

А мой отецъ?

Оболенскій.

Онъ умеръ.

Марія.

Мать?

Оболенскій.

Не спрашивай меня.

Ты видишь ли, Марія, почему
Мой бракъ съ тобою я скрывалъ, какъ тайну?
Я головой любовь твою купилъ.
Василій умеръ — власть къ Еленѣ перешла,
Она Россіей правитъ именемъ сыновнимъ.

Марія.

И ты меня покинешь, какъ Василій
Мою сестру...

Оболенскій *(смущался)*.

Я?... Боже сохрани!... Моя подруга,
Моя Марія... Но съ твоею панией
Мнѣ должно говорить, съ болтуней старой...
Марія! Счастье твое въ повиновенъ мнѣ! ..
Я возвратитъ хотѣлъ сестрѣ твоей и роду
Богатство, славу — можетъ быть, я возвратю.

Марія.

Не отнимай любви — мнѣ ничего не надо!

Оболенскій.

Пошли мнѣ янью...

(Марія уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Оболенскій *(одинъ)*.

Слабую жену

Обманывать легко — но, Бога! Советъ — замо-
чи, злодѣйка!

Когда противъ Елены думалъ я возстать,
Предвидѣть могъ ли я что все ея рука,
Все мнѣ отдать готова будетъ — почести и славу
И первымъ въ сонницѣ бояръ меня поставитъ,
И... женщина... Елена!... Разгадалъ ли я?...
Вионецъ твой княжій — онъ... не защититъ тебя
Отъ страсти тайной... Оболенскій, Оболенскій!
Судьба тебя льзеветъ, но цвѣтамъ
Ведеть тебя, но подъ цвѣтами

Таятся зми... *(Рышительно)* Все узнать! По-
томъ разсудимъ. Гдѣ,
Гдѣ пня? что она пейдетъ? Враги мои!
Вы все могли узнать, — сказать Еленѣ могутъ,
Тогда... Местъ женщины ужасна... Нѣтъ, вра-
ги мои!

Перехитрить себя не дастъ вамъ Оболенскій.
Я сѣи ваши разорву, какъ паутину...

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Марія *(одна)*.

Гдѣ онъ?... О Боже! Какъ онъ страшенъ,
Столь грознымъ въ первый разъ я видѣла его!
И зачѣмъ раскрылъ онъ бездну,
Отъ которой закружилась голова моя? —
Такъ, то была не сказка — былъ? Отенъ, се-
стра!

Но онъ не все сказалъ, не все, онъ не Иванъ
Овчина.

Охъ! Сердце, сердце бѣдное! ты поешь,
Ты тоскуешь! — Черный воронъ
Здѣсь клюеть — тоска кручина! —

ЯВЛЕНИЕ VIII.

(Великолепная зала въ Кремлевскихъ чертогахъ).

ЕЛЕНА и ВАС. ШУЙСКІЙ.

ШУЙСКІЙ.

Великая Книгиня! все готово —
Мы твоего вѣдья ждемъ.

ЕЛЕНА.

Вести пословъ и Шихалю. Здѣсь ли Оболенскій?

ШУЙСКІЙ.

Онъ въ Золотой Палатѣ.

*(Уходитъ.)*ЕЛЕНА *(одна)*.

Нѣтъ! Ведичіе и власть

Вы счастья не даете! Смуты и крамолы,
Заботы тяжкія мнѣ отравляютъ жизнь...
Женское ли дѣло править государствомъ?Жизни, счастья сердце просить,
И любви, любви... Суровый, старынъ мужъ,
Счастья я съ тобой не знала
И любви не знала я!...А теперь, когда и день и ночь одно мечтанье,
Дума только объ одномъ —Могу ли думать о заглахъ Крымцевъ,
О покореніи Казани, старомъ Сигизмундъ? —
Ахъ! если бь я могла, хоть въ хижинѣ убо-гой,
Съ нимъ позабыться въ счастье и любви,
Хоть на минуту, на мгновенье...*(Звукъ трубы).*

Ахъ!.. они плутъ!....

Притворимся — будемъ горды, неприступны.
Сильному легко казаться мудрымъ,И Елена станутъ удивляться,
Говорить о мудрости Елены — Ольгъ,
Пульхеріи, Иривъ уподоблять...
А Елена мудрал...*(Горько улыбаясь.)*Когда бь умѣли люди,
Сквозь Царскую одежду, въ сердце заглянуть...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Кн. В. Шуйскій, Кн. Оболенскій, Болре,
воппы, Посолъ Польскій, Посолъ Крымскій,
Елена на княжескомъ тронѣ. Окрестъ
ея свита; царедворны становятся около трона.

ШУЙСКІЙ.

Великая Книгиня! Хана Крымскаго Посолъ
Тебѣ челою бьеть отъ Орды и Хана.

Крымск. Посолъ.

Ханъ Исламъ Гирей, властитель мой великій,

Опора музьяманъ, зѣзда Востока,
Привѣтъ тебѣ и дружбу изьявляетъ,
Книгиня Русская, доколь миръ стоить.

ЕЛЕНА.

Благодарю его. Скажи за чѣмъ ты присланъ?

Крымск. Посолъ.

Ты грамоты читала.

ЕЛЕНА.

И отвѣтъ

Ты слышала отъ Болре.

Крымск. Посолъ.

Позволь мнѣ слово,

Великая Книгиня: не доволенъ Ханъ
Твоимъ самоуправствомъ. Ты совѣтовъ злыхъ
Послушалась, и дружбу разрушаешь.

ЕЛЕНА.

Совѣтовъ я не слушаю ни чьихъ,
Сама я правлю Русскою землею.
Чего твой хочеть Ханъ?

Крымск. Посолъ.

Оставь Казань.

Тамъ царствуетъ Сафа-Гирей великій;
Онъ другъ Исламу, грозенъ и могучъ.

ЕЛЕНА.

Давно ли сталъ у насъ великимъ онъ?
Присланныкъ вѣроломный, рабъ мой...

Крымск. Посолъ.

Но такіа рѣчи

Къ дружбѣ не ведутъ!

ЕЛЕНА.

Ненарушамъ дружбы

Но Ханъ въ Казань вступается напрасно:
Сафа-Гирею тамъ не быть. Я такъ хочу!

Крымск. Посолъ.

Страшнѣе же силы Крымской: съ будущей
веснойПолеи неслѣтныя мы въ поле поведемъ;
Какъ рой ичелюный, мы твою покроемъ землю.
Ты будешь Богу отвѣчать за кровь и слезы.
Отколь гордость въ насъ? Оставь Казань
И дань плати Исламу!

ЕЛЕНА.

Ты, Мурза, опибел,

Не лань—подарки, ты хотѣлъ сказать —
Подарки намъ готовы, если Ханъ
Высокомѣтріе смирить — подарки будутъ....

Крымск. Посолъ.

Дань!

Онъ даннъ требуетъ, какую твою супругу
Платить!

ЕЛЕНА.

Такъ итъ же вамъ, ни даннъ, ни подарковъ!
Иди, скажи Исламу-Хану: съ будущей весной
Мы встрѣтитъ насъ готовы, а зимой
Немедленно изгонимъ изъ Казани
Раба, преступника Сафа-Гирея!

Крымск. Посолье.

Хороши посулы!

Да, какъ-то вамъ придется ихъ исполнить...

Оболенскій.

Стой, Татаринъ!

Ты смѣешь говорить столь дерзко, выдай,
Что если ты еще лишь слово скажешь,
То, вѣсто Крыма, будешь ты въ тюрьмѣ!

Крымск. Посолье.

Я Хана рѣчи говорю!

Оболенскій.

А дая ли Ханъ твой

Две головы тебѣ въ дорогу — на запасъ одну?

Крымск. Посолье.

Вамъ не видать Казани!

Оболенскій.

Мы ее видали —

(Указывая на свой меч).

Отъ этого меча она смиралась;
И самъ я стѣны зажигалъ Казани вашей,
И Алегана, жалкаго Казанскаго Царя,
У ногъ Князей Великихъ зрѣли мы,
Во прахъ челою склоненнаго!

Крымск. Посолье (удерживая
проты).

Великъ Аллахъ! Война.
Война васъ образумитъ! Изъ Казани, Крыма
Подвинутся на вашу Русь полки!

ЕЛЕНА.

Войны я вашей не боюсь.

(Шуйскому).

Вести сюда

Раба и нашего слугу — Царя Казани!

Крымск. Посолье.

Царя Казани!

ЕЛЕНА.

Шихалею мы даемъ Казань.

—

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же. Входятъ Шихалея. Онъ падаетъ пер-
едъ Еленою на колѣни.

Крымск. Посолье.

О, стыдъ! передъ глазомъ на колѣняхъ!

Шихалея.

Рабъ твой и слуга

Ирахъ погъ твоихъ целуетъ и помилованья
просить!

ЕЛЕНА.

Встань, Царь Казанскій, всѣ твои винны
Мы отпускаемъ, мы тебя прощаемъ.

Шихалея.

Песъ нечистый,

Источникъ клятвы возмутившій языкомъ,
Я впроломилъ былъ, я былъ предатель —
Разбойникъ, душегубецъ, но прими затѣсь
клятву,

Великая Княгиня: если я отыщу
Хоть мысль преступную помыслу, пусть тогда
Кускомъ я первымъ подавлюсь, и первымъ
словомъ

Проклятыя нареку себя, отцу и дѣтямъ!

Что повелѣшь ты мнѣ?

ЕЛЕНА.

Тебѣ даемъ мы войско.

Сто тысячъ ты къ Казани поведешь,
Изгонимъ злобнаго раба Сафа-Гирея;
Ты въ кандалахъ его въ Москву велишь плачть
И сядешь на его престоль.

Шихалея.

Я пау.

Но мой престоль у ногъ твоихъ я ставлю:
Пусть будетъ онъ ступенькой, по которой
Къ побѣдъ надъ врагами ступишь ты —
Я прагъ твоимъ врагамъ, я рабъ твой и слуга!

Крымск. Посолье.

Хоть не при мнѣ безславъ себя — не Царь
Рабъ, и не сынъ царей — слуга Царей Москов-
скихъ!
(Еленѣ).

Довольно, торжествуй, Княгиня, но страшись:
И безъ Казани мы найдемъ довольно силы;
Мы съ Польщею въ союзъ страшны будемъ!

Елена (Польскому послу).

Такъ твой Король въ союзъ съ Крымскимъ
Ханомъ?

Ты не о томъ ли присланъ повѣстить?

Польскій Посолье.

Мой Государь тобою оскорбленъ —
Онъ тщетно предлагалъ тебѣ и миръ и дружбу.

ЕЛЕНА.

Мы ихъ принять готовы, но смѣшны
Условія, какія Сигизмундъ
Намъ смѣетъ предлагать: отдать Смоленскъ,
Прислать посолье къ нему для договора....

Когда бывало, чтобы Русские послы
Къ намъ въ Польшу ѣздили? А городъ нашъ
Смоленскъ
Съ чего вамъ требовать? Онъ нашъ издревле,
Онъ намъ победой возвращенъ.

Польскій Посоль (жаднокрово).

Еще одно условье

Ты позабыла: мой Король вельжъ
Мнѣ бѣглецовъ потребовать Литовскихъхъ.

Елена.

У насъ ихъ пять: не бѣглецы, а вольные Князья
Къ намъ въ службу переходять. Вашъ Король
Имъ запретить не можетъ и не смететъ пере-
хода.

Польск. Посоль.

Преступники, не вольные Князья къ вамъ убь-
жали,

И мы ихъ требуемъ на судъ и казнь!

Елена.

Наименуя ихъ, кто они?

Польск. Посоль.

Два брата Глипскихъхъ,

Ихъ дѣти, дочери...

Елена (всплнувъ).

Ты позабылся, дерзкій!

Ты смѣешь мать властителя Москвы
Бѣглянкой изъ Литвы называть, и Глипскихъхъ
Родъ славный порицать измѣной...

(Спокойно).

Но Московскій Князь

Отвѣтъ намъ дастъ. Благодарю судьбу,
Что званіе посла въ тебѣ онъ уважаетъ,
Что твой языкъ каменными щипцами
Не повелитъ онъ вытянуть въ затылокъ!

Польск. Посоль.

Нельзя ли показать Великаго мнѣ Князю,
Который смѣю такъ дерзаетъ говорить
Съ великимъ Сигизмундомъ? Видѣлъ я мла-
денца

Какого-то, и вокругъ него я видѣлъ
Мятежный сонмъ бояръ... Еще я видѣлъ...

Елена (подымаясь).

Еще одно лишь слово...

Польск. Посоль.

Вотъ оно, Елена.

Елена.

Ты смѣешь...

Польск. Посоль.

Подданная Сигизмунда...

Елена.

Подданная эта

Сто тысячъ за себя отъвѣтчиковъ поставитъ!...

Польск. Посоль (насмѣшливо).

Поберегите силы: на Казань сто тысячъ,
На Крымъ сто тысячъ, противъ Польши сто...

Елена (презрительно).

Сосчитаешь послѣ; но чего ты хочешь?

Польск. Посоль.

Миръ или война?

Оболенскій.

Позволь, Великая Княгиня, недостопишь онъ
Отвѣта твоего....

(Польскому послу).

Война, Посоль надменный,

Достойный представитель Короля
Сибяга, драхлага, безумнаго владыки!

Иди и возвести ему: не вы, а мы
Войну вамъ объявляемъ, и булатный Русскій
мечъ

Отвѣтъ Москвы вамъ не замедлитъ поленить!

Польск. Посоль.

Нѣтъ, мы отвѣтъ въ Москву принесемъ:
Олгерда слѣдъ еще не заросталь — онъ свѣжъ!

Оболенскій.

Нѣтъ! буряни давно онъ замеченъ,
Засыпанъ Русскими сѣвгамъ, и заростъ
Мечамъ, копьямъ, загороженъ полками,
Которымъ путь въ Литву давно знакомъ,
И отъ которыхъ трепеталъ вашъ Александръ,
И Сигизмундъ искалъ спасенья въ бѣгствѣ!
Ты малолѣтствомъ порицалъ насъ Князю?
Ты видѣть бы его хотѣлъ?... Онъ здѣсь,
Онъ въ Русскомъ сердцѣ, подъ стальной коль-
чугой,

Которой не разрубитъ мечъ Литовскій!

Ты видѣлъ сонмъ бояръ, мятежный, говорившъ?
Тебѣ съ похмѣльемъ грезится Москва Литвою.
Мятежныхъ пѣть въ Москву, средъ доблестнаго
сонма

Опоръ совета и могучихъ воеводъ!

Измѣнники бѣжали къ Сигизмунду —
Ты ихъ найдешь въ бесѣдѣ Короля,
Когда воротиться въ свою Литву...

Скажи ему и мнѣ, что съ втрой въ Бога сплѣ
Противъ Казани, противъ Польши, противъ
Крыма,

Мы двишемъ грозные полки, и въ гости
Къ вамъ въ Вильну явимся — поинировать ме-
чами

И поиграть желѣзомъ и свинцомъ. Пусть при-
готовить
Запасъ побольше: вѣдъ гостей придетъ до-
вольно:

Отъ блокаменной Москвы до Вильны
Потянется почтовый повозъ нашъ....
Скажи, что главный Русскій воевода,
Такъ говорить и сдержитъ слово!

Польск. Посоль.

Кто же этотъ,
Столь грозный воевода?

Оболенскій.

Я. За честь и славу Руси,
За Князя Русскаго, за православіе наше,
За нашу мать — Москву и голову мою
На брань несу, и на мечь моею, посоль на-
менный,
Клянусь, что гибель вамъ и огнь палачій
Дотоле, будутъ свирѣить, пока,
Какъ милости, попросите вы мира....
Сосдвиньтесь съ Крымомъ, съ нами Богъ и
правда!
(Радостный говоръ между Русскими.)

Война война.

Елена (встаетъ).

Война! Во имя Бога, Русская земля!
Богъ силъ побѣдой освѣтитъ хоругви наши!

Всѣ Русскіе.

Война, война!

Елена (посланъ).

Вы слышали отвѣтъ,
Послы изъ Крыма и изъ Польши? До сви-
данья!
Поклоны отнесите Королю и Хану....

Крымск. Посоль (ломая стрѣлу).

Война! Стрѣлу я преломляю!

Польск. Посоль (обнажая мечъ).

Силъ менемъ

Войну вамъ объявляю!

(Послы и ихъ свита уходятъ поспѣшно.)

Елена (среди Русскихъ).

Знаменитый союзя

Бояръ и воеводъ, Царь Шихалей, и ты, нашъ
первый воевода,
Великій Коношій, Князь Оболенскій! поспѣ-
шите
Дружнью воинственныхъ устройствомъ, и на-
ролу,
На Красной Площади, указъ прочтите нашъ,
Что, съ Божьей помощью, войну мы начинаемъ.
Пойдите въ храмъ, и тамъ предъ алтаремъ,
Помолимся побѣдодавцу Богу!

Всѣ.

Да здравствуетъ Великій Князь! Ура!

(Елена и всѣ за нею уходятъ, кромя Шуйскаго.)

Вас. Шуйскій (одинъ).

Ну, Оболенскій, другъ! на слово боекъ ты —
Посмотримъ, какъ-то на мечъ ты ловокъ бу-
дешь....

Великій Коношій! Смотри-ка.... Этакъ онъ
Въ Великіе Князья махнется!

А что? И въ самомъ дѣлѣ!

Вотъ мысль печальную мнѣ Господь послалъ...

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИТОВСКІЙ ЛѢСЪ.

Мрачный лѣсъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Литовскій коллунъ и вокругъ него

Вайделоты.

(Буря и громъ. Нартка слышитъ выстрѣлы).

Хоръ.

Грени пылай огонь Перкуна,
Стенай и плачь угрюмый лѣсъ!
Свершилаеъ грозная судьбина
И кара гибельныхъ небесъ.

Коллунъ.

Гдѣ вы, могучіе потомки Гедимина!
Гдѣ, гдѣ вы Витовта отважные сыны?
Мечъ Русскій молніей сверкаетъ лучезарной,
И пала слава доблестной отчины!
Давно-ли мы къ стѣнамъ Москвы
Съ хоругвию Олгерда подходили,
И дань несли намъ Русскіе Князья
И въ храмъ Свенторога дивный огонь горѣлъ!
Плѣнь и гибель пролетѣли,
И стѣой сужателъ алтарей,

Я пережишь падение Боговъ Литвы —
Ужли переживу паденье нашей славы?

ЯВЛЕНИЕ II.

Ть же и Симеонъ Бальскій.

Сим. Бальскій (*его несутъ ра-
ицаго*).

Дайте умереть — здесь.... Лучше умереть,
Чѣмъ славу зрѣть прага — побѣду, и безсильно
Ему покорствовать.... Идите въ бой — вы мнѣ
не нужны....

(*Воины, принесите Бальскаго, угодна*).

Колдунъ (*подходитъ къ пе-
лу*).

Скажи намъ, храбрый воинъ — что бой?

Сим. Бальскій.

На что тебѣ?

Связаться хочешь ты надъ тѣмъ, кто умираетъ!

Колдунъ.

Связаться!

Сим. Бальскій.

Да, кто побѣжденъ — позоръ тому!

Колдунъ.

Не счастье ли играетъ намъ? Битва —
Игра, и часто храбрый трусомъ побѣжденъ?

Сим. Бальскій.

Охъ! еслибъ такъ! — О, еслибъ, умирая.
Я видѣлъ счастья игру въ позоръ нашемъ
Нѣтъ! то не случай былъ — онъ вождь не и-
кнй —

Со скрежетомъ зубовъ я говорю: онъ вождь
великн!

Какъ быстро сдвинулъ онъ полки — какъ этотъ
бой

Рѣшительный, кровавый, былъ расчитанъ —

Онъ въ Вильну отворилъ ему дорогу!

И въ брани видѣлъ я его — какъ ангелъ смерти

Онъ по рѣдамъ леталъ съ стальной скинрой....

Отчизна бѣдная — погибла все!

(*Забывается*).

Колдунъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не все погибло!

Когда намъ счастье измѣнила храбрость,

И силы человека слабы стать въ борьбу,

Мы силы ада двинемъ — сильнаго вождя

Мы побѣдимъ очарованьемъ адекинъ!

Сюда, лѣсовъ Литовскихъ Вайделоты!

Внимайте, побѣдила насъ Москва, и Князь мла-
дсенъ,

Литвянки Глинской сынъ, вадъ старымъ Ко-
ролемъ

Побѣду торжествуетъ. — Двинемъ наши силы,

Своемъ духовъ изъ ада и земли, огня, воды,
Вѣдемъ Кіевскихъ и Финскихъ чародеиъ,
Раздуемъ некру, запалимъ пожаръ —
Вождь Русскій, чѣй рукой Москва сильна,
Опутанъ демонскою сѣтью властолюбья!

Задумимъ мы его въ таинственныхъ сѣтяхъ —
О, страшно онъ погибнетъ —

Мечтая взятъ въ пленъ, онъ голову положить,
И съ головой его падутъ главы столь многихъ;
Рѣкою кровь полетѣтъ — позабудетъ Русь по-
бѣды,

И растерзаютъ грудь ея крамолы и пражды,
И юный ихъ влатель грознымъ будетъ Цар-
ству.

Совершайся ада месть!

Зло, раздоръ, гибель, брани,

Ухищренье, мщенье, лесть,

Съ адекинъ пламеникомъ въ длани

На могучаго вождя

Носѣнчато, носѣнчато!

Какъ туваномъ ослѣпите

Очи свѣтлыя его!

Будто хитрою змѣею.

Въ сердце, въ умъ его вползните,

Въ ладъ тлетворный обратите

Свѣтъ ума и солнца свѣтъ....

Мшенью, злобъ мьры нѣтъ!

(*Громъ — выстрѣлы усиливаются.*

Колдунъ и Вайделоты исчезаютъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Поляки (*блгутъ черезъ сце-
ну*).

Спасайтесь!

Русскіе (*преслѣдуютъ ихъ*).

Съ нами Богъ!

(*Симеонъ Бальскій и Оболенскій*).

Оболенскій (*съ мечемъ*).

Сюда друзья! гоните,

Тамъ, черезъ лѣсъ! Захватывайте путь!

Дорогу имъ отрубьте — бенте сборъ....

(*Увидя Бальскаго*).

Что вижу я? Здѣсь Польскій вождь? Скорый
помощь!

Симеонъ Бальскій.

Прочь — вы враги!

Оболенскій.

Мы не праги, когда оконченъ бой!

Сим. Бальскій.

Вы побѣдили, и — вы Русскіе — нѣтъ смерть
отрадите!

Оболенскій.

Кто это? Симеонъ! Тебя ли вижу я?

Ты ль, Симеонъ, измѣнникъ, прагъ мой лютый?

Сим. Бѣльскій (*подымаясь*).
То гелсъ Оболскаго.

Оболснскій.
Возьмите, — сберегите
Для казни жизни его!

Сим. Бѣльскій.
Стои, гордый побѣдитель!
Не твой я — Божій; не тебѣ, но Богу
Отвѣтъ свой дамъ! Не разлучай съ могилон,
Д и мнѣ спокойно умереть, съ отрадой,
Что за стизну я животь своей положилъ.

Оболснскій.
Ты за отчизну? Умирал, преступленіе
Ты хочешь прикрывать коварной ложью!!

Сим. Бѣльскій.
Нѣтъ! я не лгу — однажды въ жизни
Нарушилъ я присягу родинѣ моей,
И тяжко былъ наказанъ, и очистилъ
Прощеньемъ Короля побѣгъ и стыдъ мой,
И голову за родину кладу. Князь Оболснскій!
Напомни смертныи часть — передъ могилон
Всѣ оболщенья исчезаютъ. Горе тѣмъ,
Кто правъ въ глазахъ людей, но въ сердцѣ
Находитъ судъ свой неуметный — берегись!
Когда изъ мутнаго потока петекаютъ
И храбрость и побѣда!... Боже, духъ мой при-
имъ!

Оболснскій (*упирается на мечъ*).

И только? И отъ Бѣльскаго, могущаго въ бо-
яхъ,
Не сытаго на почестъ, буйнаго вельможи,
Горсть праха? (*Наклоняется и трогаетъ его*)
Умеръ!

Богъ его простя!
О если избирать на здѣшнемъ бѣдномъ свѣтѣ —
Двѣ участя завидны — или въ битвѣ настъ
И душу положить за друга и за ближнихъ,
Иль первымъ быть однимъ, среди живыхъ лю-
дей.
Какъ солиде одиноко посреди свѣтилъ небес-
ныхъ!
Блаженъ кто пролилъ за отчизну кровь и от-
далъ душу....

Но что же? Для чего меня хранила въ бит-
вахъ
Десница Бога? Я шадилъ ли жизнь въ болахъ?
И для чего стлзѣй непостижимой
Меня къ величю вела и довела,
И въ сонмъ избранныхъ — ить! ты средъ нихъ
не первый, Оболснскій;
Еще ты не властитель.... Трепеть по костямъ,
Едва лишь помышленіе души коснется. ..

Когда хорурговъ побѣды на стѣнахъ Казани

Я водрузилъ — я помню почъ — я помню
сонъ....

Подлѣ костровъ, подлѣ зарепомъ Казани
Сонъ тяжкій мною овладѣлъ —
То сонъ ли былъ, или мечтанье на лгу?
Мечталась мнѣ какал-то жена,
Закрытая воздушнымъ покрываломъ,
И она мнѣ подавала... Шапку Мономаха!
И умъ мой помутился, и съ тѣхъ поръ
Мнѣ не было услады, ни въ побѣдахъ,
Ни въ шумѣ брани, ни среди пировъ веселыхъ!
Нѣтъ дружбы для меня и нѣтъ любви —
Все мысль одна — проклятая губительная
мысль!...

Свершился мой мечта, или исчези,
Дай мнѣ покой — о, совершился хоть на мгно-
венье!...
Преступникъ! Славу добрую на что мѣняешь
ты?

Проклятемъ замѣнить благословенье, адомъ
рай!...

Въ недоступной высотѣ
Великокняжескнмъ святой престолѣ поставленъ..
(*Задумывается.*)
А, если бѣ могъ я въ будущее заглянуть....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оболснскій и Колдунъ. (*Колдунъ
идетъ изъ
леса.*)

Оболснскій.

Кто это? Привидѣнье полуночи или демонъ
Во образѣ бредящнмъ человека?

Колдунъ.
Привѣтствую тебя, Великн Князь Московскій!!

Оболснскій.

Ты ошцбаешься — здѣсь ить Князей Москов-
скихъ!

Колдунъ.
Привѣтствую тебя, Великн Князь Московскій!

Оболснскій.

Ошцбся старецъ ты!

Колдунъ.

Привѣтствую тебя,
Великн Князь Московскій!

Оболснскій.

Кто ты?

Колдунъ.

Лѣсовъ Литевскихъ житель,
Польвка я живу въ арсмучихъ снхъ дубро-
вахъ,

Ни что не скрыто предо мною — ни сердце че-
ловѣка,
Ни будущаго тайны. Изъ моей пещеры
Я вышелъ Русскаго вождя увидѣть, человека
Избраннаго судьбою на подвиги и царство!

Оболенскій.

Ты будущее можешь предсказать?

Колдунъ.

Могу ли?

Оболенскій.

Ты тайны можешь мнѣ открыть, которыхъ
Взоръ человека проникать не можетъ?

Колдунъ.

Могъ бы, но не смѣю! Содрогнется и безстраш-
ный сердцець,
Когда предъ нимъ таинственной судьбы
Поднять туманные грядущаго покровы!

Оболенскій (схватывая его за
руку).

Старцы! подними ихъ предо мною!

Колдунъ.

О, суетной пытливости рабы!
А если сердце затрепетать, если духъ
Въ тебѣ смутится, когда тайны грозныхъ су-
дебъ

Лицемъ къ лицу увидишь ты?

Оболенскій.

Открой мнѣ ихъ:

Бери — я золота тебѣ дамъ много —

Колдунъ.

На что мнѣ золото? Имя мудрости не купишь!
Твое исцелю я желанье. Цѣпь свою сними
И скинь шеломя — стань здесь — волшебнымъ
кругомъ

Я очерчу тебя — ни шагу изъ него —
И имя Бога твоего призвать не смѣй,
Или погибнешь ты средь легионовъ темныхъ!

Оболенскій (цѣпешъ отъ стра-
ха).

Не содрагайся сердце и отъ устъ моихъ мо-
лтва прочь!

Колдунъ (Речитативъ).

Сюда, вы, духи темные, прійдите
Изъ львовъ дремучихъ, воды глубокихъ,
Пещеръ подземныхъ, изъ палящаго огня,
Изъ аера, гдѣ тучами грозите —

Сюда!

(Громъ.)

Хоръ духовъ.

Свѣте громъ

Рѣшетомъ!

Жарьте змѣй

Для людей!

Поспѣшите, поспѣшите

Духи тьмы!

Колдунъ.

Открывайся тайна человеку,
Скажись ему его судьба;
Да видитъ онъ грядущее очами,
Яснѣй, чѣмъ сердца тайны своего!
(Видѣніе; мрачный лѣсъ исчезаетъ, видныя
волшебный котель съ огнемъ, и около него
плещущія привидѣнія).

Хоръ духовъ.

Гей, гей, гей, гей!

На пагубу людей,

Мы собрались,

Мы принесли!

Кинить котель очарованій

И гибнетъ человека умъ

Въ огни волшебныхъ обаяній

И тяжкихъ и преступныхъ думъ!

(Женщина является подъ покрываломъ, съ
рукою въ руке, въ другой кинжалъ).

Оболенскій.

Она! опять она — вѣнецъ, кинжалъ и покрыв-
ало!
Сними его — дай видѣть, кто ты,
Проклятое видѣнье! кто ты, кто ты?

Голосъ.

Я Елена!

Оболенскій.

А золотой вѣнецъ — чей?

Голосъ.

Мономаховъ!

Оболенскій.

Кому его — кому?

Голосъ.

Тебѣ!

Оболенскій.

А сынъ Елены?
(Привидѣніе подымаетъ кинжалъ)

Никогда! вѣтъ, вѣтъ!

Будь проклята ты, адская мечта. ... Господь!
спаси меня! —
(Онъ выбѣгаетъ изъ круга, и все исчезаетъ).

Оболенскій (затмываясь за тѣ-
ло Симеона Бѣль-
скаго).

Что это? Не ступень ли къ трону? Трупъ!
Гдѣ я!

Колдунъ (злобно).

Что? Счастливей ты сталъ? Скажи —
Теперь ты будущее знаешь!

Оболенскій

Обоитель!

Я на костръ пелю сожечь тебя!
Зачѣмъ ты страшную открылъ мнѣ тайну.
Зачѣмъ ты въ образы мечты мою облекъ!

Колдунъ.

Благодарю тебя!

Оболенскій (почти шепотомъ).

И мой онъ будетъ? вѣнецъ?
И не погбну я?

Колдунъ.

Нѣтъ! Долголетенъ, славенъ,
Ты будешь, но страшнѣе; настанетъ часъ твой,
Когда двѣ свидятся сестры
Во прахъ, средь ночной поры,
При свѣтѣ мѣсяца и ладаго; (Ж)
Кольца страшнаго золотого
И зелья берегнись лихаго!

(Насмыливо.)

Привѣтствую тебя, Великій Князь Московскій!
(Громъ. Колдунъ про падаетъ. Слышны трубы.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Оболенскій и Воеводы.

1-й Воевода (входя).

Сюда! Онъ здѣсь — мы здѣсь его найдемъ!

2-й Воевода (входя).

Привѣтъ тебѣ, нашъ славный повелитель!
Знамена Польши и Литвы тебѣ приносимъ.

3-й Воевода.

Изъ Москвы прѣхалъ къ намъ Боярничъ. —

4-й Воевода.

Польскіе Послы тамъ ждутъ тебя.

1-й Воевода

И пѣвники рѣшенья ожидаютъ.

2-й Воевода.

И войско ждетъ побѣдоноснаго похода.

Оболенскій.

Сюда Боярина введите и пословъ!

(Входитъ Шуйскій, послы и воины).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оболенскій Шуйскій.

Князь Василій Шуйскій! Ты ли?
За чѣмъ въ такой ты путь рѣшился дальній?

Василій Шуйскій.

Веленіемъ Великія Княгини
Съ побѣдами тебѣ поздравить — гривну золотую

Вручить тебѣ, отечества спаситель!

Ханъ Крымскій, изумленный подвигомъ твоимъ,

Не смѣлъ на насъ подвигнуть хищныхъ ордъ,
И предлагаетъ миръ, и проситъ пощадить

Литву и Польшу. Рядъ твоихъ побѣдъ

Довольно обезопаситъ нашу землю.

Миръ заключи. Спѣши — тебя въ Москву

Зоветь на торжество Великая Княгиня!

И самъ тебѣ весьма объявить
Наместника Смоленска и Казани!

Всѣ.

Ура! Наместникъ надъ Смоленскимъ и Казанью!

Оболенскій.

Благодареніе, Князь Шуйскій. Вамъ товарищи
Благодаренье!

Василій Шуйскій.

Но смущенъ ты, блѣденъ?

Не раненъ ли ты, Князь?

Оболенскій.

Нѣтъ!

Василій Шуйскій.

Славный подвигъ

Купишь трудомъ ты тяжкимъ!

Оболенскій (вздвигнувъ).

Да,

Онъ дорогъ мнѣ пришелся.....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Польскій Посоль.

Польскій Посоль (входитъ).

Славный воевода!

Отъ Короля привѣтъ тебѣ!

Оболенскій.

А, панъ вѣлможный!

Ты видишь ли, сдержалъ я слово,
Какое далъ въ Москву?

Польскій Посоль.

держалъ!

Оболенскій.

Что скажешь намъ теперь?

Польскій Посолъ.

Король прислалъ

Тебя просить о мирѣ. —

Оболенскій.

Вотъ — теперь давай мириться!

Пойдемъ и отдохнемъ за чашей круговой!

Сборъ трубить!

В с ъ.

Ура! Намѣстникъ надъ Смоленскимъ и Казанью!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

(Зала въ Кремлевскихъ чротогахъ).

Елена (одна).

Онъ идетъ! Его увижу я!

Не трепещи, не бойся сердце — не печаль, а счастье,

Счастье онъ принесетъ съ собой — герой мой Оболенскій!

Тебя ли вижу? что съ тобой, Елена?

Ты какъ дитя, такъ весела, беспечна!

Да, меня любовь переродила — я дитя,

Я веселюсь..... Да, дайте подышать

Хоть разъ мнѣ въ жизни— вѣдь на счастье,

Вѣдь на радость Богъ создалъ человека!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Елена, Глинскій и Шуйскій.

Шуйскій.

Великая Княгиня! Оболенскій близко;

Гдѣ повѣлишь его намъ встрѣтить? гдѣ принять?

Елена.

Гдѣ встрѣтить — гдѣ принять? На встрѣчу.

На встрѣчу все къ нему, привѣтствуйте его,

Сюда героя приведите — пусть народъ, пусть войско,

Пусть вся Москва гремитъ ему побѣднымъ хоромъ!

Онъ веселъ ли? Онъ счастливъ ли?

Шуйскій.

Да какъ не быть

Счастливымъ и веселымъ — улицы сперлись народомъ,

И только то и слышно: «Многія лѣта!

«Да здравствуетъ отечества спаситель!»

А онъ, какъ соколъ ясный, на конѣ лихомъ

Средь воеводъ и воиска.....

(Слышанъ торжественный маршъ.)

Близко онъ!

Елена.

Онъ близко!

Шуйскій.

Я сиѣшу къ нему на встрѣчу!

(Уходитъ.)

Елена (смотря въ окно).

Онъ прѣехалъ —

Спасскія Ворота! Какъ шумитъ толпа —

Ликуй народъ мой — я тебѣ разсыплю

И золото, и серебро, и милость!

Глинскій (тихо).

Ея безумное веселье, — радость — чувство,

Котораго она не можетъ скрыть —

И Оболенскаго слова... Великій Боже!

Или правдиво подозрѣнье?

Елена.

Онъ идетъ!

ЯВЛЕНИЕ X.

Прежніе, Шуйскій и Бояре.

Шуйскій.

Великій Княжій Коношій, Намѣстникъ,

Смоленска и Казани, Воевода Русскихъ силъ,

Князь Иванъ Федоровичъ Оболенскій

Челомъ ударить повелѣнья ждеть....

Елена.

Введите,

Введите — встрѣтимъ радостно пожда побѣды!

(Встрѣчаютъ, воины несутъ знамена).

Оболенскій.

Великая Княгиня! предъ тобой колѣно

Смирненно преклоняя, доношу и поздравляю

Тебя съ побѣдою и съ миромъ благодатнымъ.

Елена.

Гдѣ намъ найти тебѣ награду, славный вождь!

Мой сынъ и я одолжены тебѣ спасеньемъ.

Отъ замысловъ кичливаго прага.

Прійми же поздравленья наше, всѣхъ боляръ,

Россійской всей земли, и буди здравъ.

Оболенскій.

Вотъ вражій хоругви, вотъ добыча и дары —

Къ ногамъ твоимъ я повергаю ихъ!

Елена.

Мы ихъ даримъ тебѣ — пускай напоминаютъ

Потомству твоему о славѣ предка.

Глинскій (въ сторону).

Тебя я понимаю, бѣдвалъ Елена!

О стрѣсти о пеняи! неужели родъ Глинскихъ

Ваянъ обреченъ на вѣки?

ЕЛЕНА.

Но дѣла забудешь —
Веселью предадимся. Юный сынъ мой,
Мой Юаннъ, ждѣтъ славнаго боя, бою!
Идите, ожидайте насъ въ Палатѣ Золотой,
Я сыну послышу представить Князя:
Пусть учится изъ славнаго примѣра
Великимъ бытъ: пусть отъ рѣчи и взора
Могучаго силъ Русскихъ Воюды —
Величіемъ въ немъ загорится сердце. Бъ-
дѣшь тотъ,
Въ комъ взоръ герой не зажжетъ порыва къ
славы?
И даже...
(*Бояре и воины уходятъ*).
Князь Михаилу Львовичу!
Въ мой теремъ приведи мнѣ сына.
(*Глинскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Оболенскій и Елена.

Елена (*послѣ некотораго молчанія*).
Прости мнѣ, Князь — я слабая жена —
Краснорѣчивою быть новсе не умно!
Оболенскій (*забываясь*).
О! говори — не знаю какъ, какими ты обаяшь
Речь каждую проводишь въ сердце — говори —
Мнѣ выше всехъ награда твоя слова!

ЕЛЕНА.

Изъ сердца рѣчь моя идетъ: когда бь могла
Пересказать тебѣ, что зѣвъ тантса...

Оболенскій.

Великая Княгиня!

ЕЛЕНА.

Называй меня Еленой!

Я бѣдная вдова — забудь Княгиню —
О, полетѣй меня отрадной рѣчью...
Въ тебѣ защиту отъ враговъ я вижу,
И отъ крамоль — въ тебѣ я счастье вижу,
Тобой живу, дышу — ты не Княгиню видишь —
Литовскую ты видишь урожденку,
Мы не привыкли полъ фатою чувствѣ тантъ,
Привольно мы живемъ, и въ теремахъ
Не заперты... Князь!

Оболенскій.

Повелѣ: куда еще мнѣ должно
Поставить Русскаго ора?

ЕЛЕНА.

Не отступу тебя я въ битвы!
Мнѣ жазнь твоя дороже, не побѣдъ — любви
Твоей, мой славный Князь!

Оболенскій.

Клянусь

У ногъ твоихъ, Княгиня.

ЕЛЕНА.

Назови меня Еленой,
Назопи — дай разъ услышать это имя
На языкъ любви!

Оболенскій.

ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА,

Оболенскій!

О дивный сердцу голосъ! Я тебя ли слышу?
Увѣрься сердце: не мечта — оны предо мной!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Глинскій.

Глинскій.

Твой сынъ, Великая Княгиня, ждѣтъ тебя.
Бояре ждуть тебя въ Палатѣ Золотой.

ЕЛЕНА.

Пойдемъ!

Глинскій.

Позволь мнѣ — тайное извѣстье...
Я долженъ...

ЕЛЕНА

Послѣ...

Глинскій.

Послѣ будетъ поздно!

Елена даетъ знакъ Оболенскому; онъ уходитъ).

ЕЛЕНА.

Говори.

Глинскій.

Я видѣлъ сонъ, Елена.

ЕЛЕНА.

Чтожь?

Не пересказывать ли ты его мнѣ хочешь?

Глинскій.

Да.

ЕЛЕНА.

Нашелъ ты время!

Глинскій.

Страшенъ былъ мой сонъ,

Онъ не обаяннвъ былъ — я вижу.

Какъ на яду сбывается злоутѣшій!

ЕЛЕНА.

Поди же, поколудуй, поворожи, что значить

онъ,

Съ какой нибудь старухе посоветуй!

Глинскій.

Съ тобой совѣтовать мнѣ должно.

Елена! я безъ колдовства скажу — страшись,
Ты къ гибели себя ведешь!

Елена!

Какъ жаль!

Глинскій.

Его я видѣлъ, страшись онъ явился,
Нашъ предокъ Воишегъ, самоубійца, тотъ,
Который каждый разъ, когда грозитъ беда,
Является потомству своему — его я видѣлъ!

(Елена содрогается.)

Ты содрогалась? И для чего же слѣпо
Погибели предаться хочешь? Ты бѣды не ви-
дишь!

Елена.

Что жъ, не открылъ ли заговора ты,
Когда побѣдами кривика мол державя,
Когда склонилось все передо мной?
Въ какомъ углу еще гнездится ухищренье,
Кто заговорщикъ? Говори!

Глинскій.

Кто? ты сама

И Оболенскій. Да, Елена, я тебя провинкъ:
Безумной страсти предаешься ты,
Позоришь ты себя предъ свѣтомъ; удержишь,
Не погуби себя и насъ!

Елена.

Такъ дерзко требовать отчета смѣешь кто отъ
меня?

Глинскій.

Кто? Богъ, совѣсть — я!

Когда свой долгъ, свой санъ ты забываешь,
Я тебѣ его напоминаю.

Елена.

Видно, сонъ я видѣла:
Тебя перепугалъ: ты на яву мечтаешь.

Глинскій.

Не мечтаю я; осязаясь, отрекись, скажи...

Елена.

Нѣтъ! я не отрекусь — передъ тобой,
Предъ пѣлымъ свѣтомъ я скажу: люблю его,
Его, героя моего! Тебѣ не смѣть судить
Меня, владычицу надъ Русскою землей!

Глинскій.

Елена Глинская, какія рѣчи!

Елена.

Дерзкій!

Кто право дамъ тебѣ?

Глинскій.

Мои глѣта,

Мое родство; я алая твой; я старшій въ родѣ
Глинскихъ.

Мнѣ, умирая, твой супругъ,
Мнѣ честь твою беречь препоручилъ, Елена!
Ты забываешь долгъ вдовы и матеря; къ чему
Ведеть твоя любовь? Она тебѣ позоръ;
Она предастъ тебя мольбѣ народной...

О, ради Бога, мѣста гибну не давай...

Никто не смѣетъ истинны тебѣ сказать,

Она даряя подарокъ рѣкѣ... О, Елена!

Я падаю къ ногамъ твоимъ, я — Глинскій,
Глинскій Михайлъ!

Елена.

Встань, замолчи, старикъ!

Глинскій.

Нѣтъ! я не замолчу!

Елена.

Не раздражай меня; страшись — мой гибель...

Глинскій.

По каплю

Кровь источи мою — я не умолю,
Какъ совѣсть неусынная, какъ червь могильный
Не отступлю ни отъ тебя, ни отъ него...

Елена (гнѣвно).

Крамольникъ!

Ты, цѣлый вѣкъ извѣннми дышавшій,
Два раза клятвы преломившій, ты ли смѣешь
Мнѣ говорить, и долгу обучать другихъ?
Давно ли сталъ такъ праведенъ, Михайло Льво-
вичъ?

Глинскій.

Терпи, старикъ, по прежнему возмездье,
Расплата за грѣхи твои была!

Елена.

Ты ишь, владычицѣ твоей, дерзаешь
Упрекать? Безчеловѣчный! Для чего мнѣ жить,
Когда ты жизнь мою отъемишь такъ свирѣпо?

Глинскій.

Ты жить должна не для себя,
Для сына, для другихъ! На тронъ,
Какъ на солнце пятна: цѣлый мѣръ ихъ ввѣ-
рутъ, лучи ихъ не скрываютъ...

Елена.

Кто взглянуть посмѣетъ
На солнце, тотъ ослѣпнетъ отъ лучей его!

Глинскій.

Нѣтъ, Елена, ты ошиблась: ты племянница
моя,

Литвянка бѣглая, и на челѣ твоемъ
 Не родовой, но подаренный случаемъ вѣнецъ:
 Не омрачи его постыднѣю страстью; добродѣ-
 тель только
 Тебя прославить можетъ, по страстей зараза
 Тебѣ его тлетворнымъ ядомъ отравить....

ЕЛЕНА.

Ты забываешься, старикъ безумный!
 Спасенный милостью моею отъ плахи
 И отъ тюрьмы, гдѣ ты двѣнадцать лѣтъ то-
 мился....

ГЛИНСКІЙ.

Угодно было Богу испытать нашъ родъ бѣдой.
 Онъ насъ помиловалъ тобой; не возгорансь,
 И промыслы Святаго Провидѣнья
 Благослови....

ЕЛЕНА.

Кого благословить мнѣ и за что?
 За то ль, что злобствую противъ враговъ сво-
 ихъ,
 Ты кровью ихъ унизилъ и бѣжалъ въ Москву,
 И погубилъ свой родъ, друзей и братьевъ?
 Я помню, какъ считались мы съ отцомъ
 И съ братьями, и въ рубищахъ изгнанья
 Границу Русскую переходилъ! Не за то ли
 Благодарить, что молодость мою,
 За выкупъ свой, за почести, за золото,
 Все отдала потомъ больному старику?
 Онъ далъ мнѣ свой вѣнецъ — что мнѣ въ вѣнецъ,
 Когда я горькими слезами выкупила
 Мой грустный жребій.... Да, я все, все отдала
 Ни радости, ни счастья, ни любви
 И ничего, чѣмъ жизнь красна,
 Не знала я, все въ жизни погубила....
 И ты еще дерзаешь упрекать,
 Мое святое чувство смѣешь называть
 Позоромъ, и послѣднюю изъ сердца радость
 вырвать!
 Прочь, старая змѣя! Проклятье, страшное про-
 клятье
 Да будетъ на главѣ твоей; тебя щадилъ я,
 Теперѣ щадить не буду....

ГЛИНСКІЙ.

Удержись, Елена!

ЕЛЕНА.

Прочь, лицемеръ! Никто не смѣетъ, не дерзаетъ
 Взоръ возвести на высоту величья,
 Которое купила счастьемъ жизни я!
 Люблю его, любовь его вознаграждаетъ
 Мнѣ жизнь прошедшую; она мой рай,
 Она мнѣ все....

ГЛИНСКІЙ.

Дочь брата моего,

Страхнись Родительскою властью,
 Которую мнѣ передалъ отецъ твой,
 Тебя я поражу на высоту величья.
 Нѣтъ! Я не пощажу тебя! Мнѣ, на краю мо-
 тилы,
 Мнѣ нечего болѣть.

ЕЛЕНА (съ гнѣвомъ жлобая
 руками).

Мы увидимъ! Стража!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ, ОБОЛЕНСКІЙ, ВОИНЫ.

ЕЛЕНА (указывая на Глин-
 скаго).

Въ цѣпи

Закуйте, въ кандалы его, сорвите украшенья
 Боярскія — онъ недостойнъ ихъ!

ГЛИНСКІЙ.

Меня?

ОБОЛЕНСКІЙ.

Великая Княгиня! Что я слышу?

ЕЛЕНА.

Въ темную тюрьму, чтобы дневный свѣтъ и
 Не проходилъ украдкой даже!

ГЛИНСКІЙ.

Вижу судъ твой правый,

Боже!... Глинскихъ роду суждено погибнуть!
 Да, я пойду въ тюрьму, а ты на пиръ Елена.
 Но знай, что легче быть въ тюрьмѣ, въ цѣ-
 пяхъ,
 Чѣмъ тамъ сидѣть съ тобой на пиршествѣ рос-
 кошномъ.

Прости, Елена! Обращаю рѣчь
 Къ тебѣ, великій воевода: берегись,
 Не опозорь побѣднаго вѣнца
 Побѣдою постыднѣю и безславной
 Надъ женщиной, забывшей долгъ и честь!

ОБОЛЕНСКІЙ.

Когдабъ я слѣдовалъ повѣрьямъ басурманскимъ,
 И сѣдины твои щадить бы не хотѣлъ....

ГЛИНСКІЙ.

А вотъ она и ихъ щадить не хочетъ!

ЕЛЕНА.

Щадить тебя, крамольника!

ГЛИНСКІЙ.

И какъ падить? Я смѣю,
 Я смѣю осмѣлится сказать....

Елена (*пишет поспешно что-то на бумагу, и отдает страстно*).
Исполнить

Немедленно!

Глинский.

Ты приговор мой подписала? так узнай
Заветь последний... Нет! я все сказала...

(Оболенскому) Великий воевода!

Помни — горекъ плодъ грѣха! Елена!
Я замолчу, — но советъ. О! ея ужасенъ вопль!

(Его уводитъ).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Оболенскій и Елена.

Елена.

Ты появля ли какую жертву
Я приношу тебѣ? Умь ли оцѣнить?

(Уходитъ).

Оболенскій (*одинъ*).

Елена! ... Поняла, страшная жена!
Все поняла я, и кровь моя кипитъ и стѣшитъ!
Любовь твоя безумна — будто чара
Вина, которую заклялъ ужаснымъ словомъ
Могучій чародѣй... Свѣти, моя звезда!
Пока ты не погухнешь — дайте эту чару,
Отдайте мнѣ испить ее до дна,
И обезумѣть среди славы и величья!

Какъ море бурное, она кипитъ страстями,
И каждый шагъ мой — гибель или слава...
И бурей воетъ кликъ победы, и любовь,
Такъ дышитъ смертью... Прочь, сомнѣнья,
Прочь,
Не погухай моя звезда среди бурныхъ тучъ,
Плыви, мой челнъ, и не страшися скалъ,
И если пасть — пусть только гулъ падець
Далеко разнесется по концамъ земли!

ЯВЛЕНИЕ XV.

Оболенскій, Вас. Шуйскій, бояре, Пахомко.

Шуйскій.

Великій Княжій Коююшій, Намѣстникъ
Смоленска и Казани, воевода Русскихъ силъ,
Князь Иванъ Федоровичъ Оболенскій,
Великая Княгиня звать тебя велья!

Оболенскій.

Куда?

Шуйскій.

На пиръ, тамъ ждешь тебя она и сонъ Бояръ.

Оболенскій.

На пиръ!

Шуйскій

И Кремль наполнился народомъ,
Всѣ зрѣть тебя, великій вождь, хотѣтъ —
Ляпись народу!

Оболенскій (*тихо*).

Неужели величье похоже

На гробъ — спаружи злато,
А трупъ внутри смердашій исплѣваетъ?

(Громко.)

Пойдемъ! (Бояре слѣдуютъ за нимъ).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Пахомко (*одинъ*).

Марія, блудная Марія! Онъ пируетъ,
А ты, затворница, ты плачешь. — Погоди,
Великій вождь! Я советъ разбужу твою,
И пусть тюрьма была наградою Михаила.
Великая Елена! трепещи!
Тюрьма не скроетъ преступленья —
Я вамъ улыку здѣсь поставлю на лицо!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Вас. Шуйскій и Пахомко.

Вас. Шуйскій (*милосходно*).

Что ты тутъ мудрствуешь, Пахомушко?
Не звезды ли считаешь?
Пахомко.
Нѣтъ! ваши головы считаю, да иныхъ
Не досчитываюсь.

Вас. Шуйскій.

И! Охота тебѣ! Поди туда, тамъ тебѣ
Дадутъ хорошій кусочикъ.

Пахомко.

Не подавиться бы, какъ большой кусъ дадутъ!

Вас. Шуйскій.

Проглотить!

Пахомко.

Правда ль, дѣлушка, что Князь
Иванъ Федоровичъ, потъ здѣсь, проглотилъ
Михаила Львовича?

Вас. Шуйскій (*испугавшись*).

Молчи, дуракъ! намъ-то что за дѣло?
(Уходитъ).

ДВѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КРЕМЛЕВСКІЙ ТЕРЕМЪ.

Домъ Оболенскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трунило и Пахомко.

Трунило.

Ну вотъ, что говорится, не думанно, не жданно! Слышу, стучать, иду, смотрю, аиъ Пахомушко пріятель!

Пахомко.

Гора съ горой не сойдется, а человекъ съ человекомъ, и не радъ, а свидится.

Трунило.

Будто ты и не радъ меня видѣть?

Пахомко.

Какъ не радоваться! Свой своему по неволѣ другъ: вѣдь ты такой же шутъ, какъ я.

Трунило.

Бывалъ, а теперь, братъ, я ужъ не то!

Пахомко.

Въ самомъ дѣлѣ? Заметѣла ворона въ высокіе хоромы! Ты здѣсь расхаживаешь настольнымъ хозяиномъ,

Трунило.

И разумеется. Чего хочу, то и волочу: брушниковки, смородиновки, хотъ романин, хотъ мальвази́н — все тотчасъ явится, а вѣсть — чего душа хочеть — вѣшь не хочеть!

Пахомко.

Ты, кажется, и не спускаешь барскому погребу: вотъ у тебя и сулейка на столѣикъ.

Трунило.

Да, я только что почаль. Не хочешь ли приложиться?

Пахомко.

Кто отъ добра отказывается!

Трунило.

Садись же, садись, да потарабарилъ что нибудь. Ну ка! Твое здоровье!

Пахомко.

Благодарень, благодарень, Викуль Петровичъ! Теперь твое — разомъ чокнемся!

Трунило.

Изволь, изволь! Ну, теперь опять твое!

Пахомко.

Смотри братъ, чтобы этимъ не проглотить намъ своего здоровья.

Трунило.

Э, была не была!

Пахомко.

Скажи-ка, однако жъ, что все это значить? а? что это за домъ такой? Что такое ты здѣсь?

Трунило.

Я! хе, хе, хе! Это палаты друга моего, и я у него управителемъ; будто не знаешь!

Пахомко.

Право, не знаю; я шелъ мимо, и не думалъ, чтобы въ такой глуши были здѣсь построены такіа княжескія палаты, — спрашиваю у соседа, чей домъ? а онъ мнѣ сказалъ... чей бншь?

Трунило.

Стольника Овчинны? Хе, хе хе!

Пахомко.

Да, да! точно Овчинны! А я и думаю: кто такой Овчина? Кажись, я таки свою братью, дворянскихъ людей, знаю...

Трунило.

А Овчинны не знаешь? Ха, ха, ха! Выпьемъ-ка.

Пахомко.

Вотъ и спрашиваю: а кто же тутъ живеть? Да Овчинны, дескать нѣтъ, а живеть тутъ управитель его, Викуль Петровичъ Трунило, а я и кусъ себя за языкъ. Да вѣдь это мой пріятель — и давай стучать....

Трунило.

Стукнемъ-ка хорошенько!

Пахомко.

Право, слово мнѣ все что-то не вѣрится! Какой Овчина, скажи — будь пріятель?

Трунило.

Много будешь знать.

Пахомко.

Ну?

Трунило.

Скоро состарьшься!

Пахомко.

Ну, такъ братъ, твоему Овчинъ я не втрю, ты меня обмазываешь. — Что за Овчина такая?

Трунило.

Ну, такая Овчина, разумеется, котораго и на собола не промѣишь — Ха, ха, ха! (Поетъ).

Западала мол дороженька,
Частымъ с. е. салничкомъ. за...за

Пахомко.

Будто ты и хозяйничаешь здѣсь? Не втрю!

Трунило.

Хозяйничая ли? Да вотъ видишь, у меня всѣ ключи, все на моемъ отчетѣ — приказываю, да и только — видишь... какъ тебѣ другу не открыть, вѣдь ты меня любишь — поцѣлуемся, а я тебя, ну, вотъ, ей Богу, право слово, люблю....

Пахомко.

И я люблю тебя, какъ собака палку!

Трунило.

Хе! все шутить!

Пахомко.

Неужели ты въ цѣломъ домѣ одинъ живешь? Экая горница! чудо, да и только — эта дверь куда?

Трунило.

Эта — туда....

Пахомко.

А эта?

Трунило.

А эта — тамъ маленькая закорючка, такъ-ничего.

Пахомко.

А! видно ты се стережешь! Аль у хозяйна-то зазноба, а ты сторожешь?

Трунило.

Я тебѣ ничего не говорю... а коли хочешь, такъ покажу.... Что дашь?

Пахомко (въ сторону).

Нару ослуухъ! (Гроико) Что дать? Обманешь!

Трунило.

Ей Богу, право, вотъ и ключъ!

Пахомко.

А хочешь, я поворожу и узнаю самъ?

Трунило.

Ну ка!

Пахомко.

Постой. Сядь такъ! выпьемъ-ка еще!!

Трунило.

Выпьемъ, выпьемъ!

Пахомко.

Ну, дай сюда ключи!

Трунило.

Наволь! посмотримъ твоей удали! (Пахомко отпираетъ дверь на лѣво, сзади Трунилы.)

Пахомко.

Сиди же, не оглядывайся! Ходи земля ходи-лемъ, не быть тому умнымъ, кто рожденъ дуракомъ! Сиди же смирно! (Онъ уходитъ въ дверь на лѣво.)

Трунило.

Да, да, колдуй себѣ— много ты узнаешь! Нѣтъ, братъ, Пахоушка, нынче вѣдь не то время. Люди стали нынче поумнѣе бѣса твоего.

Пахомко (возвратясь).

Вертись земля по солнцу. (за дверь.) Поспѣшимъ!

Трунило.

Вертись земля! хе, хе хе! Да, она что-то и въ самомъ дѣлѣ немножко вертится....

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Марія.

МАРІЯ (выходя изъ дверей).

Я здѣсь, пойдемъ, веди меня!

Пахомко.

Тише!

Трунило.

Вотъ ужъ заговорилъ топенькимъ голоскомъ — хитерь, хитерь! Что? угадалъ (вдругъ оглядывается).

Пахомко (закрываетъ Марію).

Постой! что ты? на что ты оглядываешься?оборотись опять! вотъ я около тебя пойду. Будь дуракомъ, не грози кулакомъ, вѣдь на палочкѣ верхомъ! (Онъ проводитъ Марію въ дверь назадъ (росаеся на Трунилу, вертитъ его).

Трунило.

Полно, полно! что ты?

Пахомко.

Теперь я сврчусь, а ты чудеса увидишь! (въ сторону) запру дверь. Пока онъ догадается.

нвыйдеть, мы будемь далеко! (Ублгаеть за Марію),

ЯВЛЕНІЕ III.

Трунило (одинъ).

Чудеса увидишь! Ну, меня, братъ, не удивишь чудесами-то.... Что это мнѣ кажется будто дверь-то отворена.... (ищетъ ключей) Куда я ключи-то дѣвалъ? Что это со мной доспелось.... Ну, немного лишечки хватилъ.... Что это тамъ собаки залаялись.... Постой, постой, дай посмотреть.... (идеть къ задней двери.) Заперто! А эта... ну, ужъ эта, право отворена.... Эхъ! постой, постой.... ты тутъ посиди, а я схожу и еще принесу!...

(Уходитъ).

(Кремлевскій дворецъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оболенскій (входитъ).

Нѣтъ! гордости и ненависти ихъ ничто не усмирить. Какъ мнѣ, мнѣ, побдигителю и первому вельможѣ, въ ея присутствіи дерзнуть оспорить мѣсто? Тюрьма и плаха — ихъ ничто не празумляетъ! Какою ненавистью очи ихъ горѣли, когда заздравный кубокъ пили за мое зловровье!

Чего не вымыслить ихъ умъ на гибель мнѣ! Василій Шуйскій раболовствуетъ коварно, а братъ его....

Оболенскій и Трунило.

ЯВЛЕНІЕ V.

Трунило.

Батюшка, Князь! насилу-то я тебя нашель!

Оболенскій.

Зачѣмъ ты адезь? Что тебѣ надобно?

Трунило.

Отецъ и кормилецъ! руби мою голову.

(Падаеть на колѣни).

Оболенскій.

Что такое сдѣлалось?

Трунило.

Руби голову! Согрѣшилъ: подшутилъ окалннй!

Оболенскій.

Говори!

Трунило.

Охъ! ламкъ не ворочается!

Оболенскій.

Скажешь ли ты....

Трунило.

Помилуй, помилуй! (шопотомъ) Она ушла!

Оболенскій.

Какъ? ушла!

Трунило.

Ес нечетый унесъ!

Оболенскій.

Измѣнникъ! я всю жилу изъ тебя вытяну!

Трунило.

Бей, стьки, твори свою волю; служилъ я тебѣ вѣрою и правдою, но вѣдь съ чортомъ-то что же сдѣлать? Обернулась сорокой и улетѣла.

Оболенскій (тихо).

Я погнбъ! (громко) Говори!

Трунило.

Нечего и говорить. Ес нѣтъ — слѣдъ про стыль! Пришелъ окалннй въ человѣческомъ образѣ, оуриль меня, и она пропала!

Оболенскій.

Они узнали тайну мою и погубятъ меня! (Трунилъ.) Помнишь ли, что я говорилъ тебѣ?

Трунило.

Помню, кормилецъ: ты обещалъ наградить меня, если Марія....

Оболенскій.

Не произноси ея имени! Ты помнишь только о награде, а за измѣну, что я обещалъ?

Трунило.

Я измѣнилъ тебѣ? Да, лошви мои очи, есмъ... Да, не попусти.... Да....

Оболенскій.

Я сдержу свое слово; пытка выскажетъ мнѣ твою измѣну, а плаха наградить тебя за нее!

Трунило.

Отецъ! Болринъ милосердый! (Падаеть на землю) Помилуй, помилуй! (Ползеть за нимъ).

Оболенскій (въ двери).

Послать ко мнѣ моего поводу!

Трупило.

Ей, кормилец, не лгу, ей, не изменник
помилуй! Господь тебя благословит! Поми-
луй!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тяже и воевода.

Оболенский.

Взять его, и до моего повеленья не дозволить
ему впасть и говорить ни съ кемъ! Ты го-
ловой отвечаешь!

Трупило (отъ страха не мо-
жетъ говорить).

Ба.... ты.... шка....

(Воевода увлекаетъ его).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Оболенский (одинъ).

О! разтерзать, пытать мерзавца! Но къ чему?
Что выкупить нибь голова его? Довольно крови,
Довольно жертвъ принесено! Что я узнаю?
Ихъ ненависть, свою погибель....

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Оболенский и Елена.

Елена.

Ты печаленъ, Иванъ Федоровичъ? День тор-
жества,
Быть можетъ, грустенъ для героя — странно,
какъ

Судьба играетъ нами.... мыслить, веселиться —
И что жъ? Какъ воронъ черный налетаетъ
грусть!

Позволь узнать вину твоей печали?

Оболенский (въ сторону).

Что значить рѣчь? (громко.) Я буду открове-
нень,

Велкая Книгиня! Грустно мнѣ, что злоба,
Людская злоба такъ непримирима:

Она не дѣлать ни заслугъ, ни чести....

Елена.

Ужели знать людей еще не научился ты?

Ужели мыслилъ ты участіе списать?

Мечталъ купить побѣдами признание,

Добротъ сердца людей? Безумцы вознесутъ

Тебя, какъ свой кумирь, сеголяя — завтра

Они готовы въ прахъ тебя низвергнуть!

Оболенский.

Ты можешь думать....

Елена.

Я узнала ихъ.

Я испытала ихъ бѣдами жизни, (молча)

Я видѣла какъ ихъ безжалостны сердца.

Какъ низки передъ силою, горды передъ сла-
быми;

Я презирать ихъ научилась, я узнала,

Что и къ добру вести неволей должно ихъ....

Я добродѣтели ихъ вѣрять разучилась....

Оболенский.

Ужели всѣ безъ исключенья....

Елена.

Нѣтъ, не всѣ,

Но многихъ ли не закружится голова,

Когда на высоту взойдутъ они величья?

Слабость также преступленье въ сильномъ....

Ужели женщины указывать герою,

Какъ твердь онъ долженъ быть? Смотря,

Вотъ Шуйскаго нибь тайныя извѣстья....

Тренещешь ты?

Оболенский.

Нѣтъ! я не трепеталъ

Предъ смертью среди битвъ....

Елена.

Увидимъ.

Шуйскій пишетъ мнѣ...

Оболенский.

Что пишетъ онъ?

Елена.

Что никому я вѣрить не должна,

Что тайная крамола межъ вельможъ таится...

Оболенский.

Подлѣ тебя я стану — черезъ грудь мой

Они тебя достигнуть...

Елена.

Онъ доноситъ мнѣ,

Что и въ народѣ тайныя есть толки,...

Презрѣныя! они дерзаютъ толковать,

Что л. Литвянка, захватила власть,

Они дѣла мои судить дерзаютъ!

Оболенский.

Презрѣныя темному народу!

Елена.

Сожалеть,

Не презирать должна я чернь пустую,

Крѣпкую жалкую. Но если бѣ опереться

Могла бы я на мужа крѣпкаго души,

Могла ему и власть свою отдать и съ нимъ
душой

Дѣлиться... что посмѣли бы они,

Крамольные? Каза-ось мнѣ, что я нашла его.

Какъ онъ великъ, какъ онъ прекрасенъ мнѣ
казался!

Оболенский.

Казался!

ЕЛЕНА.

Да, да, онъ обманывалъ меня!

ОБОЛЕНСКІЙ.

Они клеветуютъ на меня!

ЕЛЕНА.

А! ты узнала

О комъ я говорю? Ты знаешь ли, скажи,
Что тотъ, кому я сердце доверю,
Тотъ долженъ мнѣ всего себя отдать,
Всего, безъ раздѣленья—жизнь и будущность

его,

И жизнь за гробомъ—все, все мнѣ; тогда
Нѣтъ жертвъ какихъ ему не принесла бы я,
И счастья въ мірѣ нѣтъ ужъ для меня другаго,
Оно лишь въ немъ, въ любви, въ душѣ его...
Смотри: мой дядя смѣлъ сказать мнѣ слово...

ОБОЛЕНСКІЙ.

Прости ему...

ЕЛЕНА.

Простить! Не поздно ли?—Онъ умеръ!
Вотъ донесенье изъ темницы... Для кого же
Всѣмъ жертвовала?... Ты обманывалъ меня.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Скажи: въ чемъ обвинять меня дерзаютъ?

ЕЛЕНА.

Не въ измѣнѣ,

Не въ робости... О! какъ мое забилось сердце!
Мысль одна, какъ жгучій огонь, отъ сердца
По жилкамъ льется... Ты женатъ!

(Оболенскій не можетъ отвѣчать).

Твоя жена въ Москвѣ: на тайныя свиданья
Ты удаляешься, и отъ любви докучной
Въ ея объятыхъ отдыхался ты....

Но знай, что слабость сердца выкупию я
страстно.

Нѣтъ! безнаказанно не посмѣешься ты!

Я жизнь тебѣ отдать готова; жизнью

Ты не расплатишься, когда умѣлъ изторгнуть
Признанье въ томъ. Что мнѣ цѣльны? что по-
бды?

Пусть гибнетъ все—нѣтъ! мнѣ не пережить...

ОБОЛЕНСКІЙ.

Великая Княгиня?

ЕЛЕНА.

Ахъ! зачѣмъ ты далъ узнать
Мнѣ счастье неба, и увлекъ въ горящій адъ...

ОБОЛЕНСКІЙ.

Позволь мнѣ оправдаться...

ЕЛЕНА.

Какъ? ты можешь оправдаться?

О, ради Бога, оправдайся, говори.... къ чему
слова,

Ты могъ бы взоромъ оправдаться предо мной.
Все, все простила бы Елена Юанну,
Она ему повѣрила бы безъ словъ.. Но ты,
Ты, какъ преступникъ предъ царицей, робкій,
Нѣтъ! не любишь ты! любви не знаешь ты!...

ОБОЛЕНСКІЙ.

Твои я съ изумленьемъ слушала рѣчи...

ЕЛЕНА.

Съ изумленьемъ только....

ОБОЛЕНСКІЙ.

Съ трепетомъ...

ЕЛЕНА.

Ты можешь трепетать,

Ужли ты думала здѣсь меня превзойти властью?
Знакъ одинъ, одно лишь слово....

Да, ты можешь трепетать!

Нѣтъ, Оболенскій, нѣтъ! не вѣрь рѣчамъ без-
зумынымъ,
Не вѣрь... О Боже! оправдайся! вѣдь они кле-
ветуютъ...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и Пахомко.

ЕЛЕНА.

Какъ ты осмѣлился войти сюда?

Пахомко.

Прости,

Великая Княгиня! Женщина къ тебѣ
Какая-то пришла, и важной тайны
Открытіе желаетъ сообщить...

ЕЛЕНА.

Что, если?...

Пахомко.

Вотъ она!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Марія.

Пахомко.

Войди же, матушка, не бойся,
Ты судъ найдешь правый и привѣтъ.
(Она уходитъ).

ЕЛЕНА.

Кто ты?

Марія.

Бѣдная жена!

ОБОЛЕНСКІЙ (содрогался
взглядываетъ на
Марію).

Марія!

Елена (просто).

Такъ ее зовутъ Маріей?

Говори, зачѣмъ ко мнѣ
Пришла ты, говори!

Марія (на колыняхъ).
Я милости твоей ищу!

Елена.
Что жь, золота тебѣ?
Ты бѣднѣя, ты нищѣя — возьми, возьми его скорѣе!

Марія (гордо).
Нѣтъ! я не нищѣя, я обвинить пришла
Супруга моего — онъ измѣнилъ мнѣ, онъ меня покинулъ,
Онъ увлеченъ другою любовью...

Елена.
Кто супругъ твой?
Марія (указывая на Оболенскаго).
Онъ!

Елена.
Онъ, а та, которой онъ пожертвовалъ тобою?
Марія.
Ты!

Елена.
Да, она красавица, прекрасна, молода,
Не мнѣ равняться съ ней — она прекрасна и любима!
Злодѣй! И ты два сердца растерзала...
Оболенскій.
Презрѣнной клеветы давно-ль сплетенью...

Елена.
Ты смѣешь...
Оболенскій.
Смѣю; какъ сообщница злодѣевъ,
Клеветниковъ, повѣрить ты могла?
Она мнѣ не жена!

Марія.
Я не жена твоя?
Я не твоя Марія! Ты меня не узнаешь,
О мой супругъ! Великая Княгиня!
Онъ промѣнилъ любовь мою на почесть,
На славу, на чины... Не вѣрь его любви;
Когда любовь мою жестокой отвергаетъ,
Онъ также и твою любовь отвергнетъ.

Елена.
Нѣтъ, не родился тотъ, кто посмѣяться
Осмѣлился бы надъ моею любовью!
Ты самъ ее Маріей называлъ... и улыкь смѣешь...

Оболенскій.
Дачь твоихъ злодѣевъ — знаешь ли? Она Сабурова Марія. —

Елена.
Сабурова?

Оболенскій.

Давно помѣшана, безумная; она
Мечтаетъ, что ее супругъ оставилъ, и повсюду
Супруга ищетъ. Шутъ ее привелъ въ твои
чертоги —
Они смѣются надъ тобою.

Марія.
Онъ называлъ меня безумной?

Елена.
Оболенскій! если правда —
Чѣмъ выкупить мою вину передъ тобою!
Говори, несчастная, кто ты? Марія? Ты
Сабурова? Кто подкупилъ тебя?
Иль ты безумствуешь?

По сѣдой Оболенскій!
Что ты играешь головой твоей!

Марія.
О Боже!
Нѣтъ, нѣтъ! Я не жена его — о ради Бога!
Великая Княгиня! я тебѣ его отдамъ,
Но только возведи его и въ честь, и въ славу —
Отдай ему свой тронъ. — Ахъ, онъ вѣнца достоинъ!

Весь мѣръ къ вогамъ его пусть упадетъ...
Елена.
Безумныя ли рѣчи?... И она,
Какъ ангелъ хороша!... Чему мнѣ вѣрить?
Голова моя кружится...

(Она идетъ).
Оболенскій (улыбаясь).

Вѣрь рѣчамъ безсвязнымъ,
Когда рѣчамъ моимъ не хочешь вѣрить,
Не хочешь вѣрить сердцу моему!
Елена.
Нѣтъ! я самой себя не вѣрю...

(Уходитъ).
Оболенскій.

Елена!
(Марія.)
Трепещи, преступная злодѣйка!
Ты головы моей искала — я тебя любилъ,
Я совѣстью терзался, но теперь свободенъ я,
Тебя я ненавижу — трепещи!

(Уходитъ за Еленой)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Марія и Пахомко.

Пахомко (въ слѣдъ Оболенскому).
Самъ затрепещешь,
Преступникъ, безсердечный мужъ!

Марія.

Что это было?

Гдѣ я? О чемъ ты плачешь?

Пахомко.

Горьки эти слезы,
Несчастливая Марія! Плачу о судьбѣ людей...

Марія.

Мнѣ показалось—онъ былъ здѣсь, и онъ
сказалъ, что онъ не сунругъ мой, что я сумас-
шедшая... Нѣтъ, старикъ! Я не сумасшедшая,
я только любила его...

Пахомко.

Пойдемъ!

Марія.

И онъ любилъ меня! Ахъ! какъ онъ любилъ
меня.... (Она плачетъ).

Пахомко.

Пойдемъ скорѣй!

Марія.

Куда, къ нему?

Пахомко.

Да, къ нему!

Марія.

И онъ не отвергнетъ меня, не откажется отъ
меня?.. Это былъ сонъ — я ошиблась — пой-
демъ, пойдёмъ! Веди меня — я не вижу дороги!
ноги мои дрожать....

(Пахомко уводитъ ее).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Уединенная комната въ жилищѣ Соломонія. На право отгорожка, и въ ней дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломонія (сидитъ закры-
вши лице ру-
ками. Слышно
пльніе).

Хоръ.

Житейское кипѣло море
Волнами, бурей страстей;
Вездѣ бѣды, печали, горе,
Но, въ тихой пристани твоей,
Ты успокоилъ насъ, Спаситель,
Страстей и моря укротитель!

Спаси насъ, Боже правосудный!
Даруй, да преидемъ тихо мы,
Сей жизни путь терновый, трудный,
И побѣдимъ соблазны тьмы!

Соломонія (подымаясь).

Полно — замолчите, замолчите!

Подруги добрыя! Нѣтъ! мнѣ молитва не въ отраду;

Ни десять лѣтъ томленья, ни смиренье,

Ни слезы, ни печаль — ни что, ни что

Не задушило здѣсь палищаго огня,

Не залило кровавой жажды щеня!

Василій! Я тебя давно простила —

Ей — не прощу! Отдайте сына мнѣ —

И передъ вами Княжескій престоль....

Сближайся страшное мгновенье мести

А грѣхъ! а бездна адская?... О горе мнѣ!

Господь! спаси меня, помилуй....
(Падал на колѣни.)

Они идутъ... Они!

Поздно!

ЯВЛЕНІЕ II.

Марія и Пахомко (входятъ).

Соломонія.

Нѣтъ! не они — старикъ какой-то
И женщина — она больна, она страдаетъ —
Божій миръ! Кто перечтетъ въ тебѣ страдань-
цевъ!

Кто вы?

За чѣмъ пришли въ мое забвенное жилище?

Пахомко.

Я бѣдную привелъ къ тебѣ жену;
Ей въ мирѣ нѣтъ отрады. — Скрой
Ее въ твоемъ жилищѣ — въ цѣломъ мирѣ,
Убѣжища другаго не осталось ей!

Соломонія.

Такъ здѣсь она его найдетъ. — Прийди ко мнѣ,
Съ тобой я плакать, горе разделить готова.
Но если мыслишь ты здѣсь миръ сыскать,
Когда ты въ мирѣ счастье оставляешь —
Здѣсь мира нѣтъ. —

Марія.

Не мира, а могилы
Прошу я, умоляю, ради Бога!

Соломонія.

Юная жена!

Какъ рано бури растерзали жизнь твою! —

Скажи: какое бѣдствіе тебя постигло?

Или ты матери лишилась и отца?

Марія.

Я ихъ почти не помню...

Соломонія.

Сирота!

Марія.

Да, сирота —

Супругъ мой позабылъ меня, оставилъ,

Изгналъ, отрекся отъ меня.

Соломонія.

О! таковы они,

Злодѣи, и теперь, какъ видно!

Таковы они давно! —

Марія.

Не проклинай его!

Пусть будетъ счастливъ онъ,

Пусть слезы мнѣ и горе — радости ему....

Соломонія.

Твой видъ, надежда, рѣчи — все мнѣ говоритъ,

Что не простаго рода ты, сградалица младая —

Кто твой супругъ?

Марія.

Онъ славенъ средь бояръ —

Соломонія.

Бояринъ славный? Кто же разлучилъ васъ, говори?

Марія.

Не спрашивай — я говорить не смѣю!

Соломонія.

Ты не смѣешь? грешцу —

Да! этотъ голосъ, это сходство... Говори, кто ты?

Пахомко.

Великая Княгиня.

Соломонія.

Не Княгиня я!

Старикъ! Я не Княгиня — ты ошибся!

Пахомко.

Не ошибся я —

Пусть цѣлый міръ Княгиней называетъ

Литвянку, со главы твоей сорвавшую вѣнецъ;

Для подданныхъ, для вѣрныхъ слугъ твоихъ,

Онъ твой и — ты Великая Княгиня!

Соломонія.

Подославъ ты, старикъ, извѣдать мысли,

Но знай, что и раба Великія Княгини....

Пахомко.

Ужели ты меня не узнаешь, Пахома,

Родителей твоихъ усерднаго слуги?

Я на рукахъ тебя въ младенчество носилъ,

Я въ счастье зрѣлъ тебя, потомъ и въ славъ,

Властительницей Руси... Неужли лѣта,

И горе, и нарядъ мой шутовской

Такъ измѣнили... Но и въ рубищахъ тебя

Узналъ бы я...

Соломонія.

Пахомъ нашъ добрый... по она,

Но кто она?

Пахомко.

Она — Марія!

Соломонія.

Ты? Сестра?

Марія.

Сестра?

О, Боже праведный? Не вѣрю я!

Соломонія.

Увѣрься —

Смотри на слезы, блѣдное лицо — Марія!

Мое дитя, моя сестра, мой другъ! Благодарю,

Тебя, Создатель! Ты, за столько лѣтъ страданій,

Минутой счастья награждаешь.. Счастья!

Да, не счастье ль плакать вмѣстѣ? Десять

лѣтъ

Тебя я не видала — мнѣ сказали, будто ты

Давно въ могилѣ...

Марія.

Лучше умереть — судьба моя

Ужасна!

Соломонія.

Погоди! мы доживемъ еще до счастья —

Я сына, ты супруга — мы ихъ найдемъ...

Пахомко (въ сторону).

Сына! бѣдная вдова! Твой сынъ давно въ могилѣ!

Марія.

Ты возвратишь ли мнѣ и сердце

Супруга моего.

Соломонія.

Когда увидитъ онъ

Тебя сестрой Великія Княгини,

Во славъ, въ почестяхъ — и сына моего

На княжескомъ престолѣ — онъ любви твоей,

Какъ милости попроситъ....

Марія.

Нѣтъ! любовь

Не покупаютъ! Разорвалось сердце... Какъ оно

болитъ, горитъ —

Мнѣ жить не долго, приготовь могилу мнѣ,

И на рукахъ твоихъ дай умереть отрадню...

Соломонія.

И все, все отняла ты у меня

Вѣнецъ, супруга, сына и сестру,

Елена! скоро мщеніе мое
Надъ головой твоей преступной зашумитъ!

Пахомко *(въ сторону)*.

Безумствуетъ, несчастная!

Соломонія.

Ты слышишь?

Они идутъ! Пахомъ! бѣги, тебѣ нельзя здѣсь
быть.

Пахомко.

Я не оставлю —

Соломонія.

Нѣтъ! съ Маріей не разстанусь я!

Иди, ты быть не долженъ здѣсь, они идутъ!

Пахомко.

Но кто они?

Соломонія.

Ты, кто сына возвратитъ мнѣ,

Кто счастье возвратитъ сестрѣ, а мнѣ вѣнецъ —
Повелѣвать еще не разучилась я...

Пахомко *(въ сторону)*.

Она безумствуетъ, но я Марію не покину,

Ей жить не долго — дряхлыми руками

Засыплю очи ей землей, и гдѣ нибудь

Укроюсь умереть.... о, суетны желанья человека!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Соломонія и Марія.

Соломонія.

Утѣшься, милая сестра!

(Слышитъ звонокъ).

Ты слышишь?

Молись и втруй!... Тяжко было мнѣ рѣшиться,

И за меня молись.... Поди сюда, вотъ здѣсь,

Здѣсь десять лѣтъ молилась я, страдала

И плакала; теперь нѣтъ слезъ, и для чего

Мнѣ плакать? Ты со мной — и скоро,

Вся Русская земля передо мной

И передъ сыномъ станетъ на колѣни!

Марія.

Умереть!... какъ тяжело умирать, когда души

Такъ жить хотѣлось!

Соломонія.

Нѣтъ! не умирай Марія!

Идутъ —

(Она улекаетъ Марію за отгородку направо).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вас. Шуйскій и Соломонія.

Шуйскій.

Благослови Господь вегуменье.

Матушка, Великая Княгиня! рабъ твой....

Твою обლობзаты позволъ десницу!

Соломонія.

Князь Василій Шуйскій!

Привѣтствуемъ тебя. Зачѣмъ явился ты?

Шуйскій.

Готово все....

Соломонія.

Готово!

Шуйскій.

И одно осталось —

Благослови на дело!

Соломонія.

На какое дело?

Шуйскій.

Ты забылъ..:

Ты общала мнѣ принять на душу

Грѣхъ....

Соломонія.

Грѣхъ на душу! какой?

Шуйскій.

Елены смерть.

Соломонія.

Князь Шуйскій! Грѣхъ такой кровавъ, тяжелъ.

Шуйскій.

Вспомни, какъ она тебя вѣнца лишила.

Соломонія.

Помню!

Шуйскій.

Какъ ты страдала десять лѣтъ.

Соломонія.

Я помню.

Шуйскій.

Ты сына облобмешь — припомни,

Какъ отъ тебя его отгородилъ....

Соломонія.

Помню, помню!

Пусть кровь ее на мнѣ Иди!

Изъмѣнической крови, крови Ганнскихъ,

Еретиковъ и колдуновъ проклятыхъ, не щади...

Нѣтъ, нѣтъ!

Я не могу, не смѣю....

Шуйскій.

Какъ тебѣ угодно!

Елена не такимъ пощадѣ не давала!

Велико-княжескихъ два брата, Вльскій, Шуй-

скій,

И ежели она узнаеть, гдѣ твой сынъ сокрытъ,

Кровь драгоценную пролить не усомнится!

Соломонія.

Сына? Кровь сына моего? Иди, иди!

Пусть на меня весь грѣхъ, весь ужасъ пре-

ступнась,

Проклятіе злодѣйства — я тебя освобождаю

Предъ Богомъ, предъ людьми отвѣтчицей — я буду!

Шуйскій (въ сторону).
Ну! слава Богу! грѣхъ съ моей души

Она сняла — теперь.... (прошло.) Прощай, Великая Книгиня,

Жди насъ — тебѣ извѣстемъ не замедлимъ мы.

И сына? Соломонія.

Жди его. Шуйскій (наслышавшо).
(Поспѣшно уходитъ).

АВЛЕНИЕ V.

Соломонія и Марія.

Соломонія.
Сюда, Марія,
Ты слышала, Великой я Книгиней буду,
Великимъ Княземъ будетъ сынъ мой —
Смерть Еленѣ, смерть Литвянкѣ, еретницѣ,
Ворожеѣ, колдуньѣ!...

Марія.

Смерть — а онъ?

Соломонія.

Нѣтъ?

Мой сынъ?

Марія.

Нѣтъ! Оболенскій, другъ Елены?

Соломонія.

Оболенскій —

Измѣнникъ! головой заплатитъ онъ злодѣйство,
Смерть братьевъ двухъ великокняжескихъ!

Марія.

Головой!

Сестра! скажи ему не будетъ ли пощады?

Соломонія.

Ему пощады! а щадилъ ли онъ? Не онъ ли
На княжескій престолъ повелъ Елену?
Не онъ ли укрѣплялъ ее злодѣйствомъ?

Нѣтъ? наше торжество настало — долго
Его ждала я — прочь печальныя одежды!

Гдѣ ризы свѣтлыя мои! Подайте ихъ!
На встрѣчу сына радостно пойду я —
Мой сынъ!

(Она уходитъ поспѣшно).

Марія (одна).

Ему грозитъ погибель, и такъ близка,
И онъ безпечно дремлетъ.... Боже! дай мнѣ силы

Дойти къ нему, сказать: спасайся! и у ногъ
его

Упасть и умереть, и въ мигъ послѣдній
Проговорить ему: ты видишь ли, мой Князь,
Какъ я тебя любила? Ты найдешь ли сердце,

Которое любить бы такъ умѣло?

И онъ — о мысль отрадная! Люби привѣтомъ
Согрѣть мой послѣдній часъ.... Вечерній кракъ
Покрывъ Москву, и скоро все унесетъ; лишь
преступленье

Не дремлетъ, но любовь моя не дремлетъ также..
Прости, сестра!... я отрекаюсь отъ тебя, про-

сти!...

(Уходитъ).

Кремлевскій чертогъ.

АВЛЕНИЕ VI.

Елена (сидитъ въ креслахъ), Оболенскій (на
колымажѣхъ передъ нею).

Елена.

О сила словъ волшебныхъ! въ любви чарую-
щія рѣчи!

Я дождалась васъ, слышу васъ, и сердце
Такъ тихо бьется, и такъ весело, отрадно!

Оболенскій.

Еще ли ты не вѣришь?

Елена.

Нѣтъ! я вѣрю!

Она была обманщица. Коварство
Враговъ твоихъ, стремилась погубить тебя —
Прочь помысленъ о другихъ; ты мой ли,
Мой ли безъ раздѣла?...

Оболенскій.

Жизнь мою я посвящу,
Отдаю на счастье....

Елена.

Твоей Елены?

Оболенскій.

Да, моей Елены!

Елена.

Для чего я не Царица міра,

И для чего ты не какой нибудь бѣднякъ,
Не нищій, не изгнанникъ...

Все отдала бы я тебѣ,

И предъ тобой сама колѣно преклонила!
Ты такъ великъ и славецъ:.... (остаеъ):

Нѣтъ еще награды

Я отыщу тебя.

Мой Іоаннъ!

Чего ты хочешь? Не вѣща ли
Великокняжескаго? Посмотри: вотъ княжеское
кольцо!

Я отдаю его тебѣ — тебя на тронъ съ собою
Я позведу ...

Оболенскій.

Кольцо?

Елена.

Передъ тобой преклонитъ
Главу вся Русская земля — супругъ Елены,
Великій Оболенскій!

Оболенскій.

Итъ, Елена! пусть твой смѣх
Пусть царствуетъ — тобою обладанье
Награда мнѣ! — Къ чему вѣнецъ?

Елена.

Такъ убѣжнй —
Здѣсь холодно и страшно — убѣжнй,
Укроемъ далеко тамъ, гдѣ мы любви и счастью
Жизнь нашу безраздѣльно отдадимъ:
Не знаешь ты, какъ тяжело княжескій вѣнецъ!
Какъ грустно спротиво велнчья,

И какъ влстителей печалень жребій... Взоръ
блестящій твой
Твою мнѣ тайну высказалъ... Итъ, итъ!
Я чувствую, твоей душѣ потребны сильной
И власть, и мощь — я знаю,
Бѣдная любовь тебя не наградитъ —
Такъ говори, повелѣвай, мой Юаннь!
Смотри, какъ мнѣ завидуютъ Москва и Польша,
Завидуютъ, а я за мигъ любви одинъ...
О, какъ душно, тяжело мнѣ отъ излишка
счастья?

Ужели и оно, какъ грусть, печаль, тревожатъ
насъ!

Мой Юаннь!

Оболенскій

Елена.

(Въ глубинѣ сцены явлется тѣнь предка
Глинскихъ въ длинномъ саванѣ.)

Елена (печально обращая
взоръ, видитъ тѣнь)

Боже!

(Съ ужасомъ вырывается изъ его объятій.)

Оболенскій.

Елена! что съ тобой, мой другъ?

Елена.

Онъ! онъ!

И рядомъ съ нимъ тѣнь Михаила,
И тѣнь Андрея — Бельскій!

Оболенскій.

Ты мечтаешь!

Здѣсь никого — здѣсь мы одни!

Елена.

Онъ говорилъ,

Что видѣлъ онъ его!
(Тѣнь подымаетъ руку и исчезаетъ.)

Иль голосъ совѣсти преступной?

Оболенскій.

Какъ дптл,

Ты привнлнй испугалось. — О, поди сюда!
Я подлумаю тебя согрѣю. — Кровь ты смоешь
Слезамн...

Елена (съ ужасомъ.)

И твои объятія — смерть!

Оболенскій!

Итъ! жизнь

Кипитъ во мнѣ... Ты мнѣ ввѣнъ отдать согласна:

Отдай мнѣ княжеское кольцо, моя Елена!

(Онъ вырываетъ у нее кольцо.)

Елена.

Онъ говорилъ, что странное явленіе
Смерть Глинскихъ предвѣщаетъ... Смерть?
Пусть смерть, но дайте мнѣ уннться счастьемъ
И любовью... Светъ темнѣтъ... Дайте мнѣ...
воды

Залить огонь...

Оболенскій.

Что боишься ты? Дптл! или Елена

Не знала, что союзъ нашъ страшенъ?. Духи
тѣнь

Его мнѣ предсказали — договоромъ съ ними
Запечатлѣвъ тобою я обладанье... Отдохни,
Елена, успокойся, успокойся...

Елена.

Помогите!

(Падаеть въ кресла.)

ЯВЛЕНІЕ VП.

Тѣже и Запольская.

Запольская.

Елена! Боже мой! какъ ты блѣдна!

Ахъ! что съ тобою...

Елена.

Ничего мой другъ;

Запольская.

Князь Оболенскій,

Смотри — Елена умираеть, умираеть.

Елена.

Мнѣ умереть, когда я жизнью поскресаю?..

Когда блаженство я впервые узнаю... какъ
тяжко!

Туда — туда.. веди меня. — Мой другъ — мой
Юаннь!

(Запольская спншитъ увѣсти ея.)

ЯВЛЕНІЕ VПІ.

Оболенскій (одннъ).

Княжеское кольцо!.. мнѣ демовъ обнщала его,
и говорилъ,

Что я болясь долженъ: мнѣ кольца болясь,
Когда я не болясь совѣсть уступнть.

Я рстерзалъ Марнн сердце — все я отдалъ,
Все отдалъ за него... Рукъ кровавой

Елены руку подаль я, и пусть смѣется адъ,

Пнень брачную мы воспоемъ, на трунахъ
вражнхъ!

Елена — поспнннмъ за ней... Итъ! передъ
ратью,

Передь болнами явиться и с аз...
Смотрите, вот оно — я наш властитель!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Оболенскій и Васил. Шуйскій.
Шуйскій (съ кубкомъ въ рукѣ).
Что тамъ за смятеніе? что такое сдѣлалось съ Великою Княгиней, Князь Иванъ Феодоровичъ?

Оболенскій.

Ничего. Ей немного нездоровится! Поди — что это у тебя?

Шуйскій. (злбно улыбаясь).
Заморское доброе вино. Оно исцѣляетъ отъ всякихъ болѣзней! я несу его Еленѣ Васильевнѣ?

Оболенскій.

Поди же неси его поскорѣе... на пыла дѣла отплекаютъ меня... мнѣ должно поспѣшить!

Шуйскій.

Да, батюшка Иванъ Феодоровичъ! поспѣши — кто вѣдаетъ, что принесетъ намъ грядущій часъ.

(уходитъ.)

Оболенскій.

Что онъ сказалъ? Грядущій часъ
Что принесетъ? Мигъ настоящій
Дороже будущихъ столѣтій...

ЯВЛЕНИЕ X.

Оболенскій и Марія.
Оболенскій. Ты опять?

Ты здѣсь?

Марія.

Мои слабуютъ силы — дай мнѣ руку!
Супругъ мой, не любви твоей просить,
Но жизнь твою спасти, но умереть
У ногъ твоихъ, тебя спасая, я пришла!

Оболенскій.

Марія ты бѣдна, дрожишь? Сядь!

Марія.

Спѣши охранить Елену. — Тамъ, у сестры моей..

Оболенскій.

Ты видѣлась съ сестрой твоей?

Марія.

Да, и узнала тайну — страшный заговоръ —
Василій Шуйскій — смерть тебѣ, смерть Еленѣ —

Оболенскій.

И ты сѣвшила спасти меня!

Марія.

Да, спасти тебя, и просить за то усладить любовью,
привѣтомъ твоимъ послѣдній часъ бѣдной Маріи?

Оболенскій.

А! врагъ коварный! Ты какъ змѣя подползъ и хотѣлъ узвѣить меня... Я раздавлю тебя, ничтожный злодѣй!... Марія! чѣмъ же заплатить мнѣ тебѣ?... Княжескій вѣнецъ сорву я съ головы Елены и надѣну на твою голову! Сюда на грудь мою!

Марія.

О, дай мнѣ умереть на груди твоей!
(Слышится шумъ.)

Мой другъ! я трепещу — предупреди враговъ твоихъ!

Оболенскій.

Что мнѣ враги, когда я возвращаю сердце мое Маріи! Я не умѣю цѣнить тебя, и неужели узнаю тебя поздно?

(Шумъ усиливается.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же и Запольская.
Запольская.

Ахъ! Князь!

Оболенскій.

Что тебѣ? говори.
Запольская.

Елена!

Оболенскій.

Она зоветъ меня?
Запольская.

Нѣтъ! она сама позвана къ суду Божію! О, впамятъ моя Елена!

(Черезъ сцену бѣгутъ болѣе, восклицая: умерла! умерла.)

Оболенскій.

Умерла! Такъ что же? Вотъ Княжеское кольцо! теперь я властитель Русской земли!

(За сценой слышны клики: Да здравствуетъ Великій Князь Іоаннь.)

Слышнншь ли? они насъ провозглашаютъ имя!

Марія.

Нѣтъ! не твоё! то имя Іоанна, Елены сына, Русскаго владыки!

Оболенскій.

Я скипетръ у него исторгну.

Марія.

На главѣ его Почіетъ Божіе благословеніе!.. Жизнь летитъ Летитъ — все мчитъ съ собою! На колѣни перелъ Богомъ.

Не оскверняй грѣхомъ минутъ послѣднихъ — Ты не къ вѣду, ты къ смерти близка!

Враги тебѣ пощады не дадутъ — Я не могла тебя спасти — умру съ тобой.

Умру — а тамъ — тебѣ не долго пережить меня — Тебя я встрѣчу тамъ, и буду

Молитесь и — Господь помилуетъ тебя!

(Склоняется въ его объятія.)

Оболенскій.

Не умирай, Марія, не умирай!

ЯВЛЕНИЕ XII.

В. Шуйскій, Д. Бяльскій, Н. Шуйскій и многіе бояре (выходятъ съ одной стороны.)
Толпа войска, Соломонія (объезжаетъ съ другой стороны.)

Общій кликъ.

Да здравствуетъ Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ!

Соломонія.

Она умерла! Литвянка умерла! вѣнецъ великокняжескій сыну моему, Русскіе люди! Сыну моему тронъ, великокняжескій престолъ!

Голоса.

Кто она? кто она?

В. Шуйскій.

Она суицидальная — она выпалась изъ своего заточенія — она Соломонія Сабурова! Вы знаете, что сынъ ея давно умеръ!

Соломонія.

Умеръ! Лжешь, Василій Шуйскій! Ты говорывалъ мнѣ, что онъ живъ!

В. Шуйскій.

Прочь, безумиал! Да здравствуетъ Іоаннъ Васильевичъ!

(Всѣ повторяютъ.)

Соломонія.

Дерзкій! отрубите ему голову! Гдѣ Марія? гдѣ супругъ ея — она защититъ насъ... Онъ сильный бояринъ! (Увидя безчужденную Марію). И она умерла? Пойдемъ, пойдемъ къ моему сыну — они лгутъ, они не умеръ?

В. Шуйскій.

Люди Русскіе! Советъ бояръ немедленно собирается и назначитъ правителя Государства на время малолѣтства Великаго Князя. Богу угодно было прекратить дѣянія Великой Княгини. Но безопасность государства требуетъ прежде всего захватить злодѣя и измѣнника. Войны! возмите Оболенскаго!

Марія (схватываетъ его).

Нѣтъ! я не отдамъ его — сынъ мой!

(Падаетъ въ его объятія.)

Оболенскій.

Прочь, презрѣнные служивки! благоговѣйте передъ судьбою, постигнувшею преступное величіе — благоговѣйте передъ кончиною праведницы!

(Онъ становится передъ Марією на колѣни.)

Марія.

Мой милый! есть за гробомъ жизнь!

(Умираетъ.)

Оболенскій.

Жизнь за гробомъ! Да, я знаю, вѣрю, что есть она, и страшусь помыслить о ней! — Я вижу, кровожадные, вижу жребій мой въ злобныхъ взорахъ вашихъ! — Непостижимый жребій! куда ты доведешь меня? Казнь очиститъ преступленіе мое... Она будетъ за меня молиться...

В. Шуйскій.

Возьмите у него мечъ!

Оболенскій.

Ты только мечта-то моего и боишься? Но, его не вырвутъ у меня, я самъ его не отдамъ! Я могъ бы кликнуть къ рати, которую давно я предводилъ къ побѣдамъ. — Друзья, за Оболенскаго!

(Смѣтенный шумъ между войскомъ.)

Слышишь? Вотъ они ужъ и отказываются на мой голосъ! Прочь оболъзненія грѣха! — (къ Маріи) Благослови меня — до свиданія! — (бросаетъ мечъ свой). Вотъ онъ, залогъ побѣды Русской земли! Я иду въ тюрьму! Гдѣ ваши палачи? Ужасы казни не страшнѣе пытокъ, терзающихъ душу преступника!

(Расталкиваетъ толпу, и бѣжитъ вонъ.)

Соломонія (подль Марію).

Тише! не разбудите ее! Баю, баю, дитя милое! Спи, сестрица, спи, моя ненаглядная!

Всѣ.

Ура! Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ!
Ура, ура!

В. Шуйскій (въ сторону).

Кажется, правитель государства выбранъ буду я? А какой злодѣй этотъ Оболенскій! Я давно говаривалъ: горькимъ Богомъ иротивится, смиреннымъ благодать даетъ!

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Статья Князя А. А. Шаховскаго.)

ЭПОХА 4-я. ТРАГЕДІЯ.

Ученый, но не даровитый трудолюбецъ В. К. Тредьяковскій (*) добился до принаровленія Русскаго слова къ Эллинскому стихотворенію; а Ломоносовъ, силою обширнаго дара и сладкозвучіемъ стихотворства, уничтожилъ Польское риемованіе Теофана Прокоповича и Князя Кантемира. Но Сумароковъ первый на новомъ еще Русскомъ языкѣ началъ писать трагедіи шестистопными ямбами, показалъ въ комедіяхъ образцы разгово-

ной прозы, положилъ основу Русской сцены въ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался и былъ офицеромъ, и представленіемъ своихъ твореній воспламенилъ Русское досужество Ѳ. Г. Волкова. Сумароковъ не даромъ почтенъ названіемъ отца Русскаго Театра! Часто слышу я нынѣ обычный вопросъ: геній ли Сумароковъ? (*) Да и нѣтъ, смотря потому, кто и какъ спрашиваетъ. Греко-Латинское слово *genii*, вошло въ языкъ Христіанской Европы, не съ точнымъ или

(*) Профессоръ краснорѣчія Василій Кирьяловичъ Тредьяковскій, конечно, смѣшилъ по тщетнымъ успѣхамъ его во всѣхъ родахъ сочиненій, по какъ неуспѣшннй, благонамѣреннй и не вовсе бесполезный труженикъ Русскаго Просвѣщенія, не заслуживаетъ личнаго позора, которымъ, можетъ быть и по ложнымъ разсказамъ, хотѣлъ его прикрыть сочинитель *Ледянаго Дома*. Щедро одаренный замысловатостію и воображеніемъ, но не безгрѣшннй противъ Русскаго языка и радущій, онъ, согрѣвъ Русское сердце *1 осъ тдннлнхъ Новикомъ*, ознобилъ его, какъ замороженнаго или *Украинца*, холоднымъ обливомъ провін, которою онъ оскорбилъ всѣ знаменитыя жертвы властолюбія мнѡзвѣща Бирона. К. Ш.

(*) Латинское слово *Genii*, произведенное отъ заимствованнаго у Грековъ глагола *Gignere* (родить), подразумѣваетъ врожденное дарованіе и замѣняетъ языческое *демонъ* (вдохновитель), которое, по Христіанскому понятію, перемѣнилось въ наименованіе духа тьмы и зла. Въ наше время, обще-Европейское изрѣченіе *genii* представляетъ предавнаго человѣку внушителя высочайшихъ мыслей и подвиговъ; а повѣншіе писатели олицетворяютъ его, по произволу, въ великихъ людяхъ, въ своихъ любимцахъ, въ друзьяхъ, а иногда и въ самихъ себѣ. Но уже въ послѣднемъ случаѣ они говорятъ: не я геній, а мой геній, какъ Сократъ говаривалъ: мой демонъ!

неизмѣннымъ опредѣленіемъ, — и такъ тому вопросителю, который ближе къ буквальному смыслу, называетъ гениемъ врожденную способность къ произведенію изящнаго, или даже самого человѣка, упредившаго въ просвѣщеніи своихъ одноземцевъ и увлекшаго ихъ за собою, я отвѣчаю: да, Сумароковъ — гений! Тому же, кто словомъ гений хочетъ ознаменовать какой-то непостижимый даръ безусловнаго самотворчества, отвѣчаю: нѣтъ. Одинъ Богъ создалъ міръ изъ ничего, и самъ собою; такъ не только Сумароковъ, но едва ли и самъ чудеснѣйшій въ мірѣ Преобразователь нашего отечества, въ этомъ смыслѣ можетъ назваться гениемъ! Петръ Великій, сотворилъ свою Имперію изъ первобытнаго въ ней добра и благопріобрѣтеній Его предшественниковъ, но примѣрамъ мудрыхъ законодателей, и не безъ совѣтовъ и содѣйствій, прояснителей и исполнителей Его сильной воли. Но не въ названіи дѣло, и Сумароковъ, гений или не гений, заслужилъ уваженіе и благоарность нашего отечества, какъ первый въ немъ новодѣлецъ пріятнѣйшаго способа къ народному просвѣщенію, хотя уже давнишняго въ другихъ странахъ, но небывалаго въ нашемъ отечествѣ. Чтобы безошибочнѣе судить о полезномъ дарованіи Русскаго первоначальнаго трагика, нужно перенестись въ его вѣкъ, вникнуть въ предварительныя средства, въ мѣстныя возможности, въ степень народнаго просвѣщенія, въ духъ времени, и не забывать, что драматическій писатель, хотя просвѣтитель, однако же и прислужникъ общества, необходимо долженъ, для его удовлетворенія и пользы своего искусства, принаровляться къ понятіямъ, навыкамъ и причудамъ зрителей, и что самые великіе театральные поэты, болѣе или менѣе увлекались мѣстностью и современностью въ ошибкахъ, усмотрѣнныя безпристрастнымъ потомствомъ. Нынѣ, и не безъ основанія,

упрекаютъ Софокла, Эврипида, Аристофана, Корнеля, Расина, Мольера и Шекспира за то самое, что, можетъ быть, наиболѣе привлекало и восхищало ихъ одноземцевъ и современниковъ.

Французскій языкъ и литература, образованные искусными писателями столицы и двора Лудовика XIV (*), уже тогда сдѣлались обще-Европейскими, а разнородность Вольтерова таланта, блестящаго замысловатостью и острословіемъ, очаровала Европейское высшее общество, и вскружила полупросвѣщенныя головы.

Блескъ ума Фернейскаго философа-стихотворца и шумъ его славы помрачали и заглушали вѣковыя истины, и закрывали сіяніе славы древнихъ и прежнихъ поэтовъ. Екатерина Великая, Фридрихъ Великій и Іосифъ II, вторые именованіи, но первые по дѣламъ, изъясляли больше чѣмъ благоволеніе искрометному факелу своего времени! И такъ, могъ ли молодой кадетскій офицеръ, воспитанный для военнаго дѣла и свѣтскаго общежитія, не увлечься знаменитостью, распространенною даже за Иртышъ! (**). Какъ бы ни было чрезмѣрно самонадѣяніе, которымъ упрекали Сумарокова, но смѣлъ ли онъ не благоговѣть передъ тѣмъ, противъ котораго не устояла ни классическая ученость, ни народная привязан-

(*) Буало писалъ къ Расину, бывшему тогда въ Провансѣ: «Пріѣзжай въ Парижъ, въ немъ только дѣлаются хорошіе стихи.» Дворъ Лудовика XIV служилъ образцемъ для всѣхъ Европейскихъ, кромѣ еще нашего. У насъ только со времени Лудовика XV ввелось Парижское общежитіе, языкъ и уже омшуревная литература.

(**) Вольтеровъ портретъ, такъ какъ нынѣ Наполеоновъ, висѣлъ на стѣнахъ нашихъ почтовыхъ дворовъ и трактировъ! Сочиненія его переложились во всей Россіи, а тѣ, которые не видали ни портретовъ, ни сочиненій его, знали имя Вольтера, славившееся, съ разными толками, отъ береговъ Двины до Китайской граници.

ность къ своей старинѣ, ни даже гордое своелюбіе Англичанъ? (*) Дерзало ли воображеніе его взлетѣть выше подмостковъ, сложенныхъ изъ огромныхъ томовъ энциклопедіи, съ которыхъ Вольтеръ морочилъ всю тогдашнюю знаменитость потѣшнымъ огнемъ своего всезнанія? Чего оставалось желать нашему придворному стихотворцу, провозглашенному уже Русскимъ Распиномъ, какъ сдѣлаться Русскимъ Вольтеромъ? И мы видимъ, что Сумароковъ, пусться писать стихами и прозой во всѣхъ родахъ, захотѣлъ быть, какъ Вольтеръ, поэтомъ, ораторомъ, историкомъ и философомъ. Но, побѣжденный во всемъ или его великимъ соперникомъ, или счастливыми (***) послѣдователями, онъ остался трагикомъ, ни кѣмъ не побѣжденнымъ при жизни и заслужившимъ воспоминаніе и признательность потомства. Хотя сочиненія его и языкъ очень устарѣли, но въ нихъ Русскій толкъ не заглушенъ неуговорнымъ духомъ умороженія, безпамятства и неблагодарности молодой Франціи (***) , гдѣ, по замѣчанію Шатобри-

ана, вѣка нынче считаются не столѣтіями, а едва десятью годами, которыхъ не переживаютъ ни слава поэта, ни благодарность соотчичей его, еще недавно восхищавшихся ею. Конечно, и у насъ не безъ переимщиковъ всякой новизны, но очень мало такихъ, которые, умершихъ въ прошломъ году, или даже здоровехонько живущихъ писателей, причисляютъ, по Французскому календарю, къ прошло-вѣчнымъ. Есть у насъ также и небездарные драматическіе писатели уничтожающіе Сумарокова, какъ жалкато раболѣпца Французскихъ классиковъ, не замѣчая того, что они сами точно такъ же виноваты. Онъ перевелъ къ намъ театральное чужедѣлье, а они развѣ не о томъ же хлопочуть? Онъ подражалъ Французамъ — а они не только передразниваютъ Французовъ, да еще наравятъ и въ Нѣмцы! Стало быть, ихъ дѣло одно и то же, только времена другія. Но вотъ въ чемъ ошутительная разница между прежними и нынѣшними перенимателями: Сумароковъ писалъ трагедіи, хотя, по новости языка не всегда хорошими стихами, однакоже, стихами, а теперь пишутъ то, что выдается за трагедіи, ни прозой, ни стихами, не взирая на то, что вездѣ и всегда проза, похожая на стихи, а стихи, похожіе на прозу, считались ни къ чему негодными. Если взять въ соображеніе правила новыхъ драматурговъ, то едва ли Сумароковъ очень виноватъ въ томъ, что сжалъ Русскую сцену Французскими придумками и загородилъ трудностями, подслышными истинному дарованію. Представленная имъ у входа въ драматургію тѣнь Аристотеля, вооруженная тремя единствами, и пугало новаго классицизма, высокопарно и чопорно вздернутого на ходули, страшили посредственности, и ес-

(*) Гиббонъ, Поупъ и многіе Англійскіе писатели, также какъ Вилландъ и едва не вся Нѣмецкая Словесность, увлеклись Вольтеромъ въ Французство.

(**) Сумароковъ, кромѣ трагедій, комедій, драмъ, оперъ, басенъ, вклогъ, эпистолъ, эпиграммъ, сонетовъ, стансовъ, ровдо, загалокъ и прочихъ крупныхъ и мелкихъ стихотворствъ, сочинилъ Исторію Стрѣлецкихъ бунтовъ, творилъ Похвальныя Слова, и философствовалъ въ письмахъ, изъ которыхъ въ одномъ къ О. Б. Гассику, поддерживаетъ вѣбальмошное мнѣніе краснорѣчиваго Ж. Ж. Руссо, что человекъ рожденъ ходить на четверенькахъ, а поднялся на дыбы противъ природы. Это письмо, напечатанное въ X томѣ Сумароковыхъ Сочиненій, доказываетъ до чего доумничались и дописались философы прошлаго вѣка, и сколько мы тогда перенимали у нихъ незпостей, надъ которыми нынѣ смѣемся.

Чужими бреднями прельщаяся вчера,

Надъ ними нынѣ мы смѣемся.

Такъ, жить чужимъ умомъ уняться намъ пора,
А врьдъ ли скоро мы уймемся.

(***) Сямъ назваіемъ отличаются Французскіе

новодумцы, и оно также прилично Франціи, какъ юноша въ мужья старухѣ, которую, не смотря на ея дряхлость, называютъ молодою.

ли она, покорившись условіямъ, вкрадывалась на театръ, то, не надѣлавъ ни какихъ проказъ, умирала тихою смертію. Бездарность же не смѣла и подумать о нынѣшнемъ своевольствѣ! Новые классики хотя, и перехитрили древнихъ, приспособили, однако жъ, свою слишкомъ чопорную трагедію къ ихъ драматической поэзіи, и заимствованныя у нихъ сочиненія Сумарокова приготовили положительно нашу театральную словесность къ постепенному усовершенствованію, уже очень замѣтному въ стихахъ Княжнина, въ твореніяхъ Озерова и въ трудахъ писателей, старавшихся воздвигнуть собственно Русскій Театръ, на основаніи, заложеномъ Сумароковымъ. Но буйственное вторженіе мнимаго Шекспировскаго романтизма завалило безмыслицами и уродствами сцену, почти уже очищенную отъ прежняго рабства Французской драматургіи, залушило уже сдѣланное по народному толку и духу, и загромодило совершенно гrotivной имъ Нѣмчиной. Можно ли ожидать чего либо прочнаго отъ такихъ передѣльвателей, которые, послѣ перваго ободрительнаго успѣха, падаютъ все ниже и ниже, пока все не свалится со сцены, иные безгласно и безды вино, а иные еще въ добромъ гнѣвѣ, силясь доказать нѣтъчесткія достоинства свои театральными сочиненіями, будто писанными не для театра!!! А для чего же?.. Но этотъ вопросъ, можетъ быть, разрѣшится послѣ, а теперь должно возвратиться хронологическимъ порядкомъ къ начальной трагедіи нашей.

Хоревъ, первый опытъ Сумарокова, показываетъ намѣреніе его поддѣлать еще не существовавшую нашу сцену, подѣ Французскую, и, въ угодность тогдашнему высшему обществу, не по-Корнелевски, а по-Вольтеровски (*). Но, чтобъ за-

манить и потѣшить хотя нѣсколько нашу народную гордость, которая, не смотря на нашу любовь къ чужеземному, не угасла вовсе въ Русскихъ сердцахъ, нашъ замысловатый трагикъ придумалъ обрусить сдѣлки свои съ Французскихъ, или, правильнѣе, театральныхъ героевъ, нашими историческими именами, вслѣдствіе на нихъ вовсе не историческія дѣйствія и любовныя похождения. Но какъ ихъ нельзя было найти въ лѣтописяхъ, то онъ придумывалъ ихъ по Французскимъ образцамъ, въ чемъ не имѣлъ недостатка. По сему соображенію, онъ назвалъ первыхъ своихъ трагическихъ героевъ именами первыхъ Князей Кіевскихъ; но какъ любовное приключеніе, плѣнившее воображеніе поэта, не согласовалось съ преданіемъ о *Кіи*, то онъ, по нѣтъчесткой вольности, превратилъ его изъ основателя въ завоевателя древняго Кіева, даже не взирая и на то, что сей городъ названъ его именемъ! *Завлохъ*, будто бывший Князь Кіевскій, явился изъ міра фантазіи къ услугамъ сочинителя, и, по его волѣ, разбитъ и выгнанъ изъ своего владѣнія. Оставшаяся въ плѣну дочь его, *Оспельда*, плѣнила *Хореса*, молодого брата побѣдоноснаго *Кіи*: ихъ взаимная любовь напоминала *Арисію* и *Инполита* (Расиновой *Федры*), дѣлается источникомъ трагическаго, не древняго ужаса и состраданія, а новаго страха и жалости: призводитъ занимательное и довольно умилительное драматическое дѣйствіе, и оживляетъ его бореніемъ страстей. Любовь возбуждаетъ нѣжнаго *Хореса* противъ дружбы, братства и долга повиновенія; заставляетъ его выпустить изъ темницы вторично побѣжденнаго и взятаго въ плѣнъ

во времени, ни въ мѣстѣ; а Вольтеръ, силясь соединить всѣ повоклассическія правила съ сильными дѣйствіями, видѣнными имъ на Шекспировой сценѣ, нарушалъ тихомолкомъ первыя и не успѣвалъ во вторыхъ. Это всего замѣтнѣе въ его *Семирамидѣ*. К. Ш.

(*) Корнель, придерживаясь Испанскаго Театра, не очень хлопоталъ о единствахъ Французскаго. Въ его *Сидѣ* вѣтъ опредѣительности ни

отца его возлюбленной, что воспламеняет гнѣвъ *Кіа*, и гордый побѣдитель, оскорбленный надменностью оболстительницы брата его, требующей смерти, посылаетъ къ ней чашу съ ядомъ. Между тѣмъ, *Хоревъ*, вѣрный чести и славы, разбиваетъ войско освобожденнаго имъ изъ плѣна *Завлоха*, присылаетъ *Кію* его мечъ и приводитъ самого *Завлоха*, вторично взятаго въ плѣнъ. Этимъ подвигомъ *Хоревъ* укрощаетъ гнѣвъ своего брата. Но увы! уже поздно... *Оснельда* выпила ядъ, а *Хоревъ*, узнавъ о томъ, закалывается. Вся эта любовная небылица оправдывалась славными примѣрами изъ Вольтера. Почему же новодѣльцу Сумарокову, вопреки лѣтописи, не пережаловать *Кіа* (причтеннаго нынѣшними мудрецами въ мифамъ) изъ градостроителя въ градобрателя, не заставить влюбиться созданнаго авторомъ *Хорева* въ небывалую *Оснельду*, когда Вольтеръ заставилъ влюбиться изумляющаго вселенную законодателя Востока Магомета въ выдуманную дочь его злѣйшаго врага, и употребилъ сказочную любовь ея къ брату, въ оружіе отцеубійства; или низпровергъ многовѣчную Китайскую Имперію за то, что Татаринъ Чумиръ, или Чингисъ, влюбился въ дочь безыменнаго мандарина! Многими такими же любовными выдумками славился тогдашній Французскій Театръ, изъ котораго Сумароковъ необходимо долженъ былъ извлекать, что могъ, дабы угодить зрителямъ, предубѣжденнымъ противъ всего не-Французскаго. Даже если бъ онъ самъ не участвовалъ въ ихъ предубѣжденіи, то пламенное желаніе развестъ въ своемъ отечествѣ роскошные цвѣты чужеземнаго просвѣщенія заставило бъ его пересаживать тѣ отводки, которые были ему подручны, и для которыхъ нашъ цвѣтникъ уже былъ приготовленъ тогдашнимъ воспитаніемъ. Чрезвычайный успѣхъ первой нашей трагедіи, представленной въ 1747 году, кадетами, на ихъ корпусномъ театрѣ, соврѣнно

удовлетворилъ самолюбію сочинителя. *Хоревъ*, теперь ужъ обветшалый языкомъ, скудный пеззією и жалкій истасканною по сценѣ любовью, — въ то время, когда наборъ словъ въ Александрійскій стихъ (*) и приисканіе рیمъ считалось почти чудесностью, и когда довольно было написать пѣсенку, ямбомъ или хореемъ, чтобы попасть въ разрядъ стихотворцевъ, — необходимо долженъ былъ восхитить избранныхъ зрителей, знавшихъ театръ по однимъ Французскимъ образцамъ. Этихъ любителей не могло возмутить преступленіе противъ истиннаго быта и правдоподобія; они къ этому были приучены и *Семирамидой*, и *Танкредомъ*, и *Альзирой* и *Заирой* и вожествомъ всклепанныхъ на исторію небылицъ, или притянутыхъ подъ три единства всякихъ невѣроятностей. Даже самое явное похищеніе изъ любезныхъ имъ Французскихъ поэтовъ гнѣшило ихъ, тѣмъ больше, что многіе стихи, которые говоритъ, поддѣлываясь подъ Инполита, *Хоревъ*, и теперь показались бы хорошими. (**) Вотъ, напримѣръ, открытіе его любви:

Я мнилъ, что я рождень къ единой только бранн,
Карать противниковъ и налагати данн;
Но богъ любви тобой ту ярость умягчилъ.
Твой взоръ меня вздыхать и въ славу научилъ,
Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
А безпристрастныя слова меня терзали.
Я слабости моей стыдился... и стесалъ,
И мыслию тогда куды не заблгалъ!

(*) Французскіе стихи въ двѣнадцать слоговъ (замѣненные у насъ шестистопными ямбами), называются Александрійскими, потому что они введены въ употребленіе стихотворцами Александрійской школы (въ Египтѣ). Древнія сатиры Архилога, называемыя отличительно ямбами, доказываютъ, что это стихосложеніе не было обыкновеннымъ у Эллинскихъ поэтовъ, и употреблялось смѣшанно съ другими, даже въ драматическихъ сочиненіяхъ. К. Ш.

(**) Это мнѣніе почтеннаго автора сей статьи, а не редакціи *Репертуара*. Ред.

Противъ тебя, противъ себя вооружался
Не зря тебя искалъ, а вида — удалялся.

Эти стихи, съ измѣненіемъ трехъ словъ, не испортили бы лучшей изъ нашихъ новыхъ трагедій, и можно бы выписать много такихъ же изъ Сумарокова Театра, для доказательства его стихотворнаго дарованія, когда бъ оно было подвержено сомнѣнію. А если бъ кто нибудь захотѣлъ не признавать въ немъ самороднаго драматическаго сочинителя, то довольно къ убѣжденію его показать, что не только бездарственная ученость Тредьяковскаго, но обширныя свѣдѣнія, высокій умъ и чудесный даръ Ломоносова, тщетно соперничествовали нашему первому трагикъ. Онъ одинъ приобрѣлъ послѣдователей, и сотворилъ нашъ театръ а названіе Русскаго Расина, данное Сумарокову тотчасъ послѣ представленія *Хоревы*, внушило ему самонадѣянность и желаніе сочинить что нибудь не Расиновское и еще небывалое на Парижской сценѣ. Вольтеръ, уже бывший въ Лондонѣ, вывезъ, въ это время, во Французскую Европу, Англійскіе фраки, толки о конституціи, философію и вѣсти о Шекспирѣ; (*) и Сумароковъ, слегка познакомившійся съ нимъ, вздумалъ, какъ могъ,

(*) Вольтеръ великій кудесникъ въ словесности и философіи и совершенный Французъ, зналъ силу привычки и прелесть новости, властвующихъ умомъ его земляковъ. Вознамѣрясь затмить Корнеля и Расина, Вольтеръ прибѣгнулъ къ новому оружію, къ разнообразности Англійскаго Театра, и вздумалъ *пошекспирить* на своемъ, только съ предосторожностію. Потому-то онъ распустилъ по Парижу молву о уродливости гевія Шекспира и о сильныхъ эффектахъ Лондонскихъ зрѣлищъ; но, начавъ приравливать къ Французской условной сценѣ Шекспирова *Юлія Цесаря*, и чтобъ отъворотить отъ себя подозрѣніе въ хищничествѣ и удостовѣрить, что онъ совершенствуетъ Шекспира классическими формами, Вольтеръ искажилъ 1-е дѣйствіе Шекспировой трагедіи *Жизнь и смерть Юлія Цесаря*; онъ чтобъ распотѣшить Французское невѣжество оста-

по тогдашнему понятію, воспользоваться его Гамлетомъ, и несчастный Гамлетъ, связанный Французскими путями, въ 1748 году появился съ блестящимъ успѣхомъ на Кадетскомъ Театрѣ, только не надолго. Съ 1762 года *Гамлетъ* совершенно скрылся съ Русской сцены, и появился уже въ новой передѣлкѣ (изъ Дюссиса) въ 1809 году.

Успѣхи молодого офицера Сумарокова, который едва ли былъ тогда не кадетомъ, когда В. К. Тредьяковскій уже риторствовалъ, будучи профессоромъ краснорѣчія, возбудили въ немъ желаніе придушить самонадѣянность легонькаго сочинителя, полновѣсною трагическою *штукою*, извлеченною тяжелымъ трудомъ не изъ своей головы, но изъ героической древности, и онъ написалъ, въ 4000 ямбическихъ экзаметровъ, *Деидамію*, по правиламъ Аристотеля, и во всей Греческой простотѣ, скрашенной свѣтскою вѣжливостію, которая особенно видна въ

визъ въ переводѣ своемъ Англійское слово *Милордъ*, которое такъ же, какъ Французское *Seigneur*, или Русское *государь*, употреблялось въ высокомъ слоgѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что таже плоская замысловатость могла бы точно также изуродовать на Русскомъ языкѣ Вольтерову *Заиру*, какъ на Французскомъ языкѣ изуродованъ Шекспировъ *Юлія Цесарь*; наиримѣръ, еслибъ кто перевелъ:

Madame il fut un temps, où mon âme charmée..
Мадамъ, было время, гдѣ моя душа прельщен-
вал, и проч.

Вѣрно бы эта *мадамъ* насмѣшила нашихъ читателей, только врядъ ли Французскимъ смѣхомъ. Русскій толкъ добрался бы до виноватаго; до чего, кажется, не было нужды Французской насмѣшливости, которую Вольтеръ умѣлъ мастерски тѣшить и не только на счетъ одного Шекспира. У насъ, слава Богу, Русскимъ не лѣпницамъ нѣтъ житья; да и иноземныя не лѣпницы, къ несчастію, вскружаютъ разрусѣлыя головы, пока народная слава и дѣльное просвѣщеніе не перерусятъ ихъ, что должно прежде всего оказаться въ театрѣ, какъ въ самомъ звучномъ отголоскѣ общаго мнѣнія.

приготовленіи Царя *Лидокема* къ принятію Ахейскаго Посольства. Вотъ эта протота:

Лидокемъ, (входя на сцену театра, и за нимъ всѣ.)

Посоль ужъ во дворѣ и ты Вуловодемъ,
Какъ здѣсь стоять при мнѣ, назначъ те-
перь имъ всѣмъ.

(Самъ сталъ при своихъ креслахъ, имѣя въ рукахъ скипетръ).

Вуловодемъ.
Благопристойно къ вамъ царевнѣ стать поближе,

Долгъ Пирры быть при ней, однакъ до-
вольно ниже,

А Навплиа потомъ ужъ мѣсто взять должна;
По ней порядкомъ всѣ, честь коей какъ дана.

(Всѣ такъ расположились, какъ назначено).

Симъ образомъ весь бокъ дѣвицами скра-
сится,

Но стража поперегъ и одалъ да вмѣстится
При семъ концѣ стола, который вкось
отъ васъ,

По должности моей, я стану самъ сей-
часъ.

Державный царь, указъ былъ вашъ, чтобъ
учредить,

Но лучше я не могъ никакъ распорядить.
Лидокемъ.

Будь такъ! Но слышишь входъ толпяща-
го народа,

Дошелъ ужъ знать посоль до самаго къ
намъ входа.

Дендамія, напечатанная въ 1750 году, по чрезвычайной огромности своей не могла нигдѣ быть играемою, и не взирая на то, что авторъ зналъ Греческій языкъ и изучилъ древнихъ поэтовъ, трагедія его столько же похожа на древнюю Гречанку, какъ и сухая Француженка *Федра*, *Прадонова*. Сей образецъ языка

и стихотворства (*), старшаго современника Сумарокова, ясно доказываетъ, чѣмъ обязаны нашъ Театръ и драматическая словесность сопернику Тредьяковскаго, отдѣлявшемуся отъ него, какъ свѣтлое облако отъ грязной земли. Въ томъ же году, на Петергофскомъ Дворцовомъ Театрѣ была представлена кадетами, въ присутствіи Императрицы, къ большому торжеству ихъ учителя и офицера, новая трагедія: *Синавъ и Труворъ* (**). Ея любовное содержаніе, такой же поклепъ на первыхъ Новгородскихъ Князей, какъ и на Кіевскаго *Хорева*. Однако же, сочинитель, изъ уваженія къ основателю Русскаго Государства, пощадилъ самого Рюрика, а заставилъ на Русскомъ Театрѣ французить меньшихъ его братьевъ. Въ этой трагедіи какъ и въ первой, нѣтъ ничего Русскаго, кромѣ именъ и языка. Такіе же стихи, тотъ же наборъ тогда модныхъ философскихъ изрѣченій (сентенцій)! *Гостомысль*, разсуждая довольно скучно о смерти и жизни, переговариваетъ другими словами, что уже зрители слышали въ Сумароковскомъ *Гамлетѣ*; но занимательная, хотя и не новая выдумка

(*) Въ доказательство, что большая часть недостатковъ происходила отъ тогдашнихъ поэтовъ отъ неопредѣлительности Русскихъ словъ и рѣчи, служатъ довольно порядочные стихи Тредьяковскаго, написанные имъ на образованномъ уже Французскомъ языкѣ.

(**) Ив. Ав. Дмитревскій разсказывалъ мнѣ, что во вторую поѣздку его въ чужіе края, Леженъ и другіе лучшіе Французскіе актеры подружились съ нимъ, и желая слышать стихотворные звуки нашего языка, уговорили его сыграть съ ними, на частномъ театрѣ, переведеннаго на Французскій языкъ *Синава и Трувора*, т. е., чтобъ онъ декламировалъ, на своемъ языкѣ, а они на своемъ. Это странное зрѣлище привлекло знаменитѣйшихъ писателей и артистовъ; они восхищались гармоніей нашего стихотворства, и очень аплодировали игрѣ Дмитревскаго, которая не была для нихъ одной мимикой, потому что они слѣдовали за словами его по переводу, бывшему у всѣхъ въ рукахъ. К. Ш.

содержанія, умильность несчастной любви, истинная чувствительность увлекали зрителей въ состраданіе (*). Чрезвычайно хорошо принятая при Дворѣ трагедія, и по желанію Французскаго посла переведенная на Французскій языкъ, была расхвалена Парижскими рецензентами. И не удивительно: она представляла все то, о чемъ могли судить и чего требовали Французскіе драматурги отъ тогдашней трагедіи. Они не заботились о мѣстности, объ исторической вѣрности; у нихъ всё вѣка, всё народы, всё обычаи и нравы сливались въ несхожій ни съ чѣмъ былымъ трагическій бытъ. Дѣйствующія лица или роли сочинялись по придуманнымъ для сцены образцамъ, раздѣлялись, обыкновенно, подѣ разными именами и костюмами, на первыхъ и вторыхъ любовниковъ и любовницъ, тирановъ и царичъ, благородныхъ отцевъ и матерей, вѣстниковъ, наперсниковъ и наперсницъ, которыя должны были говорить для важности напыщеннымъ языкомъ, влюбляться почти всегда не въ попадь, что производило жалкія дѣйствія и слѣдствія. Строгіе критики требовали ясности изложеній, занимательности изобрѣтенія, безостановочнаго хода пьесы, борьбы страстей, умильности любовныхъ сценъ, что все было исполнено нашимъ трагикомъ, со всёмъ наблюденіемъ приличій Парижскаго обществія. А Русскій языкъ, стихотворство, исторія,

нравы, противъ которыхъ грѣшилъ по необходимости Сумароковъ, не существовали для Французскихъ читателей и зрителей.

Замѣтное сходство *Синаза и Трувора* съ многими Французскими трагедіями, кажется, снова возбудило въ Сумароковѣ желаніе, оразнообразить свою трагедію, хотя содержаніемъ, взятымъ прямо изъ Древней Исторіи и не представленнымъ ни на какомъ театрѣ. Воображеніе его злетѣло въ старую Персію, и схватило изъ нея, на удачу, *Дарія, Гисдасова сына!* Сумароковъ заставилъ его влюбиться въ небывалую Кирову дочь, обрученную *Орканту*, сыну *Отона*, его сподвижника и друга. *Армистона*, напуганная тиранствомъ *Дарія*, пишетъ подѣ его диктовку, и, скрѣпя сердце, отказываетъ своему жениху, который смиренно крушится отъ ея измѣны. Но его отецъ и сестра *Федима*, влюбленная въ царскій вѣнецъ *Дарія*, приходятъ въ ярость; отецъ затѣваетъ бунтъ, а сестра умышляетъ умертвить *Армистону*. Любовники объясняются; *Оркантъ*, узнавъ обманъ, пристаётъ къ отцу; бунтъ закипѣлъ; Персы сражаются противъ Персовъ, но въ пылу битвы, *Оркантъ* препятствуетъ отцу своему поразить Царя, между тѣмъ *Федима* уговариваетъ стараго служителя *Кирова* убить его дочь. *Гирканъ* оказываетъ согласіе, и увѣдомляетъ *Федиму* объ исполненіи ея злодѣяства. Спасенный отъ смерти *Дарій* побѣждаетъ *Отону* и *Орканта*, и беретъ ихъ въ плѣнъ. *Федима*, узнавъ о томъ, отравляется, но ядъ не скоро дѣйствуетъ. Великодушіе Царя побѣждаетъ страсть; *Дарій* прощаетъ *Отону*, отдастъ сыну его *Армистону*, но *Федима* объявляетъ что:

Гирканъ, Отонювъ другъ, красу ея затмилъ.
Я повелѣла, — онъ княжалъ въ нее воевать.
Ужасъ, отчаяніе и гнѣвъ овладѣвають

(*) Еще, помнится, имѣя не болѣе девяти лѣтъ отъ рожденія, былъ я въ первый разъ въ театрѣ и расплакался отъ прощанія *Ильмена* съ *Труворомъ*, и отъ разказа о его смерти, отъ которыхъ въ ложахъ и партерѣ и не дѣти отирали слезы. Тогда еще чувствительность, не закаленная адскимъ огнемъ неистовыхъ страстей, легко затеплялась соучастіемъ къ видимымъ, на сценѣ и не на сценѣ, несчастіямъ любви; и эта чувствительность, не замученная, не замороженная всякими ужасами, готова была проявиться въ слезахъ и безъ сердечныхъ судорогъ, причиняемыхъ испѣйшими выдумками злодѣяствъ, кровопійствъ и истязаній!...

всѣми, но *Гирканъ* представляетъ *Артистону* не убитую, а скрытую имъ отъ злобы умирающей отъ яда *Федимы*; эта перипетія удалась автору: она принесла большое удовольствіе публикѣ, и поддержала трагедію, но не надолго, что обыкновенно бываетъ съ тѣми драмами, которыхъ успѣхъ зависить отъ пораженія печальностью. Авторъ кажется не очень былъ доволенъ успѣхомъ и второго опыта своего въ представленіи чужеземныхъ лицъ, ибо онъ отъ нихъ совсѣмъ отрекся.

Нельзя утвердительно сказать, неудовольствія ли противъ Сумарокова, или желаніе слышать со сцены сладкозвучные стихи Ломоносова, заставили покровителя наукъ и художествъ, Ивана Ивановича Шувалова, упрашивать нашего славнаго лирика, сочинить трагедію. Ломоносовъ долго отговаривался, и изустно и стихами. Мнѣ сказывалъ А. А. Константиновъ, зять Ломоносова, что тесть его, въ убѣжденіе Шувалова, сочинилъ отвѣтъ на переведенную имъ оду Анакреона:

Мнѣ пѣть было о нѣжной
Анакреонтъ любви;
Я чувствовалъ жаръ прежній
Въ согрѣвшейся крови, и проч.

Однако, ни стихи, ни словесныя убѣжденія не подѣйствовали: Шуваловъ под держалъ свое требованіе благоволеніемъ самой Императрицы, и Ломоносовъ, пзъ повинновенія, доказалъ трагедію своею *Темира* и *Селимъ*, что и великій даръ стихотворства, безъ драматическаго дарованія, не можетъ удержаться на сценѣ. Вотъ чѣмъ начинается трагедію, по словамъ автора, страстно влюбленная *Темира*:

Насталъ ужасный день и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой
лучи,

Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ.

Любезна тишина минула въ сей ночи:

Отецъ мой воинству готовиться къ отпору

И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ;
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,

Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣль.

На гору, какъ орелъ, паря онъ возносился,
Который съ высоты на агнца хочетъ пасть,

И быстрый конь подъ нимъ какъ бурный
вверхъ крутился, —

Селимову являлъ проворство тѣмъ и власть.

Какъ эти стихи звучны, сильны и прекрасны, (*) и какъ они неумѣстны въ устахъ нѣжной *Темиры*, хотя и влюбленной съ стѣны отеческаго города, въ нападашаго на него непріятеля! Вотъ какъ *Оснельда* (въ *Хоревѣ* Сумарокова), въ подобномъ положеніи, открываетъ любовь свою:

Моя несчастна мать, сыновъ своихъ лишася,

Въ послѣдокъ и съ своимъ супругомъ
разлучася,

Услыша злую вѣсть, что Кій какъ вѣтеръ,
прахъ

Народъ нашъ размѣталъ, и въ градскихъ
ужь вратахъ

Паденье славы зря, прегорько возстепала,
И кровь свою св. ей рукою проливала,

И лобызаячи въ послѣднія меня,
Скончала бѣдну жизнь, въ сонѣ смертныи
премѣня;

А я въ плѣненіе сіе низвергшись года,
Не помню ни отца, ни матери, ни рода,

Однако кровь во мнѣ чрезъ всѣ шестна-
дцать лѣтъ

(*) Редакція *Репертуара* не раздѣляетъ мнѣнія почтеннаго автора сей статьи на счетъ достоинства приведенныхъ стиховъ. De dustibus non est disputandum. — *Ред.*

Какъ помнѣть я могу, отмщенье вопіеть,
Я сказанное мнѣ то бытіе, какъ вижу,
И рода моего убійцу ненавижу.

Но, ахъ! Хоревъ, въ тѣ дни, хотя мла-
денецъ былъ,

Онъ Кію братъ. Увы! а мнѣ, Острада,
мнѣ?

Эти стихи хуже прежнихъ, но они льют-
ся изъ сердца въ сердце, и умиляютъ
душу; а тѣ гораздо лучше, но они толь-
ко тѣшатъ слухъ и восхищаютъ вообра-
женіе, какъ отгласъ эхопеп, вовсе не при-
личны тамъ, гдѣ помѣщены, и той, кто ихъ
говоритъ, — а безъ приличія нѣтъ исти-
ной красоты ни въ какомъ изящномъ иску-
ствѣ. (*) Ломоносовъ былъ великимъ поз-

томъ, а Сумароковъ только врожден-
нымъ трагикомъ, и его сочиненія овла-
дѣли сценой въ то время, когда Ломо-
носовъ первенствуя на Парнассѣ, послѣ
двухъ опытовъ, смиренно оставилъ сце-
ну. Не взирая на то, онъ первый обра-
довалъ Русскіе сердца превосходнымъ
разказомъ славной битвы, свргшей Та-
тарское иго и позоръ съ нашего отече-
ства. Помѣщая здѣсь этотъ превосход-
ный разказъ (*), надѣясь, что читате-
лямъ будетъ пріятно узнать или припо-
мнить одно изъ самыхъ лучшихъ стихо-
твореній нашихъ. Это разказываетъ
Крымскій Князь Нирсимъ о Куликовской
битвѣ, или Мамаевомъ побойщѣ.

Уже чрезъ пять часовъ горѣла брань
сурова,

Сквозъ пыль, сквозъ паръ едва давало
солнце лучъ;

Въ густой крови кипя, тряслась земля
багрова,

И стрѣлы падали дождевыхъ гуще тучъ;
Ужъ поле мертвыми наполнилось широко;

Непрядва трупами спершись едва текла,
Различныхъ видъ смертей тамъ представ-

ляло око,
Различнымъ образомъ повержены тѣла:

Иной съ размаха мечъ занесъ на супо-
стата,

Но, прежде прободенъ, удара не скончалъ;
Иной, забывъ врага, прельщался блескомъ

злата,
Но мертвый на корысть желанную упалъ;

горыя бываютъ часто ничтожны и даже отпра-
тительны, а въ дѣйствіяхъ сл. Она, напримѣръ,
хвостами животныхъ и сложениемъ тѣла человѣ-
ческаго укрываетъ части, производящія омерза-
ніе, такъ на что же ихъ откры ать! Это время
Барсова, профессора были просто радушными
учителями, а не слушателями, прельцающими
самихъ себя.

горыя бываютъ часто ничтожны и даже отпра-
тительны, а въ дѣйствіяхъ сл. Она, напримѣръ,
хвостами животныхъ и сложениемъ тѣла человѣ-
ческаго укрываетъ части, производящія омерза-
ніе, такъ на что же ихъ откры ать! Это время
Барсова, профессора были просто радушными
учителями, а не слушателями, прельцающими
самихъ себя.

горыя бываютъ часто ничтожны и даже отпра-
тительны, а въ дѣйствіяхъ сл. Она, напримѣръ,
хвостами животныхъ и сложениемъ тѣла человѣ-
ческаго укрываетъ части, производящія омерза-
ніе, такъ на что же ихъ откры ать! Это время
Барсова, профессора были просто радушными
учителями, а не слушателями, прельцающими
самихъ себя.

горыя бываютъ часто ничтожны и даже отпра-
тительны, а въ дѣйствіяхъ сл. Она, напримѣръ,
хвостами животныхъ и сложениемъ тѣла человѣ-
ческаго укрываетъ части, производящія омерза-
ніе, такъ на что же ихъ откры ать! Это время
Барсова, профессора были просто радушными
учителями, а не слушателями, прельцающими
самихъ себя.

горыя бываютъ часто ничтожны и даже отпра-
тительны, а въ дѣйствіяхъ сл. Она, напримѣръ,
хвостами животныхъ и сложениемъ тѣла человѣ-
ческаго укрываетъ части, производящія омерза-
ніе, такъ на что же ихъ откры ать! Это время
Барсова, профессора были просто радушными
учителями, а не слушателями, прельцающими
самихъ себя.

горыя бываютъ часто ничтожны и даже отпра-
тительны, а въ дѣйствіяхъ сл. Она, напримѣръ,
хвостами животныхъ и сложениемъ тѣла человѣ-
ческаго укрываетъ части, производящія омерза-
ніе, такъ на что же ихъ откры ать! Это время
Барсова, профессора были просто радушными
учителями, а не слушателями, прельцающими
самихъ себя.

горыя бываютъ часто ничтожны и даже отпра-
тительны, а въ дѣйствіяхъ сл. Она, напримѣръ,
хвостами животныхъ и сложениемъ тѣла человѣ-
ческаго укрываетъ части, производящія омерза-
ніе, такъ на что же ихъ откры ать! Это время
Барсова, профессора были просто радушными
учителями, а не слушателями, прельцающими
самихъ себя.

(*) Очень молодой ученикъ профессора Москов-
скаго Университета А. А. Барсова принесъ къ
нему заданное имъ сочиненіе. Профессоръ, читавъ
его и анализируя, находилъ и логическія мета-
форы и риторическія тропы и фигуры вѣрными;
ученикъ мысленно радовался своимъ знаніемъ;
но учитель, кончивъ чтеніе, спросилъ его, указы-
вая на цвѣты, бывшіе на его каминѣ: «хорошъ
ли этотъ цвѣтокъ?» Хорошъ. «А хорошо ли бу-
детъ, если я его наклею на твой носъ?» Уче-
никъ, удивленный такимъ вопросомъ, отвѣчалъ:
нѣтъ! — «Ну, вотъ такъ-то, продолжалъ почтен-
ный Барсовъ: — и твои риторическія фигуры вѣр-
ны и хороши, да не приличны и нейдутъ къ дѣ-
лу! Приличіе, любезный, приличіе нужно во
всемъ и вездѣ, и оно опредѣлительно означаетъ
то, что Французы называютъ, въ переносномъ
смыслѣ, *эквсомъ*. Безъ приличія нѣтъ истинныхъ
красотъ ни въ какомъ искусствѣ!» — Барсовъ не
былъ одаренъ отличнымъ краспорѣчіемъ, и про-
стосердечно говаривалъ замѣстителю своему, то-
гда еще студенту Саханому: «не такъ пиши какъ
я пишу, а такъ пиши, какъ ячу.» Онъ любилъ
въ своемъ домѣ бесѣдовать съ способными уче-
никами, совѣтовалъ имъ изучать древнихъ писа-
телей, искушенныхъ какъ *злато въ горниль* вре-
мени, уважалъ Квинтиліана, а особливо Ловгина,
и повторялъ его мысли о метафорахъ и под-
ражаніи природѣ. «Метафоры, говаривалъ онъ:
«тогда только хороши, когда, вмѣстѣ съ въ нихъ
слова какъ бы, какъ будто, подобно тому,
или другіе условные предрѣчія, они превра-
щаются въ ясное и вѣрное уподобленіе, а по-
серживать природѣ должно въ видимостяхъ, ко-

Иной отъ сильного удара убѣгая,
 Стремглавъ съ коня слетѣль и стонеть
 Подъ конемъ;
 Иной пронзень угасъ, противника прон-
 зая,
 Иной врага повергъ и стонеть самъ на
 немъ.
 Россійскіе полки отсюду притѣснены,
 Казалось, что въ пльнѣ дадутся пль на-
 дуть;
 Мамай растерзанный, противныхъ видя
 гибны
 Великой гордостью, примолвилъ мнѣ, на-
 дуть,
 Нарсимъ, Димитрія во узахъ предо мною,
 Когда онъ живъ еще, немедленно пред-
 ставъ,
 Но ежели онъ мертвъ, съ противной го-
 ловой
 Поспѣшно возвратясь, мнѣ радости при-
 бавлю
 Внезапно шумъ возсталъ по воинству вездѣ
 Какъ туза бурная ударивъ отъ пучины,
 Ужасный въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ
 свистъ,
 Реветь и гонить мглу чрезъ горы и до-
 лины,
 Возносятъ отъ земли до облакъ легкій
 влестъ:
 Такъ сила Русская поднявшись изъ за-
 сады,
 Съ внезапнымъ мужествомъ пустилася на
 насъ;
 Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей от-
 рады,
 Оставше воинство возвысило свой гласъ;
 Во срѣтеніе своимъ Россіяне вскричали:
 Великій воспыла въ сердцахъ унымыхъ
 жаръ.
 Мамаевы полки увидя встрепетали,
 И ужасъ къ бѣгствію принудилъ всѣхъ
 Татаръ;
 Убийцы отъ меня со страхомъ удалились,
 Я къ верху смутныя возвелъ свои глаза,
 Тогда надъ Русскими полками отворились
 И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса;

Ударилъ громъ на насъ, по Русскихъ по-
 борая,
 И подалъ знакъ, что Богъ на помощь къ
 намъ идетъ —
 Глазами я искалъ и не нашелъ Мамай:
 Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему на слѣдъ.
 Списывая съ памяти эти сладковуче-
 ные и утѣшные Русской душѣ стихи без-
 смертнаго законодателя Русскаго слова,
 рука моя трепетала отъ восхищенія; но
 я не могъ не чувствовать, что траге-
 дія Ломоносова была вынужденнымъ, а
 потому и неудачнымъ произведеніемъ ве-
 ликаго стихотворца, и кажется, что со-
 временники его то же почувствовали. Сума-
 роковъ торжествовалъ на сценѣ, а *Се-
 мира* и *Селимъ* остались только въ пе-
 чати, повидимому не безполезно для сча-
 стливаго соперника!

Очень замѣтно, что Сумароковъ, въ его
 трагедіи, представленной послѣ Ломоно-
 сова опыта, въ 1752 году, занялся съ
 большимъ раченіемъ стихами, языкомъ и
 слогомъ: *Семира* вообще написана луч-
 ше другихъ его драматическихъ произве-
 деній, но составлена и ведена почти такъ-
 же, какъ и прочіе, т. е. состоитъ изъ
 любовныхъ выдумокъ на Русскихъ Кня-
 зей. Содержаніе ея напоминаетъ Вольте-
 рову *Алиру* и смѣшивается съ Сумаро-
 ковскимъ же *Хоревомъ*. *Семира*, также
 какъ *Оснельда*, влюблена, только не въ
 брата, а въ сына враговъ ея родныхъ;
 также пользуясь его страстью, вводитъ
 его въ прступленіе противъ священнаго
 долга, заставляетъ освободить врага его
 отечества, только меньше философствуетъ
 и больше чувствуетъ. *Олезь* тотъ же
Кіи, но возвышеннѣе разговоромъ и жар-
 че чувствомъ; положеніе ихъ одно и то-
 же: они колеблются между кровной люб-
 ви и долга власти. *Аскольдъ*, хотя такъ-
 же вопреки исторіи превращенъ изъ Ва-
 ряжскаго пришельца въ наследственнаго
 государя, какъ и *Завлахъ*, изъ ничего
 создавъ Княземъ небывалаго еще Кіева;

но *Аскольдъ*, списанный съ Вольтерова Американца *Замора*, мужественнѣе, театральнѣе и даже, если бѣ сочинитель не называлъ его Кіевскимъ уроженцемъ, то можно было бы подумать, что онъ хотѣлъ въ немъ представить Нормандскаго втизя, какимъ и дѣйствительно онъ былъ. *Ростиславъ*, блѣдный спмнокъ съ *Хорева*. Не смотря, однако жѣ, на это сходство и едва не повтореніе трагедіи одного автора, достоинство стихотворства, драматическая теплота и живость поставилъ *Семиру*, въ глазахъ зрителей и въ сужденіи критиковъ, выше *Хорева*. Преимуществу ея содѣйствовали: появленіе *Аскольда*, удачно перенятое у Вольтера; короткій, но быстрый разговоръ *Олега* съ *Асколдомъ*, и хотя слишкомъ поднятый на Французскіе котурны характеръ *Семиры*, что явственно можетъ показать выписка нѣкоторыхъ стиховъ изъ самыхъ блистательныхъ явленій.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕМИРА, ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

Что въ горести меня любовь воспламенила,
Я часто то тебѣ, Избрана, предвѣщала:
Сбылось ли то теперъ?.. Рокъ муки тѣ
принесъ.

Гдѣ помощи искать?.. Правители небесъ!
Въ тоскѣ и жалости, мой духъ изнемо-
гаетъ,

И сердце томное крушится и страдаетъ!
Съ предальной высоты воззрите къ сей
странѣ

И унывающей подайте помощь мнѣ.

Избрана, я хочу любовника оставить,

И, одолѣвъ себя, на вѣкъ себя прославить.

Эти хорошіе стихи и быстрое изложене характера *Семиры* уже приготовляютъ зрителей къ чему-то лучшему противъ слышаннаго и видѣннаго ими: правда, что *Семира* тотчасъ объясняетъ странную причину переменъ мыслей своихъ:

Когда *Аскольдъ*, мой братъ, надежды не
имѣлъ

Вселенной показать своихъ геройскихъ
дѣлъ,

Я сердца своего тогда не принуждала;

А нынѣ честь моя совсѣмъ премѣнна
стала;

Олегу невольниковъ отъ узъ освободилъ,

И щедро изъ темницъ невольныхъ изпу-
стилъ,

Чтобъ нашимъ подданнымъ, отдавъ имъ
и въ свободу,

Явить себя отцемъ плѣнному народу.

Семира тогда соглашалась быть женою любящаго ее *Ростислава*, сына хищника ея насель ственнаго княжества, когда онъ держалъ въ темницахъ подданныхъ ея брата. Когда же, по великодушію, или, положимъ, изъ политическихъ видовъ, онъ имъ даруетъ свободу, она отказывается слѣдовать прежнимъ чувствамъ ея души. Это понятіе о чести, справедливости и какомъ-то геройствѣ, едвали существовало въ какомъ нибудь народѣ; и такая переменна мыслей, отъ благотворительнаго освобожденія, похожа на неблагодарность и духъ безотчетнаго своеволюства, который только еще началъ проглядывать въ западныхъ образцахъ *Сумароковыхъ* сочиненій. Но каковъ онъ ни есть, *Семира* производитъ занимательныя и умилительныя дѣйствія трагедіи, и вотъ какъ ея сочинитель, припоминаніемъ *Зопира*, громкогласить изъ устъ *Аскольда*:

ЯВЛЕНІЕ II.

Аскольдъ, къ освобожден-
нымъ воинамъ,

въ *Олеговыхъ*
чертогахъ.

Насталъ намъ день искать или смерти или
свободы,

Умремъ или побѣдимъ, о храбрые наро-
ды! (*)

(*) Частое употребленіе въ церковныхъ книгахъ собирательнаго имени, народъ, во множественномъ, го оря о жителяхъ одной страны, оправдывается *Сумарокова*, но не должно служить

Надежда есть, когда остался въ насъ жи-
воть,

Безсильнымъ мужество даетъ побѣды плодъ.
Не страшно все тому, кто смерти не стра-
шится,

Пускай хотя на насъ природа ополчится,
Что можетъ больше намъ несчастья при-
ключить,
Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью
разлучить.

О градъ родительскій! Отечество драгое!
Гдѣ взросъ я въ пышности, въ веселии,
въ покоѣ!

Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ,
И что отъ твоего престола отчужденъ.
О вѣрные рабы, отвержемъ плѣна бремя,
Настало то судьбой назначенное время,
Въ которо мы должны всеземной показать,
Что намъ несвойственно подъ игомъ пре-
бывать;
Пусть потеряніе свободы невозвратно,
Но въ долгъ отечества и смерть вкусить
пріятно.

Кончина такова съ побѣдою равна,
И ея наша жизнь пребудетъ вѣкъ славна.
Нельзя не отдать справедливости эпитмъ,
хотя и устарѣлымъ стихамъ, доказываю-
щимъ, что Сумарокову недоставало хоро-
шихъ примѣровъ, а не стихотворнаго
дара.

Семира, воспламененная
братомъ и ея
воинами, восклицаетъ:

Природа! для чего я дивной рождена?
Я тщетно къ бодрости теперь возбуж-
дена;
Хоть съ вами въ равныя вдаюся я на-
пасти,
Не буду въ храбрости имѣть я съ вами
части!

образецъ для писателей на новомъ Русскомъ
языкѣ, въ которомъ многіе слова невозвратимъ
измѣнили старинное значеніе, какъ то: изрядно
красно, животь и проч.

К. Ш.

Аскольдъ.

Непобѣдиму страсть стѣсняешь ты въ
себѣ,
Довольно мужества, сестра моя, въ тебѣ.

Семира.

Довольно для меня, а для народа мало.
Последній стихъ прекрасенъ; но вотъ
еще образецъ сжатого, живаго и силь-
наго разговора, который дѣлаетъ главное
достоинство Семиры. Олегъ открываетъ
заговоръ освобожденнаго имъ Аскольда,
призываетъ его къ себѣ и говоритъ:

Ты тщетно предпріямъ быть княземъ сей
странѣ,
И другомъ бывъ мнѣ, сталъ ты злодѣ-
емъ мнѣ!

Я мысля о тебѣ такъ склонно, какъ
о сынѣ,
И въ воздаяніе вражду я вижу нынѣ;
Всѣ милости забывъ, которы ты имѣлъ,
Ты встать противъ меня хотѣлъ, Аскольдъ!

Аскольдъ.

Хотѣлъ.

Олегъ.

Прощи прощенія: пади передо мною.

Аскольдъ.

Коль мечъ мнѣ въ грудь вонзишь, паду
передъ тобой,
А прежде никогда.

Олегъ.

Но смерть тебѣ грозить.

Аскольдъ.

Величества души она не поразить.

Это явленіе, и то, когда, можетъ быть, и
слишкомъ высокопарная, но побѣжден-
ная любовью Семира, упавая на колѣни
предъ Олегомъ, говоритъ: «Зри гордо-
сти Семириной конецъ», производили
сильное дѣйствіе надъ зрителями, уже
привыкшими къ стихамъ Княгинина, и ви-
давшими трагедіи Озерова. Окончиваю-
щая трагедію перипетія, не такъ неож-
данная, но явственнѣе приведенная, чѣмъ
въ *Артистоппѣ*, удовлетворяетъ, смертию
и послѣдней волей Аскольда, соучастіе
зрителей, къ любви Семиры и Ростислава.

Небольшая удача *Темiry и Селма*, и с риведливый успѣхъ *Селмы*, не оставили появления, въ томъ же году, второй трагедіи Ломоносова, вѣроятно также выпущенной убѣжденіями Шувалова. Можетъ быть, надежда, что эпическое содержаніе драмы и Омровы герои больше удадутся стихотворцу, постигшему всю силу древней поэзіи, заставили нашего Мелената вторично превратить великаго лирика въ несчастнаго трагика. *Демофонтъ* Ломоносова напечатанъ въ 1752 году. Въ этой трагедіи нельзя не удивляться сладкозвучію стиха, красотѣ описательнаго стихотворства и странному соображенію всей трагедіи, доказывающему совершенное отсутствіе драматическаго дарованія. Вотъ въ чемъ дѣло: *Демофонтъ*, сынъ Царя *Тезея*, возвращаясь отъ *Трои*, выброшенъ бурей на Фракійскій берегъ и спасенный царевною *Фелидой*, влюбился въ *Иліону*, дочь *Приама*, невѣсту *Полимнестора*, правителя Фракіи, который влюбленъ въ *Фелиду*, а *Фелида* влюблена въ *Демофонта*. Всѣ эти несчастные любовники, кружась попарно на театрѣ, должны вскружить голову и зрителей и читателей, не подвигая впередъ трагическаго дѣйствія; наконецъ *Фелида*, чтобъ удержать неблагоустроеннаго *Демофонта*, велитъ зачекать его корабль. Но *Демофонтъ*, раненый зажженою стрѣлой, умираетъ; *Фелида* закалывается. Этотъ пожаръ не разогрѣлъ однако жъ трагедіи, и какъ говоритъ *Иліона*:

Несчастливой любви несчастливый конецъ,
не разжа ни кого обиль. Ломоносовъ, этимъ вторымъ и послѣднимъ опытомъ, совершенно оправдалъ прекрасные свои стихи Анакреону. Но описавъ сценическую суматоху великаго нашего сти отворца, въ доказательство немовѣрной разницы между драматической и эпической поэзіей, нахоу нужнымъ, изъ уваженія къ памяти мудраго образователя Русскаго слова и вполновеннаго поэта, выпи сать изъ его

несчастной трагедіи превосходный разсказъ *Мемнона*, только возвратившемуся въ Сестъ, *Полимнестору*:

За полгода предъ снмъ, когда здѣсь не
былъ слухъ,

Гдѣ съ вопиствомъ тебя водилъ герой-
скій думъ,

И послѣ, какъ пришла во градъ сей вѣсть,
плачевна,

Что Трои рушила въ конецъ, судьбина
гнѣвна —

Внезапно солнца видъ на востодъ сталъ
багровъ,

И тусклые лучи кидаль изъ облаковъ;
Отъ берега вдали пучина почернѣла,

И буря къ намъ съ дождемъ и градомъ
налетѣла,

Напала мгла, какъ ночь, ударилъ громный
трескъ,

И мрачность разсѣкаль лишь частый мол-
ній блескъ.

Поднявъ съды верхи, стрѣмилсь волны
яры

И берегъ заревѣль, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,

Что съ моря бурный вѣтръ несетъ къ
намъ корабль,

Которы лютость волнь то въ пропастьхъ
скрываетъ,

То вздернувъ на бугры порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ *вытрамъ*,

Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ;
Мы чаяли тогда Энеева прихода

Съ остатками Троянъ, несчастнаго народа.
Объята жалостью, подвинута бѣдой,

Царь на на бер-гъ безъ страха шла за мной.
Туть алчный Понтъ пожралъ три корабля

предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ

волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется чело-
вѣкъ,

Съ рабами я спѣшль, и на песокъ извлекъ.
.....

.....
Полимнесторъ.

.....
Кто сей несчастный былъ?

Мемнонь.

Царя Тезея сынъ —

Опъ сердца нашея царевны властельнѣ!

Этотъ отвѣтъ *Мемноновъ*, кажется, только одинъ истинно драматическій стихъ во всей трагедіи: онъ ясно и коротко показываетъ завязку драмы; но Княжичиъ, въ своей *Дидонѣ*, показалъ, какъ и самый пинтичскій рассказъ о бурѣ можетъ быть въ то же время драматическимъ дѣйствіемъ. Вотъ отвѣтъ *Эиел Антенору*, внимающему страсть его къ *Дидонѣ*:

Воспомни, Антеноръ, какъ алчный понтъ
ревѣлъ

И поглотить опъ весь Пріамовъ родъ хотѣлъ;

Какъ волны до небесъ свирѣпствуя вздымались,

И въ тотъ же часъ отъ тучъ до ада низвергались.

День оный въ страшну ночь Нептунъ обратилъ,

Разящій только огнь во мракъ намъ свѣтилъ.

Спасеня не было; боговъ тогда мы звали;

А боги въ помощи несчастнымъ отрицали.

Ужъ адовы врата отверзлися тогда,

Въ разбиты корабли вливалася вода,
Вскакала съ нею смерть... Прекрасная Дидона

Къ моленью нашему подвиглася со трона,
И жалостей боговъ на помощь притекла,
Она изъ челюстей насъ смерти извлекла.
Трояне, боги, я, неблагодарны будемъ,
Когда Дидонины щедроты позабудемъ.

Это не только эпическое повѣствованіе, но полное дѣйствіе той страсти, на которой основана вся трагедія. *Эиел*, чтобъ оправдать ее, воспоминаетъ обвинителю своему весь смертельный страхъ, который ихъ постигъ: тутъ громъ, молнія, буря, смерть, и самые боги представлены немилосердными, ужасными, для того, чтобы возвысить щедроты прекрасной *Дидоны*. Все это превосходно! Съ какимъ искусствомъ, съ какою быстротою, постепенностью, поэтъ, доведя рассказъ до конечной гибели, перерываетъ его восторгомъ господствующей страсти, и обращаетъ весь ужасныя воспоминанія въ ея пользу. Княжичиъ, справедливо обвиняемый въ заимствованіи у чужеземныхъ писателей многого и многого, первый самымъ дѣломъ открылъ намъ тайны драматическаго искусства и стихотворства, и смѣло могъ называться сценическимъ поэтомъ. Но прежде, чѣмъ льтописный обзоръ дойдетъ до его твореній, должно еще досмотрѣть сочиненія его дестя и предшественника, Сумарокова.

(Окончаніе впрѣдь.)

ЛЮБОВЬ АКТРИСЪ.

Въ любви всего пріятнѣе предпочтеніе, которое намъ оказываютъ. Оно бываетъ двухъ родовъ. Одно оказывается женщиною скромною, привыкшею сидѣть дома, которая причется отъ всѣхъ, крѣмъ васъ, и превращаетъ домъ свой въ неприкосновен-

ный храмъ, а свиданія прикрываетъ тайною. Другое оказывается смѣлою женщиною, которая желаетъ правиться всѣмъ безъ изыатія, а допускаетъ до сердца только одного избраннаго. Элементы этой по- слѣдней любви, когда она не притворна,

суть удивленіе, чувствительность, гордость. — три неразлучные круга, въ которыхъ не найдешь ни начала, ни конца. Такая любовь начинается глазами, сердце трепещетъ, а голова упоена побѣдою. Слова мои должно въ особенности приложить къ любви актрисъ; рассмотримъ же аналитически всѣ три элемента этой любви.

Ище всего на сценѣ прельщаетъ насъ красота; но мы тотчасъ думаемъ, что эта самая красота, пожираемая нашими глазами, прельщала уже тысячи другихъ глазъ, которые были не безкорыстнѣе нашихъ; сколько не имѣли бы мы достоинствъ и отличій, какъ ни были бы мы тщеславны, все таки должны предположить, что въ залѣ, гдѣ 1200 или 2000 зрителей, есть, по крайней мѣрѣ, сотня головъ лучше нашей, сто фраковъ, сшитыхъ краснѣе нашего, сто галстуковъ, повязанныхъ лучше нашего, сто паръ перчатокъ желтѣе и свѣжѣе нашей пары. — Актриса все-таки, смотрѣла на насъ нѣсколько разъ. — Однако жъ, постараемся сохранить хладнокровіе и рассмотримъ одного изъ сотни соперниковъ нашихъ; она и на него смотритъ! Ударъ нанесенъ, ударъ чувствительный и глубокий; мы надѣялись прежде, что ея прелестные глаза ищутъ только насъ. Такъ вселяется любовь, съ ревностію и опасеніемъ, и съ неувѣренностію въ самомъ себѣ. Предположите теперь, что послѣ обыкновенныхъ интригъ, надушенныхъ записочекъ, просьбъ, моленій, послѣ ожиданій на улицѣ и ежедневныхъ посѣщеній театра, вамъ удалось восторжествовать, и судите о счастьи, которое доставлено успѣхомъ, по трудамъ вашимъ и по мученіямъ, отъ него происходящимъ.

Если сильныя потрясенія дѣйствуютъ на страсти точно такъ же, какъ сильный вѣтеръ на горящую смолу, то замѣчено, что самый сильный пожаръ скорѣе потушается. Любовь встрѣчаетъ въ театрѣ столько ударовъ, что думаетъ не можетъ наслаждаться тою полнотою блаженства, какою

дастъ спокойствіе послѣ опасеній; можно сравнить любовь актрисъ съ лодочками, безпрерывно волнующимися на океанѣ, даже въ то время, когда онѣ притянуты къ берегу. Въ обыкновенномъ мірѣ, любовь живетъ и увеличивается препятствіями, потому что чувствуетъ нужду въ спокойствіи, въ безмятежности. Въ театральныхъ страстяхъ этого быть не можетъ. Театральный міръ и нашъ міръ ежедневный — двѣ сферы, вращающіяся на совершенно различныхъ законахъ; правила, имѣющія ходъ въ первомъ, становятся нелѣпы во второмъ; люди, попадающіе изъ перваго во второй, непременно должны когда нибудь возвратиться къ прежней родинѣ.

У насъ любовь требуетъ нераздѣльности. Признаемся, что и въ нашемъ обществѣ, идея эта — ложь; но въ театрѣ она еще болѣе жива! Больше избраннаго любовника, актриса льститъ другому любовнику, ревнивому, страшному и опасному, — публикѣ. Она жертвуетъ всѣмъ и собою этому грозному тирану. Избранникъ актрисы — просто рабъ всѣхъ тѣхъ, которые сидятъ въ первыхъ рядахъ кресель; я говорю о такомъ избранникѣ, который соединяетъ въ себѣ всѣ три элемента любви, потому что любящій изъ одной гордости не заботится о предметѣ любви своей: онъ не блѣднѣетъ отъ свистковъ, не сердится, когда шикаютъ его актрисъ. А кто истинно любитъ, тотъ всегда и всего бонется. Онъ дрожитъ передъ всѣми, начиная отъ директора театра до самаго скромнаго машиниста, отъ фрахта, сидящаго въ креслахъ, до лавочника, забравшагося въ раекъ. Когда любятъ такого челоуѣка, онъ ни съ чѣмъ въ мірѣ не можетъ сравнить своего счастья. Онъ обожаетъ идеальную любовницу, наслаждается настоящимъ и прошедшимъ; когда видитъ, что глаза его пріятельницы обращаются на другихъ, онъ покоряется и признаетъ власть публики; когда же, напротивъ, жестъ или взоръ прямо обра-

щены къ нему, онъ думаетъ: — «она видитъ только меня одного въ этомъ океанѣ любопытныхъ головъ!» Когда онъ сидитъ въ тѣни, въ углу, котораго она не знаетъ, и когда замѣчаетъ, что она его ищетъ, то пьетъ чашу неизяснимаго удовольствія; если она ошибется или забудетъ реплику, потому что ищетъ его, онъ едва не умираетъ отъ радости и восторга. Есть ли любовное свиданіе, могущее сравниться съ тѣмъ, которое назначаетъ актриса своему возлюбленному въ театральномъ залѣ, наполненной народомъ? Можетъ ли какая нибудь женщина говорить такіа сладкія рѣчи, какія произноситъ актриса въ самой дрянной роли; рѣчи самыя обыкновенныя, но получающія особенную цѣну отъ того, что любовникъ прилагаетъ ихъ къ самому себѣ: напримѣръ: «Я люблю тебя!» — или: «Не могу жить безъ него!» — или: «Гдѣ не могу видѣться съ тобою, и тамъ ищетъ тебя моя любовь!» — Нѣтъ! ничто не можетъ быть полнѣ этой любви въ театрѣ, но именно въ театрѣ; за кулисами или въ будуарѣ, дѣйствительность приводитъ обыкновенную развязку. . . . .

Кто любитъ актрису изъ гордости и счастливъ только тѣмъ, что обладаетъ женщиною, за которою многіе ухаживаютъ, тотъ дѣйствуетъ совсѣмъ иначе. Онъ надѣваетъ изящный галстухъ, входитъ съ шумомъ въ ближайшій къ сценѣ бенуаръ, въ ту минуту, когда *спрасть* его выходитъ на сцену; онъ ложится на пергородку ложи, смотритъ безъ лорнета и зрительной трубки, и выказываетъ близку своихъ перчатокъ на бархатъ, которымъ обитъ передокъ ложи; онъ старается обратить на себя вниманіе своей *спрасти* кашлемъ; дѣлаетъ ей разные знаки; если бенуаръ близко къ сценѣ, онъ даже говоритъ съ нею и мѣшаетъ ей читать роль какъ должно. Публика не понимаетъ въ чемъ дѣло, и сердится. Несчастная жертва, нахо ясь между обоими своими повелителями, изъ которыхъ одинъ

хочетъ шутить надъ другимъ, представляетъ обоемъ неестественную, составную физиономію, и не удовлетворяетъ ни того, ни другаго; она похожа на тѣхъ несчастныхъ львовъ, которые, сидя въ клеткахъ, бѣсятся на невидимыхъ мошекъ и кажутся раздраженными безъ причины. Но, на сценѣ, фигуранты смѣются, актеры въ полголоса говорятъ другъ другу соблазнительныя замѣчанія, вовсе не принадлежащія къ ихъ ролямъ, — и нашъ гордый любовникъ старался и трудился не даромъ!

Любовники подобнаго рода не требуютъ отъ актрисъ ни таинственныхъ знаковъ со сцены, ни нѣжныхъ измѣненій голоса, ни утонченныхъ намѣковъ изъ словъ роли. Они не стараются прилежно слѣдить за исполненіемъ роли, для поддержанія таланта или духа своей любовницы, и для замѣчаній на счетъ недостатковъ ея игры. Они не знаютъ, какое счастье быть единственнымъ судьей, котораго рѣшенія актриса записываетъ въ душѣ, среди столькихъ приговоровъ, произносимыхъ столь многими другими судьями! Они желаютъ одного: чтобы во время антракта знакомая ручка, покрытая брилліантовыми перстнями, назначила имъ часъ свиданія; они соглашаются или отказываютъ, съ шумными тѣлодвиженіями, чтобы всѣ видѣли, что назначеніе свиданія относится именно къ нимъ, а не къ кому нибудь другому. Впрочемъ, такой любовникъ ни мало не заботится о томъ, что другіе глаза производятъ на его актрису взаимное впечатлѣніе; онъ не думаетъ даже о тысячѣ с учаевъ соблазна за кулисами. Анализуйте счастье этого челоуѣка: показаться въ публикѣ изящно одѣтымъ; знать, что туалетъ его пропадетъ не даромъ; чувствовать, что ему завидуютъ; наконецъ, думать, что его и слаженіе г раз о сильнѣ наслажденія, ощущаемаго другими!

Вообще люди, понимающіе, что можетъ быть прелестно въ любви актрисъ, рѣдко бываютъ ихъ любовниками. Для надлежа-

шей оцѣнки Дездемоны, мало быть франтомъ, пѣть куплетъ и курить сигару. Рѣдко вырастаютъ сильныя страсти въ атмосферѣ ужиновъ и пооекъ, а всякая театральная любовь приводитъ наконецъ къ ужинамъ и попойкамъ. Дездемона садится въ наемную карету съ Кассію, по окончаніи спектакля, часовъ въ одиннадцать; ей надобно уже вздохнуть, плачь, всѣ страстные извороты голоса; ей не хочется снова начинать ту же роль. По окончаніи спектакля, она бросаетъ и забываетъ ремесло первой любовницы. Тогда ей нужны весельчакъ, умѣющіе пѣть и любезные болтуны, снабженные порядочными ушами для принятія разныхъ сплетней, и длинными языками, для передачи язвительныхъ разсказовъ. Чемъ долѣе могутъ они хохотать, тѣмъ болѣе могутъ нравиться; актриса не хочетъ драмъ у себя дома; она такъ же мало къ нимъ привыкла, какъ и всѣ строгіе нравственнички, посѣщающіе театръ рѣдко. По этому-то актрисы часто ѣздятъ въ театръ, и смѣются или плачутъ не менѣе прочихъ зрительницъ. Актриса находитъ въ театрѣ такое удовольствіе, какъ и вы; у ней есть моменты героической любви, пока она играетъ, но она очень, очень рѣдко переноситъ ихъ въ свою домашнюю, обыкновенную жизнь.

Не надѣйтесь же возжечь сильную страсть въ актрисѣ, еще менѣе поддерживать ее на нѣкоторое время. Съ той или другой стороны, найдется дель для утѣшенія самаго жаркаго пламени. Если любовникъ принимаетъ любовь свою за что нибудь дѣльное, то всѣ увѣряютъ его, что онъ шутитъ; если актриса влюбится не на шутку, то человекъ, породившій въ ней необыкновенную любовь, не можетъ поддержать ее. Во всякомъ случаѣ, обыкновенное займетъ мѣсто чрезвычайнаго, и любовь кончится тривіальностію.

Я знаю два примѣра обоихъ родовъ любви, которые дадутъ вамъ мѣрку, по которой вы можете измѣрять всѣ театральныя страсти. Первый дастъ вамъ обра-

зецъ игры случая и любовныхъ бѣдствій.

На одномъ изъ второстепенныхъ Парижскихъ театровъ была молодая, преумная и прехорошенькая актриса, игравшая роли *кокettek*. Она играла въ водевилѣ, въ драмѣ, въ комическихъ операхъ, въ комедіяхъ. Публика чрезвычайно любила ее; а потаенныхъ обожателей было у ней черезъ чуръ много. Однако жъ, не смотря на ихъ многочисленность, актриса часто выглядывала изъ-за своихъ обожателей на другихъ искателей, и намѣревалась выбрать одного изъ нихъ. Я зналъ одного изъ этихъ искателей. Онъ былъ молодъ, занималъ видное мѣсто, отличался неподдѣльнымъ умомъ, пріятною наружностію и ненавистію къ женщинамъ вообще. Онъ искалъ страсти необыкновенной, которая сожгла, разрушила бы его; но онъ умѣлъ, могъ бы любить.

Актриса зачванилась, когда онъ началъ за нею ухаживать; замѣтивъ ее гордость, молодой человекъ бросилъ ее. Въ этотъ же театръ хаживалъ высокій мужчина, который умѣлъ только дразнить актеровъ и играть съ ними въ банкъ; впрочемъ, онъ зналъ музыку и пѣлъ довольно порядочно. Актриса влюбилась въ него. Какъ онъ обрадовался! Первая актриса! Мы думали, что восторгъ задушитъ его; но скоро увидѣли, что нѣтъ ни какой опасности. Цѣлый мѣсяць, все шло очень хорошо. Какъ онъ весель! говорила сначала актриса. — Онъ всегда весель, повторяла она черезъ нѣсколько времени. — Онъ черезъ чуръ весель, сказала она наконецъ. По самому рѣдкому капризу, эта женщина хотѣла любить разъ въ жизнь свою, стремилась всѣми силами къ этой цѣли, и никакъ не могла достигнуть до нея. Я видѣлъ, какъ она старалась ухаживать, нравиться, любить... Когда она выходила на сцену, то прежде всѣхъ взглядывала на своего красиваго пѣвуна; уходя со сцены, всегда прощалась съ нимъ незамѣтнымъ для публики жестомъ. Однажды ей надобно было стать на колѣни, и сказать:

«Люблю тебя!... Говорю это твоей тѣни! о! люблю тебя!» Она обернулась къ бенуару, въ которомъ всегда сживалъ ея возлюбленный, и проговорила ему эти слова съ такимъ выраженіемъ, что едва не упала безъ чувствъ. А что онъ дѣлалъ въ это время? Самую уморительную гримасу: приложилъ обѣ руки къ носу и вытянулъ пальцы, такъ какъ дѣлаютъ маленькіе шалуны, встрѣчая старухъ на улицахъ. Такъ случалось тысячу разъ; наконецъ она рѣшилась разстаться съ нимъ, и упрекала его за то, что всѣмъ для него жертвовала, рискуя потерять другихъ. Эта женщина, отвергнувшая дѣланго человека, подала истинной любви, а предалась шуту; и наконецъ пришла къ той же цѣли, ни мало не жалѣя о своей истинной любви.

Другой примѣръ можетъ служить доказательствомъ противнаго. Георгъ Г., поэтъ и философъ, нашелъ на сценѣ одного изъ водевильныхъ театровъ женщину, способную возбудить любовь въ человѣкъ, знакомомъ съ закулисною жизнью. Долго ждалъ онъ, долго ухаживалъ, хотя актриса не принадлежала къ числу самыхъ строгихъ добродѣтелей; наконецъ добился желаемого, и актриса полюбила его такъ же сильно, какъ онъ любилъ ее. Что прельщало его? Онъ не могъ терпѣть водевиля, а актриса была хороша только въ водевиляхъ; но она играла ихъ съ видимою скукою, которая заставляла ожидать чего-то необыкновеннаго, и Георгъ плѣнился водевилемъ, которому данъ былъ новый, невиданный цвѣтъ. Однако жъ, одно изъ условій этой любви составляло его несчастіе: ему приказано было сидѣть ежедневно въ театрѣ, и всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ бенуарѣ. Онъ долженъ былъ сносить поклоны капельдшера и принимать отъ него афишу, сложенную такъ, что можно было читать только ту піесу, въ которой играла его возлюбленная. Георгъ никогда не говорилъ ни слова о своей любви, но у ка-

пельдшеровъ, приставленныхъ къ бенуарамъ, течеть въ жилахъ Мефистофелева кровь. Сначала другъ нашъ провелъ нѣсколько несравненныхъ вечеровъ. Жизнь его и ея начиналась съ наступленіемъ вечера, и актриса умирала отъ любви, покоряясь сильному вліянію его пылкой страсти и собственной своей симпатіи. Бѣдный Жоржъ выслушалъ столько куплетовъ, что наконецъ у него на языкъ непрерывно вертѣлся какой нибудь куплетъ, а ригурнели оркестра бродили у него въ головѣ ежеминутно. Наконецъ онъ пришелъ въ негодованіе, поклялся не ходить въ театръ и сообщилъ намѣреніе свое актрисѣ, зная, что можетъ быть огорчить ее. Отгадайте, чѣмъ пожертвовала для него эта женщина, ежедневно унивавшаяся рукоплесканіями своего партера? Когда вышелъ срокъ ея контракту, она сошла со сцены и бросила свои триумфы для обыкновенной, прозаической жизни. Вотъ истинная любовь!

До этого необыкновеннаго самопожертвованія, равенство царствовало въ ихъ домѣ. Актриса владѣла сценою, Георгъ — своимъ кабинетомъ и своими занятіями. Когда театральная королева сняла свою діадему, она всею своею тяжестью упала на чело поэта, и, увѣрю васъ, что это была невыносимая тяжесть. Онъ непрерывно повторялъ актрисѣ, что еще болѣе будетъ любить ее въ уединеніи; она вѣрила ему и скрывала оскорбленія неудовлетвореннаго самолюбія. Однако жъ, иногда она жалѣла о богатыхъ нарядахъ и эффектахъ сцены, и увѣряла, что жалѣеть о нихъ единственно потому, что въ прежнее время она могла сильнѣе и удобнѣе привлекать и плѣнять Георга. Черезъ шесть мѣсяцевъ, потерявъ пуританское терпѣніе, онъ признался ей, что она казалась ему прежде гораздо прелестнѣе, и попросилъ ее спѣть какую нибудь арію. Она запѣла лучшіе свои куплеты. Тогда оба предалися восторгу воспоминаній: онъ, отъ мотивовъ, напо-

минавшихъ ему то блаженное время, когда его обожали самымъ лестнымъ образомъ; она, отъ того, что попала на знакомую дорогу, на прежнія свои радости. Черезъ недѣлю, она дебютировала на томъ же театрѣ. Георгъ поѣхалъ въ театръ, но, выходя изъ него, глубоко вздыхалъ, потому что актриса взглянула на него только одинъ разъ. Черезъ нѣсколько времени капелъдиреръ не складывалъ уже своей аэшии, потому что обычный по-

сѣтитель уже не являлся на прежнее мѣсто.

Актриса не жалѣла о немъ, но даже удивлялась, что могла въ продолженіе шести мѣсяцевъ, играть безъ скуки роль чувствительной любовницы.

Она не любила Георга, скажете вы. Ошибаетесь: она истинно любила его; я хотѣлъ только показать, что страсти въ театрѣ не продолжительны, въ нихъ не можетъ быть ни постоянства, ни даже привычки.

*Кажется все это друзья
какая картина на ре
сценахъ романовъ
театральнѣмъ моднымъ
на сценѣ кинематографа*

ГРОШЕВЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Изъ записокъ путешественника.)

Во время пребыванія моего въ Швейцаріи, я долго не могъ понять, зачѣмъ Англійскіе туристы, вписывая имена свои въ такъ называемыя «книжки путешественниковъ», всегда обозначаютъ притомъ свои Лондонскіе адреса. Къ чему бы это? думалъ я тогда. Для кого могутъ быть любопытны такія подробности? Тѣ, которые ведутъ съ этими господами переписку, безъ сомнѣнія, знаютъ куда посылать свои письма, а тѣ, которые думаютъ завести ее съ ними, навѣрное, не будутъ искать адресовъ ихъ въ Швейцарскихъ «книжкахъ путешественниковъ». На что жъ бы записывались они? — Загадку эту разрѣшилъ мнѣ одинъ Англичанинъ. «Видите ли, сказалъ онъ: отъ мѣста, гдѣ живете вы въ Лондонѣ, зависитъ для васъ очень многое: отъ него зависитъ ваша, какъ говоримъ мы, *респектабельность*. Если вы

поставите подъ вашими именемъ, напримеръ, Portman-Square, каждый, кто знаетъ Лондонъ, непременно сочтетъ васъ человекомъ съ «респектабельными» доходами, съ независимымъ состояніемъ, а следовательно и съ «респектабельнымъ характеромъ». Онъ будетъ думать о васъ такъ потому, что въ Портменъ-Скверѣ, гдѣ квартиры очень дороги и нѣтъ ни одной лавки, живутъ только люди порядочные. Но бѣда вамъ, если вы вздумаете подписать Oxford-Street: ни одинъ житель Лондона не приметъ васъ за «респектабельнаго» человека, хотя Оксфорд-Стритъ принадлежитъ къ числу лучшихъ Лондонскихъ улицъ, и только во стѣ шагахъ отъ Портменъ-Сквера. Да, именно такъ. Будьте вы себѣ богаты и пребогаты, но когда поселитесь въ Оксфорд-Стритъ, Лондонцы не дадутъ вамъ титула

«респектабельнаго», не дадутъ отъ того, что въ этой улицѣ живутъ все купцы да ремесленники. Теперь вы поняли, зачѣмъ туристы наши ищутъ свои адреса въ книгахъ путешественниковъ?» Слова эти вполне воскресли въ моей памяти, когда пришли мнѣ на мысль тѣ дешевые театры, которые называютъ въ Лондонѣ *грошевыми* (penny-theatre), и которые имѣлъ я случай знать хорошо. Бѣдные грошевые театры! Они чрезвычайно любопытны для каждаго иностранца, но такъ не «респектабельны», что въ высшемъ кругу Лондонскомъ страшно назвать квартамы, гдѣ они находятся. Говорить о нихъ тамъ, значитъ скомпрометировать себя. Но вамъ, читатель, мы не побоимся рассказать, что это за театры.

Грошевые театры находятся только въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ Лондона, въ Ratcliffe-higway, Commercial-road, Mile-end-road, St. George's in the fields, New Cut, King's cross, Paddington и т. п. Обычные посетители ихъ — люди самаго простаго званія и преимущественно дѣти. Зданія ихъ, повидимому, были выстроены совершенно для другой цѣли. Одни изъ нихъ, вѣроятно, были некогда конюшнями, а другія сараями. Вообще, судя по паружности ихъ, можно смѣло сказать, что они первоначально были «out-door-houses», т. е. строениями, предназначенными для хозяйственныхъ надобностей. И въ самой внутренности ихъ сдѣланы только необходимѣйшія перегородки. Тамъ, гдѣ стѣны не прикрыты, — а прикрыты онѣ очень экономно, торчатъ голые кирпичи; ложь, галереи и кресла вы не увидите почти ни въ одномъ изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, впрочемъ, есть перегородка, отдѣляющая мѣста для директоровъ и незанятыхъ актеровъ отъ прочихъ мѣстъ; вообще же зрители помѣщаются въ нихъ, безъ всякаго разбора, на лавкахъ, расположенныхъ въ видѣ амфитеатра. Между лавками, всегда зябеть какая-то страшная пропасть, слег-

ка прикрытая досками; лѣстница, которая ведетъ къ нимъ изъ входа, завѣшанаго какою нибудь незавидною матеріею, обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе изломана. Первая лавка находится непосредственно подлѣ сцѣны. Изъ этого, однако жъ, не слѣдуетъ, чтобы въ грошевыхъ театрахъ не было музыкантовъ. Оркестръ въ такомъ театрѣ есть почти всегда; но за то какой оркестръ! Три скрипача, и никогда болѣе! И знаете ли, гдѣ они помѣщаются? Когда погода хороша, они гудятъ за театромъ; въ противномъ же случаѣ, передъ началомъ представленія, въ театрѣ, у входа, а во время антрактовъ на самой верхней лавкѣ, или около лѣстницы. Сцена, вмѣстѣ съ пятью или шестью передними лавками, занимаетъ всю ширину зданія, но глубина ея такъ незначительна, что актеры стараются сколь возможно менѣе *распространяться* въ жесты и каки, и ходятъ по сценѣ самыми малыми шагами. Кулисы, впрочемъ, нисколько не виновны въ этомъ *стѣсненномъ положеніи*: ихъ всего на все три перегородки, и притомъ онѣ плотно ставятся по боковымъ стѣнамъ. Нѣсколько штукъ деревьевъ, намалеванныхъ на нихъ, изображаютъ лѣсъ, а два дома, по одному на каждой сторонѣ, городъ. Когда дѣйствіе должно происходить въ комнатѣ, являются двѣ вытянутыя ширмы съ двумя окнами. Вотъ и все. Остальное извольте дополнять воображеніемъ. Освѣщеніе грошевыхъ театровъ составляетъ самую благословенную симметрію со всѣмъ, описаннымъ мною. Ни въ одномъ изъ нихъ не насчиталъ я менѣе семи, и ни въ одномъ болѣе двадцати грошевыхъ свѣчъ.

И что жъ вы думаете: между этими общипанными театрами существуютъ свои аристократы и свои пашены, т. е. между ними есть *большіе* и *меньшіе* театры! Сколько же всѣхъ ихъ вообще, сказать вамъ не могу, потому что не знаю навѣрное. Одни насчитываютъ ихъ до

осмидесяти, другіе до ста. Самый малый изъ числа «большихъ», вмѣщаетъ въ себя до ста зрителей, а самый большой, находящійся въ Паддингтонѣ — до двухъ тысячъ, но сборы какъ тѣхъ, такъ и другіхъ, столь ничтожны, что директоры ихъ, не смотря на всю скудость обстановки пьесъ, разорились бы, если бь давали только по одному представленію въ вечеръ. Потому-то на каждомъ грошевомъ театрѣ дается по нѣскольку спектаклей въ одинъ и тотъ же вечеръ, и чѣмъ меньше театръ, тѣмъ ревностнѣе прилегаютъ содержатели его къ этому спасительному средству. На иныхъ бываетъ по семи представлений ежедневно. Каждое изъ нихъ, по принятымъ правиламъ, продолжается не болѣе трехъ четвертей часа, и состоитъ изъ трехъ отдѣленій: двадцати-минутной трагедіи, такой же комедіи или фарса и пяти-минутнаго пѣнія. По закрытіи завѣсы, «почтеннѣйшая публика» приглашается или выбраться, или заплатить снова по одному пенни «съ персоны». Заплатившіе этотъ вожделѣнный пенни спокойно остаются на мѣстахъ, между тѣмъ какъ прочіе зрители должны уходить сколь возможно поспѣшнѣе. И горе имъ, если они замѣшкуются! Они уже «не почтеннѣйшіе!» Кассиръ, который пренизко клавается каждому входящему, считаетъ себя въ правѣ повуждать словомъ и даже дѣломъ того изъ уходящихъ, кто остановится случайно. На большихъ грошевыхъ театрахъ дается обыкновенно по два спектакля въ вечеръ (болѣе трехъ на нихъ не бываетъ никогда), продолжающихся часа по полутора. Распределение это даетъ имъ возможность поступать съ представляемыми пьесами несравненно сострадательнѣе, чѣмъ на маленькихъ, гдѣ уродуютъ самымъ безжлостнымъ образомъ не только что либо всѣдневное, но даже Гамлета, Макбета и особенно Отелло, Шекспира. Несчастный Отелло сдѣлался любимой ихъ пьесой, быть можетъ, потому что

актеры ихъ, для исполненія роли Мавра, не считаютъ нужнымъ дѣлать какихъ либо особенныхъ расходовъ, и находятъ для того очень достаточнымъ выпачкать себя лице да руки сажею изъ первой встрѣчной трубы.

Срокъ, опредѣленный на этихъ театрахъ для представленія пьесъ, не измѣняется ни въ какомъ случаѣ. Если, на примѣръ, на одномъ изъ нихъ принято правиломъ, чтобы пяти-актная трагедія продолжалась полчаса, такъ и должна она кончиться ровно въ тридцать минутъ — ни секунды долѣе! Играется, положимъ, третье дѣйствіе, а времени до истеченія получаса остается пять минутъ: чтожь, директоръ не задумается, и просто воскликнетъ во всеуслышаніе *time up!* — (*finish the piece!* (Срокъ прошелъ! кончай!)) и пьеса кончается какъ нибудь... Случись же ей не кончиться — директоръ церемониться не станетъ: при тридцать первой минутѣ завѣса опустится немедленно. Я видѣлъ, однажды, на грошевомъ театрѣ Отелло. Шло третье дѣйствіе, какъ вдругъ раздались роковыя слова директора: *the time is up — commit the murder, and down with the curtain!* и прежде нежели успѣлъ я опомниться, Дездемона была заколота, и завѣса опустилась. Однако жъ, кстати объ Отелло, должно сказать, что Шекспировскія и другія старинныя пьесы играютъ на грошевыхъ театрахъ единственно въ случаѣ недостатка новѣйшихъ пьесъ, которыми они вообще весьма богаты. Иные изъ нихъ даютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати новинокъ въ недѣлю. Новинки эти составляютъ имъ, по большей части, ихъ собственные, домашніе драматурги, которыхъ мелкіе театры имѣютъ по одному, большіе же по два и по три. Эти господа (они вмѣстѣ съ тѣмъ и актеры), не любятъ тратить много времени надъ обработкою своихъ произведеній. Набросавъ кое-какъ самый легкій очеркъ, они, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, отдають его на

сцену. Слова для ролей въ подобныхъ пьесахъ придумываютъ тѣ артисты, которые исполняютъ ихъ; но, о названіи этихъ произведеній, авторы ихъ хлопочутъ гораздо болѣе, нежели о всемъ прочемъ, потому что о немъ заботится директоръ столько же, какъ и о томъ, чтобы пьеса кончилась въ положенный срокъ. Чѣмъ ужаснѣе или чѣмъ нелѣпѣе приберутъ они титулъ, тѣмъ лучше: посѣтители грошевыхъ театровъ, люди не слабонервные, и любятъ только необычайно страшное и уродливо-комическое. Впрочемъ, трагедія беретъ въ ихъ мнѣніи значительный перевѣсъ надъ комедіею. Драматурги знаютъ это, и угощаютъ свою публику такими ужасами, что, право, волосы становятся дыбомъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ объявленій грошевыхъ театровъ, которое сохранилось у меня въ памяти и которое передаю съ дипломатическою точностію: On Thursday next will be performed at Smith's Grand Theatre: the Red-nosed Monster, or the Tyrant of the Mountains. (Въ будущій Четвертокъ, на большомъ театрѣ Смита представлено будетъ: Красноносое чудовище, или Тирани горъ). Дѣйствующія лица: Red-nosed Monster. The Assassin (убійца). The Ruffian of the hut (Разбойникъ). The villain of the valley (Злодѣй изъ долины). wife of the red-nosed monster. Daughter of the Assassin. To conclude with the Blood-stained Handkerchief, or the murder in the cottage. The characters by the company. (Въ заключеніе спектакля дано будетъ: Окровавленный платокъ, или убійство въ загородномъ домѣ. Роли исполнять Гг. театральные артисты).

Для большаго интереса, на грошевыхъ театрахъ являются по временамъ и животныя. Конечно, слоповъ и лошадей на ихъ маленькихъ сценахъ вы не увидите, но за то собакамъ тамъ полный просторъ и я помню, что директоръ одного изъ нихъ обѣщавъ вывести въ пьесѣ даже медвѣдя. Не знаю, впрочемъ, собственноручно ли персонажъ появился этотъ медвѣдь,

или выведенъ былъ только исправляющій его должность.

Вы, безъ сомнѣнія, удивитесь, когда я скажу вамъ, что положительно дурно играютъ только на малыхъ грошевыхъ театрахъ, и что на большихъ играютъ перѣдко очень хорошо. Причина превосходства послѣднихъ самая ясная: артисты ихъ получаютъ болѣе жалованья, чѣмъ артисты первыхъ, не обязаны играть по семи разъ въ вечеръ, и слѣдовательно не имѣютъ надобности слишкомъ урѣзывать и коверкать своихъ ролей. А то, согласитесь, хоть какой актеръ собьется наконецъ рѣшительно съ толку, когда ему порой вдругъ прикажутъ перескочить изъ третьяго акта въ пятый, и изъ ревности заколоть ту, которой онъ, за минуту предъ тѣмъ, довѣрялъ безусловно и клялся съ вѣчною вѣрности. Сверхъ того, большіе театры выигрываютъ много тѣмъ, что въ группы ихъ переходятъ, при первой возможности, всѣ лучшіе артисты ихъ мелкихъ собратій, и очень часто, по разнымъ обстоятельствамъ, поступаютъ хорошіе актеры и актрисы съ *настолицкихъ* театровъ. Но, какъ большіе, такъ и малые платятъ своимъ артистамъ крайне скудное жалованье. Малые видятъ каждому и каждой изъ нихъ десять пенсовъ въ день или пять шиллинговъ въ недѣлю; большіе, четырнадцать пенсовъ въ день или семь шиллинговъ въ недѣлю. И притомъ, актеры эти весьма не часто имѣютъ какіе либо сторонніе доходы, между тѣмъ какъ должны иногда содержать жалованьемъ многочисленныя семейства. «Чѣмъ же живутъ эти бѣдные люди?» быть можетъ, спросите вы. Отвѣчать на вопросъ вашъ я не возьмусь тѣмъ болѣе, что даже въ Лондонѣ нѣкоторые не могутъ понять, чѣмъ живутъ они. Вотъ вамъ примѣръ. Одинъ мирный судья, разсматривая просьбу какого-то труженика грошеваго театра, которому долгое время не выдавали жалованья, замѣтилъ этому артисту: «Вы не

хотите, однако жъ, сказать, что десятью пенсами вы можете содержать цѣлые сутки себя, жену и пятерыхъ дѣтей?» — «Можемъ или не можемъ,» отвѣчалъ актеръ, «а должны.» — «Да это физически не возможно,» замѣтилъ сэва судья. Ваша милость,» возразилъ на это жалующійся, «извольте говорить сущую правду, но мы, бѣдняки, не знаемъ роскоши, называемой физической невозможностію.»

Кромѣ этихъ десяти или четырнадцати пенсовъ дается, кажется, каждому два бенефиса въ годъ. Костюмы доставляетъ дирекція. Но подъ словомъ костюмъ, она разумѣетъ одну *характерную* одежду, требуя, чтобы въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ нужно всадническое платье, артисты довольствовались своимъ собственнымъ костюмомъ. Обстоятельство это служитъ поводомъ къ презабавнымъ вещамъ: благодаря ему, на грошевыхъ театрахъ можно перѣдко увидать франта въ такомъ сюртукѣ, который изношенъ до послѣдней крайности, или печальную вдову въ томъ же платьѣ, въ которомъ она вѣнчалась наканунѣ. Но и съ самими костюмами бываетъ здѣсь, по большей части, не лучше. Цезарь носитъ здѣсь драгунскую саблю, Макбетъ раслаживаетъ въ треугольной шляпѣ, очень похожей на шляпу Наполеона, Ричардъ щеголяетъ въ гусарскомъ мундирѣ, а рыцари, въ случаѣ недостатка въ шлемахъ, надѣваютъ уланскія шапки.

Но есть минуты, въ которыя артисты грошевыхъ театровъ бываютъ истинно жалки. Это въ то время, когда, по ходу пьесы, они должны что либо ѣсть или пить на сценѣ. Вы не можете себѣ представить, съ какою жадностію бросаются они на блюда и бутылки, и рвутъ другъ друга — рвутъ, споря и ссорясь, чтобы вы думали? кусокъ сыра, ломоть хлѣба, бутылку пива, которые экономный режиссеръ предлагаетъ имъ вмѣсто дорогихъ кушаньевъ и шампанскаго, приготовленныхъ для нихъ щедрымъ вообра-

женіемъ автора пьесы. И съ какою жадностію поглощаютъ они потомъ свою бѣдную добычу! Въ это время, когда вполне становится понятенъ весь ужасъ и бѣдности, роли и публика для нихъ не существуютъ. Только о самихъ себѣ, только о своемъ голодѣ думаютъ они тогда. А «почтеннѣйшая» смотритъ на такія сцены съ величайшею снисходительностію; она даже ободряетъ голодныхъ артистовъ, и настоятельно требуетъ, чтобы имъ подавали не мнимыя кушанья, не пустыя бутылки, а настоящій сыръ, настоящее пиво. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобной сцены, происходившей на одномъ маленькомъ грошевомъ театрѣ и столь оригинальной, что я сначала готовъ былъ считать ее явленіемъ изъ самой пьесы.

Пьеса, послужившая поводомъ къ ней, называется: «Мать и дочь, или вотъ вамъ и жаркое!» Мать носитъ титулъ герцогини, а дочь — королевы (на грошевыхъ театрахъ, главные дѣйствующія лица всегда имѣютъ важный санъ). Содержаніе пьесы — сколько можно понять его — состоитъ въ томъ, что какой-то первый министръ крѣпко ухаживаетъ какъ за королевою, такъ и за герцогинею, и что обѣ онѣ тайнѣ любятъ его, отъ всей души ненавидя другъ друга. Въ глаза, онѣ осыпаютъ другъ друга нѣжными ласками; но за глаза, каждая изъ нихъ старается всѣми силами вредить соперницѣ въ мнѣніи перваго министра, а министръ, разгадавшій ту и другую, притворяется передъ ними страстнымъ обожателемъ, смѣясь между тѣмъ съ своею любовницею надъ матерью и дочерью. Однако жъ, это наконецъ обнаруживается: одинъ принцъ срываетъ личину съ перваго министра. Озлобленныя соперницы видѣются предателемъ въ волосы и готовятъ яа выцарапать ему глаза, но онъ увертывается и уходитъ, оставивъ въ рукахъ ихъ свой парикъ.

Въ этой пьесѣ, министръ, между прочимъ, извѣщаетъ нашихъ соперницъ, что

онъ собственноручно убилъ на охотѣ кабана, и просить позволенія прислать имъ часть своей добычи, уже въ видѣ жаркаго. «Ахъ, сдѣлайте милость,» отвѣчаетъ королева, «мы съѣдимъ его за ваше здоровье.» — «И притомъ въ дружескомъ vis-à-vis; не правда ли, возлюбленная дочь моя?» присовокупляетъ герцогиня. «О!» восклицаетъ министр, еслибъ при этой эдемской трапезѣ могъ присутствовать еще третій, онъ былъ бы счастливъ выше всякаго выраженія.» — Не угодно ли вамъ откусать вмѣстѣ съ нами? спрашиваетъ королева. Министръ благодаритъ, соглашается, и всѣ трое начинаютъ преважно толковать, что ониго лодны до нельзя. Министръ спѣшитъ за жаркимъ, королева приказываетъ накрыть столъ, на три прибора. Потомъ, мать и дочь берутъ другъ друга за руки, и уходятъ для того, чтобы — какъ говорятъ онѣ, въ ихъ общемъ будуарѣ одѣться къ обѣду. «Будуаръ» находился за деревянною перегородкою, на правой сторонѣ сцены, съ которою сообщался онъ посредствомъ двери. Въ эту-то дверь скрылись наши принцессы. Минуты двѣ на сценѣ было тихо и пусто. Но когда появился на ней тафельдекеръ, и началъ накрывать на столъ, въ будуарѣ послышался шопотъ, по временамъ столь громкій, что я могъ не только разслушать слова, которыя произносились тамъ, но даже различить голоса тѣхъ, кто произносилъ ихъ. «Да, сегодня она не получитъ ничего: я ужъ поставлю на своемъ,» сказала королева. «Но подумайте, сдѣлайте милость....» замѣтилъ министр умоляющимъ тономъ. — «Не хочу ни о чемъ думать: будетъ по моему,» гнѣвно воскликнула королева и, поспѣшно отворивъ дверь, выставила одну ногу на сцену. Могучая рука министра крѣпко схватила ее за платье, но самъ онъ не показавшись за стѣны будуара. — «Я предлагаю вамъ....» сказалъ онъ. — «Знаю я ваши предложенія» возразила королева и — по-

средствомъ собственнаго усилія, или благодаря тому, что министръ сжался наконецъ надъ ея дорогимъ платьемъ, я не знаю, — высвободилась изъ рукъ своего обожателя. Блѣдная, гнѣвная какъ озлобленная львица, величественно ходила она по узкому поместу сцены, и поность страшно скрипѣлъ подъ ея мощными стопами. «Я предлагаю вамъ....» робко сказалъ снова все еще невидимый министр, «я прошу васъ.... только сегодня уступите ей, а завтра вы получите — непременно.» — «Однажды на всегда говорю вамъ» отвѣчала королева съ энергической твердостью, «этого быть не можетъ. Да я и не вижу вовсе,» присовокупила она потомъ, болѣе кроткимъ тономъ, «почему другія должны *получать его* чаще меня.» — «Чаще! — какое безстыдство!» воскликнула въ будуарѣ герцогиня, и ринулась къ двери. Министръ хотѣлъ было заступитъ ей дорогу, но она оттолкнула его, и въ одно мгновеніе очутилась передъ королевою, лицомъ къ лицу и съ судорожно сжатыми кулаками. Глаза ея сверкали сильнымъ гнѣвомъ, и на королеву градомъ посыпались упреки. Герцогиня увѣряла, что на прошлой недѣлѣ она *получила его* только однажды, а королева — два раза, что королева никогда не бываетъ довольна своею порціею, что она рада забрать весь театральнй сборъ, и пр. и пр. Губы королевы дрожали, но она стояла молча, и только въ ту минуту, когда потокъ упрековъ уставшей герцогини прервался на мигъ, возгласила, гордо поднявъ голову: «Миссъ, вы очень хорошо знаете, что говорите не правду.» — «Я говорю правду, сударыня,» подхватила герцогиня, «you starvation-like g' ooman.» — «Стыдно и говорить-то съ вами, — you good-for-nothing individual;» возразила королева.

Сначала, какъ и выше замѣчено, считалъ я эту сцену принадлежностью пьесы, однимъ изъ тѣхъ явленій, въ которыхъ актеры возвѣщаютъ свой выходъ

громкимъ разговоромъ за кулисами. Скоро, однако жъ, я понялъ, что она не входитъ въ составъ пьесы, а просто импровизована нашими героинями, которыя, какъ нельзя серіознѣе, ссорятся за ожидаемый ими кусокъ жареной свинины. Ссора эта шла все живѣе и живѣе. Первый министр выставилъ было голову изъ-за двери, но герцогиня поспѣшно пошла къ нему и сдѣлала движеніе столь выразительное, что онъ скрылся немедленно. Послѣ этого эпизода, надежда на примиреніе исчезла тѣмъ болѣе, что даже смиренный тафельдекеръ, находившійся въ то время на сценѣ, повидимому очень забавлялся ссорой, и инсколько не помышлялъ о ея прекращеніи. Мнѣ стало какъ-то страшно, когда я подумалъ о той минутѣ, въ которую долженъ былъ появиться самый предметъ раздора матери и дочери. Если одна мысль объ этомъ жаркомъ такъ сильно волнуетъ страсти, то что же произойдетъ, когда до враждующихъ долетитъ его соблазнительный запахъ? А положеніе актрисъ не предвѣщало ничего добраго. Онѣ уже не перебравивались: на сценѣ царствовало зловѣщее молчаніе. Королева стояла выставивъ правую ногу впередъ и опершись правою рукою на спинку стула, между тѣмъ какъ лѣвая рука ея была крѣпко сжата. Герцогиня, скрестивъ руки на груди, ходила скорыми шагами по діagonalи сцены. Наконецъ, близъ того мѣста, гдѣ нахонлся тафельдекеръ, не много приподнялась завѣса, и изъ за кулисъ выставилась рука съ блюдомъ, на которомъ покоилось спорное жаркое, въ видѣ котлетки; тафельдекеръ принялъ блюдо, но не передавая его *по принадлежности*, взялъ котлетку безъ церемоніи пальцами и, съ явнымъ предательствомъ, понесъ ко рту. Онъ сдѣлалъ все это очень проворно, но герцогиня была еще проворнѣе. Сильный ударъ костляваго кулака ея немедленно отправили котлетку снова на блюдо, и прекраснорѣчиво напомнилъ испу-

ганному тафельдекерю о его долгѣ и званіи: блюдо было поставлено на столъ.

Герцогиня подошла къ столу; королева схватила всѣ ножи и вилки. Мать и дочь взглянули другъ на друга; уменя пробѣжала дрожь по всѣмъ членамъ. Вдругъ, въ эту минуту, на одной изъ верхнихъ лавокъ сказалъ кто-то: «Да за чѣмъ вы не раздѣлите пополамъ?» И вслѣдъ за тѣмъ воскликнулъ одинъ сидѣвшій близъ меня мальчикъ: «Конечно тогда бы вы поравнялись.» Предложеніе это, видно, заставило театральное начальство пенять всю великость угрожавшей опасности, потому что тогда же появился на сценѣ режиссеръ, и, ставъ между соперницами, сказалъ ласково: «Право, милушки, раздѣлите, да и концы въ воду.» — «Ну, хорошо: на этотъ разъ я согласна,» отвѣчала королева, подумавъ съ минутою, и, съ видомъ величайшаго снисхожденія, разрѣзала котлетку на двѣ равныя части. Герцогиня молча согласилась на раздѣлъ, и дамы наши думали было начать кушать стоя, какъ вдругъ изъ-за перегородки послышался плачь ребенка, и долетѣли до зрителей слѣдующія слова: пожалуйте сюда, г-жа Юнксъ, (*) поскорѣе пожалуйте: Любелла проситъ груди. Закупленный призывъ относился къ королевѣ, и королева, или лучше сказать, мистриссъ Юнксъ, для долга матери, забыла свой сценическій долгъ, но не забыла жаркаго: блюдо и котлетку она взяла съ собою. Герцогиня осталась ни-съ чѣмъ.

Очеркъ этотъ можетъ служить доказательствомъ той дружеской короткости, которая существуетъ между артистами и публикою грошевыхъ театровъ. Другихъ примѣровъ, болѣе сильныхъ, я приводить не буду, и скажу только, что они напоминаютъ мнѣ объ одномъ бѣдномъ Нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ мож-

(*) Junks.

но было за четыре гроша купить себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ и въ придачу — право говорить съ актерами во время представленія. Впрочемъ, актеры этой страствующей труппы вовсе не были обязаны вступать въ разговоръ съ публикою, между тѣмъ какъ артисты грошевыхъ театровъ должны отвѣчать на каждый вопросъ зрителя. Отъ этого у нихъ, каждый вечеръ, происходили то краткіе, то довольно долгіе переговоры съ публикою, восхищающіе «почтеннѣйшую» и нерѣдко, въ самомъ дѣлѣ, очень забавные. Жаль, однако жъ, весьма жаль, что грошевые театры посѣщаются столь охотно дѣтьми. Вліяніе ихъ истинно пагубно для нравственности маленькихъ любителей. Цѣлыя тысячи дѣтей находятъ въ пьесахъ ихъ отвратительнѣйшія картины порока, и притомъ такъ страстно любить ихъ представленія, что крадутъ разныя вещи и продаютъ для того, чтобы

на вырученные деньги купить билетъ, хоть на одинъ спектакль.

Въ послѣднее время, число грошевыхъ театровъ значительно увеличилось. Но это еще не есть доказательство прибылн подобныхъ заведеній. Бѣдь деньги собираютъ они пенсами, а расходуютъ шиллингами — если даже не фунтами стерлинговъ! Да и сколько должны они дѣлать издержекъ! Плата актерамъ, плата музыкантамъ (по шести пенсовъ каждому въ день), расходы на освѣщеніе, которые всякій вечеръ простираются отъ 6 до 20 шиллинговъ, расходы на гардеробъ, на кулисы, взносъ городскихъ сборовъ и, наконецъ, бездна разныхъ мелкихъ издержекъ, все это, вмѣстѣ взятое, должно составлять не маловажную сумму. Впрочемъ, подробности финансовыхъ оборотовъ сихъ мнѣ извѣстны, и потому объ этомъ предметѣ я распространяться болѣе не буду.

МОЛЕРЪ И ЕГО КЛЮЧНИЦА.

Это было въ Декабрѣ 1664 года. На часахъ только что пробило четыре пополудни, а уже было темно, какъ ночью. Холодный, мелкій дождь, перемѣшанный съ градомъ, дѣлалъ еще печальнѣе видъ улицъ, которыя, благодаря оттепели, покрылись ручейками, грязью и льдистымъ черепомъ. Сырость проникла всюду и заставляла зябнуть даже въ комнатахъ, новидимому, совершенно защищенныхъ отъ холода. Въ это-то время возвратился домой одинъ высокій, блѣдный мужчина, и, тотчасъ по приходѣ, спросилъ у сво-

ей старой ключницы: «Развела ли ты огонь, Лафоре?»

Добрая старушка немедленно принялась раздувать уголья, тлѣвшія въ каминѣ, и пламя вспыхнуло въ немъ весело, а господинъ ея, между тѣмъ, снялъ съ себя широкій плащъ и огромный, безобразный парикъ. Потомъ онъ надѣлъ небольшую шапочку, чернѣй бархатный халатъ, усѣлся въ большое кресло, и поставилъ ноги на рѣшетку камина.

Расположившись такимъ образомъ, онъ вполне предавался пріятному чувству, ко-

торое пробудилось въ немъ, когда животворная теплота согрѣла его члены; чело его прояснилось, глаза засіяли необычайнымъ блескомъ. Вскорѣ, однако жъ, это счастливое расположеніе духа исчезло, уступивъ мѣсто глубокому унынію; при красноватомъ свѣтѣ, который по временамъ бросало на него пламя, можно было видѣть, что лице его выражало какую-то тяжкую печаль, а на устахъ блуждала горькая усмѣшка.

Вдругъ ключница его вошла въ комнату, и извѣстила, что кто-то проситъ позволенія видѣть его.

«Я желалъ бы сегодня быть одинъ, Лафоре; мнѣ нездоровится, мнѣ грустно.» — «Ваша милость слишкомъ много пишете! Вы всю кровь себѣ перепортили. Я ужъ не разъ говорила вамъ это, да и господинъ Монвиленъ говорилъ вамъ то же самое. Только, ваша милость, не изволили слушаться ни меня, ни другихъ.... Стало, прикажете сказать молодому господину, чтобы онъ пришелъ въ другое время?» — «Скажи.» — «Но этотъ бѣдный молодой человѣкъ приходитъ ужъ не впервые.... Вѣдь сама я ему сказала: сдѣлайте милость, пожалуйте къ намъ въ четыре часа, и если пожалуете, то навѣрное застанете барина: онъ, видите, всегда бываетъ въ пятомъ часу дома, вѣтъ дни, когда не играетъ въ театрѣ.... а сегодня вѣдь не играютъ.... Но ужъ если теперь нельзя, такъ онъ прійдетъ завтра.» — «Тебѣ, кажется, очень понравился этотъ молодой человѣкъ, Лафоре?» — «И конечно, понравился: онъ такой нарядный, такой тихенькій, да такой. знаете, не веселый! «А что, господинъ Покемень де Молиеръ у себя? Могу ли я имѣть честь видѣть его? Не потрудитесь ли вы, сударыня, спросить у него, угодно ли будетъ ему принять меня?» Вотъ вѣдь какъ онъ спрашиваетъ всегда о васъ.... и когда спрашиваетъ, голосочекъ такъ и дрожитъ у него, видно со страха, а глазки дѣлаютъ прежалостли-

вые.... Онъ вамъ полюбится съ перваго взгляда.» — «Ну, ну, хорошо: введи сюда твоего фаворита.»

Старушка не ошиблась: молодой человѣкъ подошелъ къ Молиеру съ такою скромностію, съ такою граціозною стыдливостію, что больной принялъ его гораздо ласковѣе, чѣмъ принимаютъ обыкновенно людей незнакомыхъ.

— Фамилія моя — Расинъ, робко прошепталъ молодой человѣкъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы удостоили меня со-вѣтомъ.... Я, извольте видѣть, написалъ героическую піесу.

— Опасное поприще избрали вы себѣ, грустно отвѣчалъ Молиеръ, очень опасное! И если васъ не влечетъ къ нему призваніе всемогущее, непреодолимое, покиньте его, покиньте для какого нибудь другаго пути.

Пораженный этимъ вступленіемъ, Расинъ не отвѣчалъ ни слова, а Молиеръ снова погрузился въ свои мрачныя думы.

— Мнѣ бываетъ невыразимо тяжело, сказалъ наконецъ Молиеръ, когда я вижу, что какой нибудь молодой человѣкъ, богатый надеждами и воображеніемъ, мѣняетъ радости своей юности, мѣняетъ свою веселость, свою безпечную улыбку, свое тихое семейное счастье на всегдшнія безпокойства и огорченія, которыя готовятъ ему драматическое поприще. О, эта чаша славы — чаша страданія! Всю жизнь отравляетъ она.... И вамъ надобно будетъ испить ее, в вамъ суждено будетъ сдѣлаться жертвою клеветы, преслѣдованій, завистливой ненависти и, стать можетъ, даже бѣдности!

Онъ склонился головою на руку, по щекамъ его текли слезы.

— Но, прошу васъ, простите меня, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту: я слишкомъ увлекся моими печальными воспоминаніями.... Какъ называется ваша піеса?

— Феагенъ и Хариклея, отвѣчалъ Ра-

снѣ. Она со мною... Если вы позволите, я прочту вамъ нѣсколько стиховъ....

Когда Расинъ окончилъ чтеніе, Мольеръ, приподнялся съ своего кресла, и сказалъ, схвативъ молодаго человѣка за руку:

Вы будете великимъ поэтомъ, сынъ мой! Пьеса ваша можетъ имѣть на сценѣ такой успѣхъ, которымъ удовольствовались бы очень многіе. Но я не хочу, чтобъ вы ограничились имъ: дебютъ вашъ долженъ быть блистателенъ. Спрячьте же вашего Оеагена, и напишите другую трагедію. Театръ мой открытъ для васъ..... Между тѣмъ, я хорошо знаю, что Покрена не Пактоль и что, при недостаткѣ въ деньгахъ, нельзя написать ничего хорошаго. А потому, прошу васъ, примите эти сто лундоровъ....

— Богъ мой! Какое великодушіе! Благодарность моя....

— Благодарить вамъ меня не за что. Я оказываю вамъ эту услугу въ отплату за одолженіе, которое было сдѣлано въ то время, когда я начиналъ писать. Я не въ займы вамъ даю, а уплачиваю мой старинный долгъ. Но, сдѣлайте мнѣ милость, примитесь поскорѣе за работу и принесите мнѣ новую трагедію. Римскимъ міромъ завладѣлъ старикъ Корнель. Подумайте о Грекахъ: Софокль и Эврипидъ образцы превосходные. Однако жъ, вы только изучайте этихъ поэтовъ, а не подражайте имъ рабски. Подражать должно одной природѣ!

— О, благодарю, благодарю васъ, благодѣтель мой!

Молодой человѣкъ плакалъ и осыпалъ поцѣлуями руки Мольера.

— Успокойтесь же, мой другъ, и протямся: теперь уже поздно, а я нездоровъ. Вы видите, Г-жа Лафоре уже въ другой разъ щечетъ мнѣ на ухо, что мнѣ пора ложиться. Прощайте. Не забудьте, что для васъ я всегда дома, и что къ обѣду вы всегда желанный гость мой.

— О, воскликнулъ Расинъ уходя, ни-

когда, никогда не заплачу я неблагодарностию за ваши благодѣянія.

— Дай Богъ, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе, сказалъ Мольеръ, и не поступилъ, какъ всѣ другіе.

.....Спустия недѣлю, Г-жа Лафоре спросила у своего господина: «Ваша милость, прикажете ли сегодня поставить приборъ для господина Расина? Вотъ ужъ семь дней я ставлю его по напрасну.» Въ знакъ отвѣта, Мольеръ отрицательно покачалъ головою.

— Видно Господинъ Расинъ болѣвъ?

— Ради самаго Господа, Лафоре, не произноси никогда имени его въ моемъ присутствіи. Неблагодарный!

Г-жа Лафоре уронила изъ рукъ корзинку съ серебряною посудюю.

— Онъ, неблагодарный! Царь ты мой небесный! Кому же можно послѣ этого вѣрить?

— Да, Лафоре, онъ поступилъ со мною не благодарно. Видишь ли: я теперь уже не нуженъ ему. Онъ отдалъ свою пьесу въ Театръ Бургундскаго Дворца, потому что тамъ дали ему нѣсколько лишнихъ лундоровъ. Да если бъ еще только это было! А то онъ написалъ на меня ѣдкую эпиграмму, и вотъ теперь — теперь прошелъ мимо меня, не взявшись за шляпу. Ты знаешь, Лафоре, какъ я обласкалъ его, какъ я любилъ его. Но пусть будетъ, что будетъ: эгонстомъ я все таки не сдѣлаюсь.

— Господинъ Расинъ, Господинъ Расинъ такъ поступилъ? Или, Господи, нѣтъ уже на свѣтѣ ни благодарности, ни добродѣтели? Хотя бы онъ прислалъ назадъ тѣ прекрасныя сорочки, которыя вы дали ему! Вѣдь онѣ были совсѣмъ новенькія!... Но кто это такъ стучитъ въ дверь? Э, какой-то нищій! Богъ подастъ, голубчикъ, ступай.

— Не сюда ли вошелъ одинъ высокій, блѣдный господинъ? спросилъ нищій. Да, точно сюда: это онъ сидитъ въ горни-

цѣ... Ваша милость подали мнѣ милостыню?

— Да! Ну, такъ что жъ?

— То, сударь, что вы, зная, по ошибкѣ бросили мнѣ въ шляпу двойной лунддоръ, такъ я и принесъ его вамъ назадъ.

— Прошу покорно: вотъ куда забралась честность!

Ищій видимо оскорбился этими словами.

— Прости, прости меня рѣдкая, благородная душа! Ты возвратилъ мнѣ святую вѣру въ добродѣтель.... Возьми свой лунддоръ: онъ еще недостаточная награда за твой поступокъ.

Бѣднякъ ушелъ.

— Честный человекъ! воскликнулъ Молиеръ.

«Что жъ бы это значило такое? подхватила Г-жа Лафоре. Пусть же попробуютъ прийти еще какіе молодые люди, да попросятъ всякихъ милостей и сорочекъ, ужъ я ихъ отдаю по своей!»

— «Сгало быть, ты теперь не намѣрена никого принимать подъ свое покровительство? Не будешь никого впускать ко мнѣ, когда мнѣ нездоровится?»

«Никого, совершенно никого! Но кто же опять стучитъ въ дверь?... А, это господинъ Баронъ!»

— Здравствуйте, батюшка, сказалъ Баронъ (*), входя въ комнату; здравствуйте, Лафоре. Я только что былъ свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища, другъ мой. Одинъ бѣдный актеръ — его зовутъ Мондоржъ, сидитъ просто безъ куска хлѣба.

— Мондоржъ! воскликнулъ Молиеръ. Онъ нѣкогда былъ моимъ товарищемъ. Сколько вѣжливо дать ему, Баронъ?

— Лундора четыре, думаю я.

— Дай ему четыре лундора отъ меня, и вотъ эти двадцать отъ своего имени. Щедрость приличнѣе молодости, чѣмъ старости. А ты, Лафоре, пошли ему мой бархатный кафтанъ, вышитый золотомъ: я не потеряю, чтобы мой старый товарищъ сносилъ нужду.

— Ахъ, ваша милость, сказала Лафоре тономъ, въ которомъ замѣтно было и неудовольствіе и радость. Вы настоящий эгоистъ! Зная, ужъ вы никогда не перемѣнитесь.

— Да, не перемѣнюсь! Если есть неблагодарные люди, такъ есть и вѣрные, испытанные друзья. Не правда ли, Баронъ?

Баронъ схватилъ руку Молиера и благоговѣнно прижалъ ее къ устамъ своимъ.

Спустя годъ послѣ того, онъ сдѣлался искреннимъ другомъ жены Молиера.

(*) Знаменитый актеръ Баронъ былъ переименованъ Молиера.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ТЕАТРЪ.

С. Петербургъ, 14-го Января.

Александрійскій Театръ, въ теченіе первой половины сего мѣсяца, не богатъ былъ новостями, а потому и хроника наша будетъ очень невелика.

3-го Января, представленъ, въ первый разъ по возобновленіи, водевиль Князя А. А. Шаховскаго: *Пурсизякъ Фалелея* или *Рохузъ въ новомъ видѣ*. Этотъ водевиль не болѣе какъ святочный фарсъ, но фарсъ, написанный умнымъ человекомъ, а потому и возобновленіе его на Петербургской сценѣ есть дѣло не лишнее. Для тѣхъ, кто не знаетъ этого водевиля, мы расскажем его содержаніе.

У Гусарскаго Полковника Суражева есть дочь, которую онъ хочетъ отдать за Хрустилина, сына его стариннаго друга, и въ которую влюбленъ Адъютантъ Аглаевъ. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Фитюлькина, гдѣ находится Штабъ-Квартира. Сынъ Суражева и всѣ его пріатели, гусарскіе офицеры, воображаютъ, что женихъ любушки есть какой нибудь неуклюжій провинціалъ, и уговариваются подтрунить надъ нимъ, сыграть съ нимъ комедію, сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ Пурсоньяка или Рохуса Пумперникеля, или по-просту Фалелея, что, по словамъ пѣссы, значить одно и то же. Такъ

какъ дѣло происходитъ на святкахъ, то они пользуются этимъ временемъ, чтобы въ маскарадныхъ костюмахъ одурачить Хрустилина.

Пріѣзжаетъ Хрустилинъ, гусаръ и адъютантъ. Первое лицо, какое попадаетъ ему въ домѣ, это болтунья горничная, которая, никакъ не воображая, чтобы Хрустилинъ былъ женихъ любушки, рассказываетъ ему про всѣ затѣи молодежи. Хрустилинъ, во время предувѣдомленія, собирается самъ проучить проказниковъ и одѣвается толстымъ, неуклюжимъ провинціаломъ (само собой разумѣется, роль эту играетъ Г. Самойловъ). Проказы начинаются съ того, что Фитюлькинъ, хозяинъ дома и предметъ всѣхъ забавъ и шалостей молодежи, хочетъ увѣрить Хрустилина, что онъ знакомъ съ нимъ, и что даже разъ далъ ему пощечину; Хрустилинъ отъ этого не отпирается, но говорить только, что отецъ его настоятельно требовалъ отыскать наглеца, который осмѣлился оскорбить такимъ образомъ честь его фамиліи, и обрубить ему носъ и уши, а потому — прибавляетъ Хрустилинъ, обращаясь къ Фитюлькину, я очень радъ, что нашелъ тебя, и вызываетъ его на дуэль. Слѣдуетъ забавная сцена дуэли и трусости Фитюлькина: является жена

Фитюлькина, которая также въ заговорѣ противъ Хрустилина; она съ нахальствомъ бросается къ нему на шею, какъ къ старому другу и похитителю сердца; Хрустилинъ и отъ этого не прочь, и узнавъ прежде отъ горничной, что Фитюлькинъ человекъ ревнивый, и что онъ сильно подозреваетъ жену свою въ связи — во время оно, съ неизвѣстнымъ молодымъ человекомъ, съ которымъ видѣли жену его вдвоемъ, за городомъ, Хрустилинъ рассказываетъ всѣ подробности этой загородной прогулки, которую, будто бы, совершилъ онъ съ женой Фитюлькина. Новая забавная сцена отчаянія Фитюлькиныхъ, мужа отъ ревности, жены отъ стыда, который она на себя накликала. Короче, такія продѣлки повторяются еще, а въ это время Хрустилинъ успѣваетъ познакомиться съ своей суженой, полюбить ее и понравиться ей. Съ окончаніемъ мистификаціи оканчивается пьеса, довольно позабавившая публику, благодаря прекрасной игрѣ Г. Мартынова.

7-го Января былъ бенефисъ Г. Брянскаго. Г. Брянскій выбралъ на этотъ разъ старую пьесу, *Эсмемальду*, въ которой роль Квазимодо есть самая лучшая роль во всемъ амплуа Г. Брянскаго. Послѣ *Эсмемальды* шелъ въ первый разъ *водвилъ Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкина*, неудачная поддѣлка подъ прекрасную пьесу Д. Т. Ленскаго.

Левъ Гурычъ женатъ на второй женѣ (первая жена его, какъ вы помните, была *Никитишна*). Онъ актеръ на провинціальномъ театрѣ; настаетъ день его бенефиса, въ которомъ хочетъ онъ выпустить на сцену, для перваго дебюта, дочь свою Лизу. Но зависть, которая есть такъ же на провинціальныхъ театрахъ, какъ и на столичныхъ, зависть заставляетъ танцовщицу Зефирину строить ковы молодой дебютанткѣ, и она, отказавшись, за болѣзнію, лично участвовать въ бенефисѣ Синичкина, успѣваетъ склонить къ тому же трагика Громогласова и пѣвца Медо-

ва, безъ которыхъ бенефисъ Синичкина никакъ итти не можетъ. Синичкину предстоитъ трудная задача — склонить упрямыхъ актеровъ и заставить ихъ играть въ своемъ бенефисѣ; но онъ малый сметливый, и хорошо знаетъ сердце человеческое. Прежде всѣхъ онъ идетъ къ трагика Громогласову (роль эту чрезвычайно вѣрно и натурально играетъ Г. Толченевъ 1-й), и разсыпаясь передъ нимъ въ похвалахъ его дарованію, называя его Тальмой и Каратыгинимъ, лестію успѣваетъ задѣть его самолюбіе, и тотъ даетъ слово играть.

Синичкинъ отправляется къ пѣвцу: того успѣваетъ онъ склонить на свою сторону другимъ способомъ: онъ, по видимому, радуется, что Медовъ не можетъ играть въ его бенефисѣ, потому что мѣсто его займетъ его соперникъ, о которомъ, будто бы, очень хлопочутъ сильные покровители, такъ, что въ театрѣ составила уже цѣлая партія, чтобъ поддержать новаго пѣвца и уронить Медова. Зависть и здѣсь взяла свое, и Медовъ, не только что соглашается, но требуетъ, чтобъ ему, а никому другому отдана была назначенная въ пьесѣ роль. Синичкинъ и здѣсь торжествуетъ.

Остается побѣдить послѣднее препятствіе — танцовщицу. Онъ отправляется къ ней и дѣйствуетъ на нее не однимъ средствомъ, а многими, всѣми вмѣстѣ; онъ то разсыпается въ похвалахъ ся таланту, то увѣряетъ въ безпредѣльной любви своей къ ней, то обращается къ ея сердцу, нѣжному и доброму, и наконецъ, что дѣйствуетъ сильнѣе всего, открывъ въ домѣ этой танцовщицы обожателей ея, стараго Барона Коха и глупаго Князя Евтринскаго, онъ сводитъ ихъ вмѣстѣ, заводитъ между ними ссору и примиряетъ ихъ вновь. Танцовщица побѣждена.

До сихъ поръ, за исключеніемъ куплетовъ, нелѣпыхъ и даже безсмысленныхъ, все было бы очень хорошо, особенно ко-

гда бы этотъ сюжетъ достался въ хорошія руки. Но пятый яктъ или картина, какъ сказано на афишѣ, высочайшій вздоръ и недѣльность. Богъ знаетъ почему ни одинъ изъ трехъ, то есть ни танцовщица, ни трагикъ, ни пѣвецъ, не хотѣтъ играть, у Спичкина отнимаютъ бенефисъ, онъ хочетъ взять бенефисъ на- сильно, выводить свою дочь и жену, которая, въ подраженіе Спичкину Д. Т. Ленскаго, сходить въ оркестръ, какъ Лиза, вретъ всякій вздоръ передъ публикой, поетъ съ женой своей Русскую пѣсню, и пр. и пр. Въ это время кто-то

кричитъ ему изъ райка: *Отдай назадъ мой двугривенный!* Спичкинъ, разкланивается, поетъ куплетъ къ публикѣ, и съ послѣдними словами, обращенными къ громогласному витязю Райка: *Ты свой двугривенный получишь, піеса оканчивается.* Все это страхъ какъ напоминаетъ старинный водевилъ: *Бенефициантъ.*

О дѣятельности нашихъ артистовъ и ихъ успѣхахъ поговоримъ въ пространной статьѣ, когда наберется болѣе матеріаловъ.

РЕПЕРТУАРЪ.

ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ И ТРУДОВЪ
ФРАНЦУЗСКИХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ АВТОРОВЪ
И КОМПОЗИТОРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Королевская Академія Музыки. Карманьола, оп. 2 д.; Фрейшницъ, оп. 3 д.; Гизелла или Вилли, пантомимный балетъ; Люнель и Фоскарн, лирическая сцена; Кипрская Королева, оп. 5 д.

Французскій Театръ. Второй мужъ, к. 2 д. въ стихахъ; Совѣтникъ - Докладчикъ, к. 3 д. въ прозѣ; Гладіаторъ, тр. 5 д. Королевскій дубъ, к. 3 д. въ стихахъ; Покровительница, к. 1 д. Бракъ при Лудовикѣ XV, к. 5 д. Претендентка, к. 5 д. Валліа, тр. 5 д. Арбогастъ, тр. 5 д. Цѣпь, к. 5 д.

Комическая Опера. Гитаристъ, оп. 3 д. Алмазный вѣнецъ, оп. 3 д. Повѣшенный, оп. 1 д.; Простодушная (l'Ingenue), оп. 1 д.; Маска, оп. 1 д.; Два вора, оп. 1 д.; Братъ и мужъ, оп. 1 д.; Пра-бабушка, оп. 1 д.; Желѣзная рука

оп. 3 д.; Юность Карла V, оп. 2 д.; Дѣвица де Меранжъ, оп. 1 д.

Италіанскій Театръ. Beatrice di Tenda; Il Turco in Italia; Весталка.

Одеонъ. Акціонеръ, прол. въ стихахъ; Мать Люкъ, др. 5 д.; Молодой чело-вѣкъ, др. 3 д.; Любовь и благоразуміе, к. 1 д., въ стихахъ; Приключеніе Сентъ Фуа, к. 1 д.; Клара Шапозе, др. 1 д.; въ стихахъ; Бѣлые (Les Enfants blancs), др. 3 д.; Жизнь актера, к. 4 д.; Clerge à Paris, к. 1 д., въ стихахъ; Іоаннъ, В. К. Россійскій и вѣсколько возобновленныхъ піесъ стариннаго репертуара.

Театръ Возрожденія. Жемчужная Фея, (Fée aux perles) в.; Праздникъ дураковъ (Fête de Fous), др.; Миръ или война, к.; Дочь обойщика, в.; Захарія, др.; Тестъ, в.; Урокъ молодымъ дѣвушкамъ, др.

Театръ Гимназиі. Аббать волокита, Златой Тѣлецъ, Тиранъ жены своей, Три львицы, Тиридатъ, Рекрутъ VIII года Французской Республики, Амелія или невѣстка, Адриенна или Театръ и семейство. Добрый Геній, Капиталистъ Фанъ Брукъ, Мужъ на старинный ладъ, Калистъ, Пожилая вдова, Парижскія Фей, Штильбергскія красавицы, водевилл.

Театръ Водевильей. — Tailleur de la Cité. Старинная любовь, Ночь въ сераль, Путешественникъ и путешественница (un Monsieur et une Dame), Племянникъ Колпачника, Ея Pénitence, Хорошенькая плясунья, Все кончилось благополучно, Хористъ Флоридоръ, Они квиты между собою (Manche à manche), Золотая метла, Поттишонъ, Три звѣздочки, Призваніе, Уголовный преступникъ, Вѣрное средство, Чудовище женщина, Похищеніе Сабинянокъ, Трое въ корзинѣ, Зизница, Слепой и его палка, Парижская простодушная дѣвушка (l'Ingénue de Paris), Для моего сына, Dérivatif, водевилл.

Сверхъ того: Буду актеромъ (подъ названіемъ Дебютанта), Водевильистъ и les Chevilles de maître Adam, игранныя на другихъ театрахъ.

Театръ Разнообразія. — Гостеприимство, Дѣдушка Марсель, Des ente de la Courtille, Bombés, Послушникъ, Мужъ своей кухарки, Школьный учитель, Старый другъ, За 15 минутъ до полудня, Des Dames au Violon, Г-жа де Валансе, Сборъ глупостей, Неутѣшная, Дѣдушка Тренкфоръ, Анжели, Ювъ и Иванъ, Эндиміонъ, Владѣлецъ Бодрикурскій, Пчелы, Люсіена, Feu Péterskott, Легко-Конный Полкъ Королевы (Chevaux-légers de la Reine), водевилл.

Сверхъ того: Баронъ Фельстеймъ и Г. Боттъ, игранныя на Театрѣ Водевильей.

Пале-Рояльскій Театръ. Г-жа де Крустиньякъ, Дѣвица Молтансье, Г-жа Камюсъ, Pénitens blancs, Туран de café, Отпускъ на десять часовъ, Двѣ свадьбы, Maitresse de Poste, Экономія Г. Кабоша-

ра, Дѣвица Салле, Сестра Жокриса, Лукреція, Пріятель мой Пьеро, Дурной глазъ, Вили, Капраль и его землячка, Виконтъ де Леторьеръ, водевилл.

Сверхъ того: Модистка Занета, в., представленный на театрѣ Гимназиі, подъ названіемъ: Посланикъ.

Театръ Веселости. — Фениксъ, в., Glâce de Diel, в.; Парижскіе нищія, др.; Г. Мезьеръ, в.; Мать дебютантки, в.; Понтоны, др.; Бенедиктъ, или два двоюродныхъ брата; Хористъ, в.; Лавуазень, др.

Театръ Ambigu. Пробужденіе Ambigu, Прологъ съ куплетами; Жакъ-Кёръ, др.; Гаданье, в.; Послушникъ Фабій, др.; Гроза забіякъ, в; Ванны, в.; Волчья яма (Piège à loup), в.; Викторень де Морбиганъ, в.; Лекопба, др.; Итомцы гвардіи, в.; Навель и Виргинія, в.; Regaillette; Новичокъ и драгунъ, в.; Фельетонъ в.

Театръ Сенг-Март. Воронъ Лондонскій мальчишка (Le Gamin de Londres), в.; Полина, др.; Андалузка, бал.; Кукушка, в.; Jou s gras aux Enfers, бал.; Парикмахеръ Наполеона, др.; Г. Грибулье, в.; Tarfadets, бал.; Два слесара, др.; Бокерская ярмарка, бал.; Габрина, др.; Престо, или лакей безъ мѣста, к. въ стихахъ; Убийца изъ челолюбія, бал.; Любовь и Арметика, в.; Первый дебютъ Картуша, в.; Жанникъ Бретаецъ, др.; Сновидѣніе Пигмалиона, б.; 1841 и 1941. г., или Нынѣ и черезъ сто лѣтъ, в.

Сверхъ того: Двое кривыхъ, в., представленный на Пале-Рояльскомъ Театрѣ; Рюи-Бла и Изгнанникъ, др., представленныя на Театрѣ Возрожденія; Говорунъ, игранный въ т. Лувуа, и Корсеръ Поль, др., игранная въ Пантеонѣ.

Циркъ. — Последнее желаніе Наполеона, др.; Цыганка, или Французы въ Испаніи, др.; Г. Дюгивьонъ, пан. б., Мюратъ, др.; Г. Моренъ, в.

Театръ драматическихъ шалостей, Двѣ сестры,; др. Dette à la Bamboche.

Невольница, Столяръ Андрей, Заговорщикъ Озакуа, Фіакръ, Вдова всей большой арміи, Львиная помада, Boulevard du Crime, Пажи и Золотошвейка, Moulin de la Galette, Любовь Психей, Кошка привратницы, Молокососы, Веніаминъ — Заячье сердце, Судъ Париса, водевилъ.

Сверхъ того: Луарскій солдатъ (возобновленіе).

Teatpъ Choiseul. — Сынъ колпачника, Динета, Сердце ремесленника, Грозные (Enfans Terribles), Женевьева Брабантская, Младенчество Карла VIII, Утки, Красная шляпа, Отецъ ремесленника, водевилъ.

Пантеонъ — Первая и послѣдняя любовь, к.; Игра въ Домино, в.; Это моя компаня, в.; Микромегасъ, в.; Любовный Элексиръ, в.; Гассанъ или мщеніе, др.; Звѣзда Пантеона, в.; Дѣвушка въ синихъ чулкахъ, в.; Химическія зажигающія спички, в.; Loustic, в.; Бочаръ Жордикъ, в.; Бракъ — союзъ прелестный, в.; Смоленскъ, в.; Бурная ночь, в.; Семейная жизнь, в.; Любовь на кровль, в.; Пять чувствъ, в.; Гризетки въ Африкѣ, в.; Солдатъ Рейнской Арміи, др.; Пылкая душа, в.; Dur à cuire, в.; Домашнія несчастія, в. Caricature aux Enfers, в.

Сверхъ того: Опять неудача, піеса, представленіе которой отложено до другаго времени.

Сентъ-Антуанскій Театръ. — Французы, списанные съ природы ими самими, в.; Семейство мостовщика, в.; Цирюльникъ Бомарше, в.; Страсти, др.; Стрѣлокъ Робертъ, др.; Племянница Пастора, в.; Hurluberlu, в.; Croix de l'Étang, др.; Лицца и аистъ, в.; Романтичскій любовникъ и Классическій мужъ, в.; Пѣхотинецъ, в.; Жена изгнанника, др. в.; Моя прачка, в.; Донъ Карлосъ, др.; Изнанка медали, в.; Подпоручикъ Большой Арміи, в.; Имя отца моего, др. в.; Еще одинъ прекрасный день, в.; Неприятный жилецъ, в.; Мѣщанскій пан-

сіонъ, в.; Ferme de Thoigy, в.; Мариета, в.; Венсенскіе застрѣльщики, в.; Ватерлооская почъ, в.; Фойе Большой Оперы, в.; Кантарелли, или два тенора, в.; Симоиъ, др. в.; Подъ открытымъ небомъ, в.; Они и онъ (Ces Messieurs et ces Dames), в.; Пажъ Королевы, в.; Лицомъ къ лицу (Nez à Nez) в.; Венеціанскія свинцовыя темницы, др.; Доротея, или путешествіе по кровлямъ, в.; Вечеръ въ Кухнѣ, в.

Театръ комически съ развлеченій (Délassemens Comiques), — Старинный бульваръ, в.; Самохвалъ, в.; Качели, в.; Ночь столяра, в.; Первый уснѣхъ Жана-Батиста, в.; Букетъ и банкетъ, в.; Адель, или честь бѣдной дѣвушки, др. в.; Dodoge le Casseux, в.; Давидъ разсѣянный, в.; Два пенсіона в.; Добродѣтельная женщина, в.; 1842 годъ въ Бюліонской Отели, в.

И того:

Королевская Академія музыки 5 піесъ (въ томъ числѣ 1 балетъ и 1 лпр. сцена.)

Французскій Театръ: 10 п. (7 ком. и 3 тр.)

Комическая Опера 11 оперъ.

Италіанскій Театръ: 3 оперы.

Одеонъ: 10 п. (1 тр., 5 ком. и 4 др.)

Театръ Возрожденія: 7 п. (1 ком., 3 др. и 3 вод.)

Театръ Гимнази: 15 вод.

Театръ Водевилей: 24 вод.

Театръ Разнообразія: 22 вод.

Пале-Рояльскій Театръ: 17 вод.

Театръ Веселости: 9 п. (3 др. и 6 вод.)

Ambigu-Comique 14 п. (4 др. и 10 вод.)

Театръ Porte-Saint-Martin: 18 п. (1 ком., 5 др., 6 бал. и 6 вод.)

Циркъ: 5 п. (3 др., 1 бал. и 1 вод.)

Театръ драматическихъ шлюстей: 16 п. (1 др. и 15 вод.)

Театръ Choiseul: 9 вод.

Пантеонъ: 23 п. (1 ком., 2 др. и 20 вод.)

Сентъ-Антуанскій Театръ: 34 п. (5 др. и 29 вод.)

Театръ комическихъ развлеченій: 12 вод.

Всего: 264 пьесы, а именно: 15 комедій, 4 трагедіи, 30 драмъ, 18 оперъ, 8 пантомимныхъ балетовъ и 188 водевилей. Пьесы эти написаны 203 авторами, въ числѣ которыхъ находятся три дамы и четырнадцать композиторовъ.

Въ 1840 году было только 254 сценическія новинки, но число написавшихъ ихъ авторовъ простиралось до 211.

Изъ числа пьесъ, игравшихъ въ прошломъ году, наиболѣе блестящій успѣхъ имѣли: Гизелла—на сценѣ Королевской Академіи Музыки; Цѣвь — на Французскомъ Театрѣ; Ричардъ львиное сердце, въ комической Оперѣ; Парижскія феи — въ Гимнази; Слѣпой и Для моего сына — на театрѣ Водевилей La Descente de la Courtille и Школьный учитель, на театрѣ Разнообразія; Капралъ и его землячка и Вик. Латорьеръ — на Пале-Рояльскомъ театрѣ; La Gâche de Dieu — на театрѣ Веселости; Павелъ и Виргинія — на Ambigu; Два слесаря и Обзоръ 1841 года — на театрѣ Porte Saint-Martin; Мюратъ, въ Циркѣ Вдова всей большой арміи, на Театрѣ драматическихъ шалостей.

Наиболѣе плодовитыми авторами въ 1841 году были: Гг. Баяръ и Дюпети; каждый изъ нихъ написалъ по десяти пьесъ (въ 1840 г. одинъ Теолонъ написалъ такое же количество). За ними слѣдуютъ: Деннери, (8 п.); Анисе, Фердинандъ Лалу; Розье, Кормонъ, Клервиль, (каждый 7 п.), Скрибъ, Дюмануаръ, Мельвиль и Лорансенъ (каждый 6 п.)

Авторы, пьесы которыхъ представлены въ 1841 году, суть:

Алени, Адольфъ Д., Альберикъ Секонъ, Альбуаль, Альфредъ, Альфонсъ, Альзе, Ансело, Ансело (Г-жа), Анисе Буржуа, Араго (Яковъ), Арну, Арверъ, Аслень, Аслень, (Эдуардъ).

Баронъ отецъ, Барончелли (Фелицианъ), Баяръ, Бартелеми, Бошери (Роланъ), Бери (Антони), Бертонь (Люджеръ), Буле, Бур-

жуа (Евгеній), Бризбаръ, Бриссонъ, Бро (Альфонсъ), Брюнь, Брунсвикъ.

Вальдоръ (Г-жа), Вале (Поль), Ваэ (Густавъ), Вальи (Жюль), Валори (Мурье), Вандербуръ, Варенъ (водевильистъ), Варенъ (хорегграфъ), Варнеръ, Вейра, Виенне, Вильверъ, Ворбель.

Габриель, Галеви (Леонъ) Гарнье, Геталь, Гостейнъ, Готье (Теодилъ), Гонзальсъ (Эммануилъ) Гранже, Гене сынъ, Гино (Евгеній), Гюаръ (Людвикъ), Гомберъ.

Даръ, Дартуа (Арманъ), Давкуръ, Дартигъ, Дальтейнгемъ (Габриель, урожденная Суле), Даниель, (Карлъ), Давень, Делабуле, Декуръ (Евгеній), Дефоржъ, Делатуръ де Сентъ-Пбаръ, Делеріа, Деланортъ (Мишель), Делану (Корделле), Деннери (Адольфъ), Деландъ, Денойе Денерисъ, Дессарсенъ (покойный), Дево (Евгеній), Дино (Евгеній), Девержье, Домениль (Людвикъ), Довень (Карлъ), Дюбрель, Дютертръ, Дюма (Александръ), Дюмануаръ, Дюмерсанъ, Дюпети (Карлъ), Дюпоръ (Поль), Дюпенъ (Георихъ), Дюпре, Дюверъ, Дюверье, Дююи, Дусе (Камилла), Жемъ, Жанети (Жоржъ), Жоанни, Жуанъ.

Ишюитъ.

Кармушъ, Картье, Клервиль, Клавель, Ковьери братья, Комберусъ, Корали, Кордье, Кормонъ, Куальякъ, Курси (Фредерикъ), Курье (Луи-Поль).

Лаба (Евгеній), Лаби, Лабрусь, Лакамбъ, Лафиттъ, Лафонъ (Карлъ), Лагардъ (Алексисъ), Лажарьеть, Лавинь, (Казимиръ), Лайя (Леонъ), Лешевръ, Лешранъ (Огюстъ), Лемуанъ (Густавъ), Леонъ (Галеви) Леонсъ, Левень, Лоне, Лорансенъ, Лорансонъ Лоранъ, Лозанъ, Локруа, Лошпре (Александръ), Лопе, Любизъ (Мартенъ), Люрипъ.

Мальянъ, Мальяръ, Мальфиль, Маке (Огюстъ), Марше, Масленъ, Массонъ (Миттель), Мельвиль, Меяисье, Мишель (Маркъ), Монье, Морисъ Моренъ (Альберъ), Моро, Мюре (Теодоръ).

Ніонъ (Евгеній).

Ожье, Оже (*Ипполитъ*).

Паччини, Паллионти, Парфе (*Нозль*), Палье (*Леонъ*), Пиа (*Феликсъ*), Полакъ, Поль-де-Кокъ, Потье (*Карлъ*), Пурсе де Баронъ, Пьеронъ (*Евгеній*).

Равель братья, Ренъ (*Потеронъ*), Рокуръ, Роже де Бовуаръ, Рошфоръ, Романъ, Розье.

Сальвадоръ, Сальва (*Адольфъ*), Сентинъ (*Ксавье*), Сентъ-Аманъ, Сентъ-Жоржъ, Сентъ-Жерменъ, Сентъ-Ивъ (*Деадде*), Сельмаръ, Скрибъ, Симоненъ, Сиротенъ (*Поль*), Соважъ, Суме (*Александръ*), Суме (*Эмили*) Сю (*Евгеній*).

Теолонъ, Тирпенъ, Турнемпъ, Тюлли, Шабо де Буанъ, Шардонъ, Шабина, Шюффе (*Эдмъ*).

Фа (*Жоржъ*), Фердинандъ Лалу, Фолле (*Н*), Фонтенъ (*Эмиль*), Фрадель (*В*), Фуше (*Поль*), Фурнье.

Композиторы: Аданъ, (*Адольфъ*), Беллини, Боазльде сынъ (*Адрианъ*), Веберъ, Галеви, Жераръ, Карлини, Кастнеръ, Клариссонъ, Колле, МеркадANTE, Монфоръ,

Оберъ, Потье.

Въ 1841 году были нѣсколько времени закрыты четыре театра: Возрожденія, Ambigu Comique, Пантеонъ и Сентъ-Антуанскій.

Одеонъ былъ возобновленъ, а прежній театръ Саки совершенно перестроенъ и предназначенъ для представленія водевилей.

Авторы, композиторы и актеры, умершие въ 1841 году:

Авторы: Дезюже (*старшій*), Баронъ Даллардъ, Одъ, Теолонъ.

Композиторы: Карулли, Феликсъ Бланджини, Тюркасъ.

Актеры: Арманъ Домергъ, Арманъ Круазеть, Мёнъ (*въ Орлеанъ*), Тотенъ, Эмпленъ (*Эмиль Валь*), Эдуаръ (*Дезире-Фортюне-Лу*), Вальневъ, Гонтье, Лапортъ сынъ, Лапортъ отецъ (*старинный арлекинъ театра Водевилей*).

Актрисы: Вдова Севестъ, дѣвица Шалбо Аделина, Бле, Ре, Девіеннъ.

IV. СМѢСЬ.

КУПЛЕТЫ.

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Водевиль, подъ этимъ заглавіемъ, играный и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и передъбланный изъ анекдота *Лекція въ Провансѣ*, напечатаннаго въ первой книжкѣ *Репертуара и Пантеона*, избилуетъ, какъ всѣ піесы Д. Т. Ленскаго, веселыми и остроумными куплетами. Напримѣръ, вотъ какъ Чердаковскій, содержатель провинціального театра, ожидающій пріѣзда Мочалова, рассказываетъ своей племянницѣ, что въ одну минуту расхватили всѣ билеты:

Повѣришь, въ эти двѣ недѣли
Мнѣ до того ужъ надоѣли,
Что не глядѣлъ бы я на свѣтъ;
Вѣдь только слышишь: «дай билетъ!»
Въ театрѣ всѣ лезуть, какъ шальные!
Ну, право, кажется, иные
Готовы чорту душу дать,
Чтобъ мѣсто хоть въ раю достать!

Вотъ куплетъ Маши, племянницы Г-на Чердаковскаго. Она доказываетъ любовь къ ней актера Клопикова тѣмъ, что онъ презираетъ для нее шиканіемъ и свистомъ публика:

Матросъ или солдатъ, и въ бурю, и въ сраженіе,

Въ отваж сти своей] находятъ вѣрный
щитъ;
Но вѣдь плохой актеръ — прескѣлое творенье,
И противъ публики ему ужъ нѣтъ защиты;
Свистъ пуль или картечь, конечно, страхъ
не пессель,
А буря на морѣ и ихъ еще тошпий,
Согласна въ этомъ я; но шиканье изъ кресель,
Ей Богу, кажется, въ пять тысячь разъ
страшнѣй!

Далѣе, Клопиковъ, котораго принимаютъ за Мочалова, не узнавая П. С. Мочалова, толкуетъ ему слѣдующимъ образомъ о трагическомъ искусствѣ:

Вотъ я вамъ дамъ сейчасъ урокъ,
Учитесь и перенимайте:
Во-первыхъ, руки въ потолокъ,
И шире поздри раздувайте.
(*Становится въ позитуру*).

Сейчасъ ужъ видно, что герой!
Смотрите, брови какъ играютъ....

(*Принимая свое обыкновенное положеніе*).

Въ трагедіяхъ, почтенный мой,
Не то, что ходить — выступать.

Клопиковъ, рассказывая Мочалову, какъ вмѣсто его онъ игралъ въ трагедіи Коварство и Любовь, и для большей храбрости высушилъ разомъ двѣ бутылки шампанскаго, поетъ:

Я одурѣлъ, я ошалѣлъ
 И отъ вина, и отъ испуга;
 Съ начала до конца ревѣлъ,
 Какъ быкъ или во сто пудъ бѣлуга!
 Ну, словомъ, весьхъ я удивилъ,
 И пѣсню дьявольски украсилъ:
 Дуизъ ногу отдалилъ
 И Президенту носъ раскрасилъ.

ЗЯТЮШКА,

Водевиль Ленскаго, игранный только въ Москвѣ, также заключаетъ въ себѣ нѣкоторые забавные куплеты. Нѣкто Г. Фиксатуаръ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ про свой родъ, свою фамилію:

Мой прадедъ, дѣдъ, отецъ и братья
 Собой примѣръ мнѣ подають.
 Фиксатуары, безъ изъята,
 Въ числѣ любезныхъ здѣсь сльвуть.
 И можно ль грубымъ быть мужичицъ,
 Когда онъ тону набрался
 Въ галантерейномъ магазинѣ
 И за прилавкомъ родился!

На вопросъ: большое ли у него знакомство? Фиксатуаръ отвѣчаетъ: «Да-съ, въ долговой книгѣ,» — и поетъ:

Мои карманы только знаютъ
 Знакомство это какъ вредить:
 На деньги мало покупають,
 А поровнять все взять въ кредитъ.
 Продашь мному волокитъ,
 Придешь за деньгами — въ отвѣтъ:
 «Вы завтра,» — говоритъ, — «прийдите!»
 А это завтра — на сто лѣтъ.

Вотъ какимъ образомъ Г. Леду жалуются на тещу свою, которая не даетъ ему ни минуты отдохнуть:

Мнѣ дома хочется съ женой
 Побывать вдвоемъ, поприласкаться,
 А теща все меня съ собой
 Таскаетъ рыскать и словаться!
 Теперь при той и при другой
 Я, просто, жалкое созданье:
 Всеышши, за грѣхи съ одной,
 Другую даль мнѣ въ наказанье.

Теща Г-на Леду, разнѣжившись, заплакала. Онъ поетъ на это:

Дамы всѣ безъ исключенья
 Преслезливыя творенья;

Имъ заплакать ни почемъ;
 Слезы бьютъ изъ глазъ ключемъ!
 Плачуть съ радости, съ печали,
 Плачуть отъ чепца, отъ шали;
 Плачуть, если мужъ умретъ,
 Плачуть, если онъ живетъ;
 Плачуть, если нѣтъ потачки;
 Плачуть даже отъ собачки,
 Отъ того и отъ сего....
 Словомъ, плачуть отъ всего!

Въ Поябрѣ прошлаго года, Кастиль-Блазъ, возвращаясь откуда-то домой, услышалъ, удивительно приятный мужской голосъ. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ молодого человѣка, который передъ однимъ домомъ нѣлъ пренѣжный романсъ. Молодой человѣкъ нѣлъ такъ хорошо, такъ правильно, что Кастиль-Блазъ счелъ его пѣвцомъ съ какого нибудь театра. Вдругъ окно дома, передъ которымъ стоялъ незнакомецъ, отворилось: изъ него выглянула старуха, и сказала сердито: «Господинъ живописецъ, если вы не уйдете теперь же и не перестанете тревожить вашими пѣснями моей Маріеты, я кликну патруль. Ужъ я сказала вамъ, при вашей бѣдности вамъ нечего думать о моей бѣдной дочери.» Незнакомецъ скромно пошелъ прочь отъ оконъ своей милой, но Кастиль-Блазъ подошелъ къ нему, и спросилъ: «Ваша живонисъ не приносить вамъ ничего: угодно ли вамъ быть пѣвцомъ? Я доставлю вамъ 10,000 франковъ ежегодно.» Молодой человѣкъ подумалъ, что надъ нимъ смѣются; вскорѣ, однако жъ, онъ понялъ, что Кастиль-Блазъ не шутить, и условился съ нимъ. Этотъ уличный теноръ называется — Монре.

— Парижскіе журналы вопятъ, что почти всѣ актрисы собираются ѣхать въ Петербургъ, и только бредятъ Петербургомъ, потому что у насъ артистовъ вообще не свистываютъ, очень благосклонны къ прекрасному полу, и что журналы наши скромны, какъ пятнадцатилѣтнія дѣ-

вицы! Многіе жестоко ошибутся въ своихъ расчетахъ, и, право, было бы хорошо, если бы какой нибудь Французъ, изъ состраданья, напечаталъ правду о Петербургѣ! Парижане все еще воображаютъ себя, что мы полудикіе, говорящіе по-Французски, и что мы всѣмъ восхищаемся, что только прикатитъ къ намъ изъ Парижа! Давайте намъ такихъ артистовъ, какъ Г-жа Алланъ, Г-жа Александръ-Мейеръ, мы скажемъ вамъ спасибо! А балласта у насъ и своего довольно!

— Одинъ Англичанинъ даритъ Оле-Булю по 100 ф. ст. каждый разъ, что виртуозъ этотъ играетъ, въ его присутствіи, что-либо изъ Моцарта. По случаю такой рѣдкой щедрости, кто-то спросилъ Оле-Буля, что сдѣлаетъ онъ, если умретъ его богатый поклонникъ. «Я надѣну трауръ на мою скрипку, отвѣчалъ артистъ, потому что тогда порвется самая лучшая струна ея.»

— Одна извѣстная Парижская актриса, жившая неподалеку отъ этой столицы, на дачѣ, какъ-то все забывала платить за наемъ своихъ хорошенькихъ комнатокъ. Домъ, въ которомъ жила она, былъ проданъ. Послѣ того прошло полгода, а наша актриса и не думала платить. Наконецъ новый хозяинъ ея, потерявъ все терпѣніе, явился къ ней, и сурово сказалъ: «Предмѣстникъ мой не получалъ съ васъ, сударыня, ничего; я тоже не получаю ровно ничего: такъ не угодно ли будетъ вамъ выѣхать изъ моего дома..... я охотно уступлю вамъ все, что вы должны мнѣ.» — «Ахъ, Богъ мой! отвѣчала актриса, что вы говорите? Я слишкомъ привыкла къ этимъ комнатамъ..... мнѣ тяжело будетъ разстаться съ ними... Знаете-ли что? Я ужъ лучше надбавлю вамъ плату!»

— Послѣ недавней смерти молодой Парижской фигурантки, Г-жи Гобли, остались и проданы съ публичнаго торга слѣдующія вещи: 83 Персидскія шали,

113 Французскихъ кашемировыхъ платковъ, 38 Турецкихъ платковъ, 18,000 паръ перчатокъ, 3486 ящичковъ съ духами, 6000 паръ шелковыхъ башмаковъ, 874 платья, 10 манто, 1040 головныхъ уборовъ, 280 браслетовъ, 540 разныхъ дорогихъ бездѣлушекъ, 36 паръ бриллиантовыхъ серегъ, 16 жемчужныхъ и стальной коже бриллиантовыхъ ожерельевъ, 5 паръ чулокъ, 6 сорочекъ, 609 заштопанныхъ носовыхъ платковъ, двѣ бѣлыхъ простыни и цѣлая библіотека романовъ.

— Французскія газеты, которыя весьма любятъ трунить, увѣряютъ, что въ Штутгартѣ есть музыкальный пудель, который уже приобрѣлъ извѣстность своими критическими статьями. Онъ называютъ его *Fréron à quatre pattes*. (Фреронъ, какъ извѣстно, былъ остроумный Французскій критикъ). «Со времени знаменитаго пуделя док. Фауста, говорятъ въ *Gazette de Paris*, Германія еще не видала собаки столь замѣчательной, какъ эта. Въ Штутгартѣ, на каждое представленіе, присылаютъ этому пуделю билетъ. Артисты страшатся лая его несравненно болѣе, чѣмъ свистковъ; должно надѣяться, что животное, одаренное такимъ рѣдкимъ талантомъ, не умретъ въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ захолустьѣ; его съ мы нетерпѣніемъ ожидаемъ къ себѣ въ Парижъ и, слышно, что нѣкоторыя газеты предполагаютъ поручить ему редакцію своихъ музыкальных фельетоновъ.»

— Гендель былъ некогда директоромъ Операго Театра въ Лондонѣ, и самъ дирижировалъ оркестромъ. Артистамъ онъ аккомпанировалъ на арфѣ, и притомъ съ такимъ совершенствомъ, что публика, нерѣдко забывъ о пѣвцѣ или пѣвицѣ, съ глубокимъ вниманіемъ слушала аккомпаниментъ. Одинъ Италіанецъ оскорбился этимъ весьма сильно. Онъ поклялся, что если въ другой разъ публика забудетъ о немъ для арфы, онъ прыгнетъ со сцены пры-

мо на этотъ инструментъ. Гендель, узнавъ о затѣѣ Италіянка, сказалъ ему прехладноровно: «Я слышалъ, что вы намѣрены прыгнуть со сцены. Сдѣлайте жъ милость, назначьте день, въ который предполагаете вы совершить этотъ подвигъ. Я извѣщу о томъ публику... Видите ли: вашъ прыжокъ доставитъ мнѣ несравненно болѣе денегъ, чѣмъ ваше пѣніе.»

— Фанни Эльслеръ, какъ извѣстно, собрала въ Америкѣ до 2-хъ милліоновъ доллоровъ, и положила ихъ въ Англійскій Банкъ. Узнавъ объ этомъ, кто-то недавно спросилъ ее, будетъ ли она, такъ разбогатѣвъ, еще танцовать въ Европѣ. «Буду, отвѣчала Фанни, непременно буду: съ радости.»

— Листъ утверждаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Венгерцы подарили ему саблю, онъ безпрестанно воюетъ съ журналистами, осыпаящими его насмѣшками, и, на бѣду свою, рѣшительно не можетъ вытащить изъ ноженъ эту саблю.

— Римскій Карнавалъ начался съ большимъ блескомъ, и любимую оперою публики теперь *Дукреция Борджиа*, Донидзетти. Намъ пишутъ изъ Флоренціи, что Русскіе пѣвцы Томаринскій и Михайловъ (бывшій Остроумовъ), изучавшіе пѣніе у знаменитыхъ маэстровъ этого города, отправились въ Римъ, на время Карнавала, и будутъ пѣть на тамошнемъ Театрѣ Аполлона.

— Въ Нью-Орлеанѣ, одинъ богачъ построилъ пароходъ, на которомъ даютъ сценическія представленія. Этотъ паровой театръ разъѣзжаетъ по водѣ изъ города въ городъ, и собираетъ весьма много денегъ.

— Въ одной Французской газетѣ было напечатано слѣдующее: «Когда Таліони танцуетъ, она Француженка; когда любить — Италіянка; когда хлопочетъ о хозяйствѣ — Нѣмка; когда говоритъ о своемъ талантѣ — Шведка; а когда встѣчается съ бѣднымъ — настоящая Англичанка.» Этотъ комплиментъ кто-то передалъ на-

шей Сильфидѣ. Выслушавъ его, она воскликнула съ улыбкою: «Я тоже Русская: — я *холодно* принимаю излишнія похвалы!»

АНЕКДОТЫ.

Довольно плохой актеръ, замѣтивъ, что одинъ изъ театральнымъ машинистовъ, сидя за кулисами, считаетъ по пальцамъ спросилъ у него: «Что ты считаешь, Сидоровъ?» — Да считаю сколько у насъ плохихъ актеровъ. — «Ну сколько же?» — Съ вами, сударь, восемь.» — Ахъ ты, негодяй! вскричалъ актеръ, давъ ему пощечину. — «Нѣтъ, нѣтъ! я ошибся, безъ васъ семь!»

— Ты вчера пѣлъ ужасно невѣрно! сказала одинъ хористъ незавидному оперному пѣвцу, когда они сошлись, на слѣдующее утро, на репетиціи. — «Помилуй, братецъ! Развѣ ты не замѣтилъ, что каждый разъ, какъ я начиналъ пѣть, оркестръ, какъ нарочно, игралъ фальшиво.»

— Одинъ Нѣмецкій оперный пѣвецъ, лишившись голоса, опредѣлился въ кондукторы на желѣзной дорогѣ. — «Какъ рѣшились вы на это?» спросилъ у него знакомый его, садясь въ вагонъ. — «Чтожъ, мнѣ не привыкать къ свистку,» смиренно отвѣчалъ бывшій пѣвецъ.

НЕКРОЛОГІЯ.

Александра Михайловна Шенкина.

31-го Декабря прошедшаго года скончалась въ Москвѣ дочь нашего единственнаго комика, М. С. Шенкина, *Александра Михайловна*. Хотя она не была актрисою ex officio, а играла только въ бенефисы отца своего, но тѣмъ не менѣе потеря ея чувствительна для нашей сцены.

Если не ошибаемся, А. М. Шенкина явилась въ первый разъ на сцену въ роли дочери Шейлока, въ *Венціанскомъ купцѣ* Шекспира, кажется, въ 1834 году. Ея смуглое лицо, блестящіе черные глаза чрезвычайно шли къ роли жидовки, которую она занимала, и

публика приняла молодую артистку, дочь заслуженнаго и любимаго актера, съ громкимъ одобреніемъ.

На слѣдующій годъ, покойная А. М. Щепкина явилась въ роли Дорины, въ *Тартюфъ* или *Фарисѣевъ*, переводъ г-мъ Поровымъ. Трудная роль Дорины была выполнена ею и весьма умно и отчетливо, къ чему не мало содѣйствовало руководство ея талантливаго отца.

Потомъ Щепкина являлась на Московской сценѣ въ роляхъ *Кетти*, *Наталки Полтавки*, *Лизаньки* (въ пьесѣ *Пятидесятилѣтній Дядюшка*, соч. Виссаріона Бѣлынскаго) и и др. Эти роли выполнены были ею съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; вообще роли молодыхъ свѣтскихъ дѣвушекъ какъ-то не шли къ ней: она не была въ нихъ разбита, ловка, можетъ быть и потому, что не была записною артисткою. Роли простодушныхъ, наивныхъ дѣвушекъ, провинціалокъ выполняла она гораздо удачлѣе. Но, безъ сомнѣнія, лучшими ролями покойной Александры Михайловны Щепкиной были — роль Вариньки въ *Украинской невѣстѣ*, комедіи-водевилѣ, передѣланномъ изъ «*Angéline ou La Champepoise*» Княземъ А. А. Шаховскимъ, и прелестная роль Тетены въ *Москвѣ Чаривникъ*, оригинальномъ созданіи Котляревскаго, народнаго Малороссійскаго поэта.

Объ эти пьесы появились на Московской сценѣ 9-го Февраля 1840 года, въ бенефисъ знаменитаго отца покойной артистки. «Украинская невѣста» явилась, впрочемъ, во второй разъ послѣдующей лѣтѣ, и это не удивительно: Ал. Мих. Щепкина, не принадлежа собственно къ театру, показывалась на сцену только въ бенефисы своего отца; кромѣ же ея, въ Москвѣ некому было выполнить роли Вариньки, и вообще всѣхъ Малороссійскихъ ролей.

Москвичи, я думаю, еще не забыли того съ благо впечатлѣнія, которое про-

извела на публику игра покойной Щепкиной, въ обѣихъ названныхъ нами пьесахъ: это было такъ недавно, и притомъ же прекрасное не забывается.

Мы вкратцѣ расскажемъ содержаніе обѣихъ пьесъ, чтобы яснѣе показать превосходное исполненіе обѣихъ ролей покойной А. М. Щепкиной.

Графъ, отставной генералъ, имѣетъ твердое и доброе намѣреніе женить племянника, гусарскаго офицера Виктора, на дочери своего умершаго друга и своей питомицѣ, Варинькѣ. Но дядя хочетъ чтобы дѣло не обошлось безъ проказъ, потому что племянникъ порядочный пресказникъ. И вотъ онъ въ заговорѣ съ Варинькой: убѣждаетъ ее явиться своему жениху совершенною Малороссійскою панночкой. Панночку представили жениху, — женихъ такъ и ахнулъ: Онъ разговорился съ этой дѣвочкой, равной ему, образованному свѣтскому молодому человеку, наряженной въ костюмъ, что носили за полстолѣтія; онъ замѣтилъ въ ней умъ и чувство достоинства... но, не смотря на это, Варинька все таки какой-то антикъ! Викторъ въ отчаяніи, и рѣшается, во что бы то ни слово, — не жениться на ней. Но вотъ начинается мистификація: къ Варинькѣ пріѣзжаетъ сестра ея, молодая, образованная дѣвушка, и Викторъ въ восторгъ отъ этой сестры, не подозревая нисколько, что онъ въ восторгъ отъ той же самой Вариньки: такъ измѣнили ее костюмъ и образованные приемы. Однако же, Виктору приходитъ въ голову счастливая мысль просить дядю позволить ему жениться на этой сестрѣ, вмѣсто той, на этой барышнѣ, а не на той панночкѣ: вѣдь дядю это все равно! Но упрямый дядя не согласенъ, и Викторъ, когда передъ нимъ явилась опять прежняя панночка, убѣждаетъ ее самое отъ него отказаться. Панночка отказалась, но этотъ отказъ, какъ говорится, срѣзалъ бѣднаго Виктора: въ панночкѣ онъ узналъ ту самую милую, образо-

ваниую дѣвушку, отъ которой давеча пришелъ въ восхищеніе. Дядя однако, улаживаетъ все дѣло. Вотъ содержаніе «Украинской невѣсты»

Мы живо, очень живо помнимъ то впечатлѣніе, которое такъ надолго оставило въ насъ выполненіе роли Вариньки покойною Ал. Мих. Щепкиной. Лучшею похвалою ея таланту тамъ, гдѣ главная задача роли состояла въ искусной мистификаціи, можетъ служить вопросъ наивно предложенный однимъ изъ нашихъ сосѣдей въ партерѣ, когда дѣвица Щепкина какъ будто вся перемѣнилась, вмѣстѣ съ перемѣною костюма и нарѣчія: *скажете, неужели это одна и та же?* Да, это было такъ. Мы какъ теперь слышимъ ее Малороссійское «Эге!» — на разные кадансы, въ отвѣтъ жениху, бѣдствующему о совершенной необразованности своей нареченной невѣсты, вспоминаемъ, какъ при самомъ началѣ пьесы не выходя еще на сцену, она пропѣла съ арфой эту прелестную пѣсню:

Віють вѣтры, віють буйны,

Ажъ деревья гнутся

Ой! такъ болитъ мое сердце,

А слезы не льются.

Есть же люди, що и моей

Завидуютъ долѣ.

Чи счастлива та былинка

Що росте у полѣ,

Ой у полѣ на пясоч у,

Безъ росы на сонцѣ:

Тяжко жити безъ милаго

Не въ своей сторонцѣ!

Вспоминаемъ, съ какою неподражаемою живностію она рассказывала, пзумленному ея Малороссійской простотой, жениху о своихъ успѣхахъ: обь умѣнь «и варенье варить, виши солить, ягодники готовить, и мало ли що есть, да я вдругъ не вспомню.» Однимъ словомъ, мы видѣ-

ли Малороссійскую панночку, которой не измѣнилъ ни одинъ взглядъ, ни одинъ звукъ, ни одно движеніе! И что же общаго между этой панночкой и той милой дѣвушкой — явленіемъ изъ другого, образованнаго міра! Надо было быть тутъ и слышать съ какимъ достоинствомъ были пропѣты эти слова:

«Когда бъ того любиза,
Кто любить не меня...»

когда Викторъ убѣдилъ панночку отказаться отъ него, и передъ нимъ вдругъ явилась образованная и уже любимая имъ дѣвушка. Глубокое, сознательное чувство собственнаго достоинства ни на минуту не покидало покойной Ал. Мих. Щепкиной, во всей этой роли, созданной изъ одной мистификаціи. Любители искусства, видѣвшіе ее тутъ, не только должны еще помнить, но вѣрно будутъ долго и долго помнить игру Ал. Мих. въ роли Вариньки потому что она видѣли тутъ, въ роли ея художественно созданной и исполненной, одно изъ явленій изящнаго, взятое изъ поэтического міра Малороссіи, и превосходно олицетворенное дарованіемъ.

Перейдемъ къ «Москалю-Чаривнику.» Эта оригинальная опера Котляревскаго, содержаніе которой взято изъ міра Малороссійскихъ простолюдиновъ, была напечатана. Однако жъ, передадимъ въ немногихъ словахъ въ чемъ дѣло. Тетяна, молоденькая и хорошенькая жена стараго казака Михайлы Чупуна, куда-то отлучившагося, привлекла на себя вниманіе Фитника, горожанина, канцеляриста и пресмѣшнаго Малороссійскаго рауена. Онъ объясняется ей въ любви и привязанности, когда вдругъ входитъ къ нимъ солдатъ пришедшій на постой, лихой служака, кровный Русскій солдатъ, что всюду хозяинъ, куда судьба ни забрось его. Хозяйка не подала ему ужина, солдатъ, отправляясь голодный спать, спрашиваетъ у нея, что это за «рачная фигура.» «Се мій родичъ» отвѣ-

чаетъ ему оторопѣвшая Тетяна. Солдаты уходятъ, смекнувши самъ про себя дѣломъ. Начинается брань Финтика на солдата, когда вдругъ прѣзжаетъ мужъ. Жаль Тетянь Финтика, жалкаго, а потому и безгрѣшнаго селадона, и она прячетъ его подъ печь и закрываетъ заслонкой. Мужъ, возвратившись, громко разболтался съ жинкою; солдатъ приходитъ къ нимъ на этотъ говоръ, и вотъ какъ разъ поладилъ съ хозяиномъ. Хозяину есть и ужинъ и горѣлка, а солдату того и надобно. Развеселились они, поютъ себѣ пѣсни, и вздумалъ солдатъ прикинуться колдуномъ (чаровникомъ): вѣдь онъ видѣлъ куда Тетяна спрятала Финтика! «Хотите», говоритъ солдатъ хозяевамъ, «я вамъ на лице представлю любаго изъ вашихъ знакомыхъ?» Опьянѣвшій Чупрунъ никакъ не придумаетъ кого бы. Тетяна называетъ Финтика, хозяинъ соглашается. Солдатъ завизываетъ ему и Тетянь глаза, и когда опять развязываетъ ихъ, Финтикъ на лице. Однако же, Тетянь совѣстно отвязаться этимъ, небезгрѣшнымъ образомъ отъ своего обирателя, и она все рассказываетъ мужу. Мужъ собирается было побить селадона, но тотъ падаетъ на колѣни, и тѣмъ избавляется отъ такихъ убѣдительныхъ увѣщаній.

Ал. Мих. Щепкина исполнила роль Тетяны превосходно. Нѣсколько Малороссійскихъ народныхъ пѣсень были ею пропѣты съ неподражаемымъ искусствомъ и граціей. Заключительный куплетъ, обращенный къ партеру, вызвалъ изъ толпы, какъ теперь помнимъ, громкія и единодушныя рукоплесканія. Вотъ этотъ куплетъ:

«Паньчи, остерегайтесь,
«Не запальчиво влюбляйтесь,
«Бо кто ласый до чужбинъ,
«Той скоштуе и дубинъ —

Какъ эти паньчя, простонародные слова шли къ дѣлу! Артистка, выведен-

ная, по требованію публики, знаменитымъ своимъ отцемъ, была осыпана рукоплесканіями. Всеобщее и постоянное участіе Московской публики въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ къ талантливой, всегда полной достоинства, игрѣ А. М. Щепкиной, всего лучше ручается за то, что публика умѣла цѣнить даровитость молодой артистки. Да, мы не боимся назвать этимъ именемъ покойную А. М. Щепкину, хотя она собственно и не принадлежала къ театру, и показывалась только въ бенефисы отца, какъ мы о томъ говорили выше. Намъ, жившимъ въ Москвѣ, очень памятно, сколько бывало услышишь передъ бенефисомъ М. С. Щепкина вопросовъ о томъ, будутъ ли въ бенефисѣ участвовать его дочери, Публика, однако жъ, болѣе любила Александру Михайловну. И мы опять повторимъ, что для Малороссійскихъ ролей — она незамѣнима. Если даже въ игрѣ ея, какъ дѣвушки, не свыкшейся со сценой была замѣтна иногда какая-то робкая перѣшительность, то кто же, хоть разъ видѣвшій на сценѣ покойную Александру Михайловну не согласится, что въ самой этой перѣшительности было столько легкости, граціи, простоты неподдѣльной, достоинства истиннаго и глубокаго, что зритель выходилъ изъ театра, совершенно очарованный игрой талантливой, вѣрной природы. Являясь А. М. чаще на сцену — это прошло бы само собою, но — воля ваша! едва ли тогда было бы лучше: мы столько видѣли этого искусства не въ смыслѣ творчества, а только въ смыслѣ умнаго и часто холоднаго постиженія роли, что, право, иногда не побоимся зѣвнуть или глязѣть по сторонамъ, не опасаясь недосмотрѣть и, стало быть, потерять чтонибудь. Мы не сравниваемъ покойной Ал. М. съ Г-жами Орловой и Дюръ, за роли которыхъ она никогда и не бралась, но утверждаемъ смѣло, что она могла бы соперничать со славою Г-жи Орловой, которая, послѣ г-жи Репиной, занимаетъ

первыя ампула и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ, покойной Асенковой, которая тоже не замѣнима на Петербургской сценѣ. Но, скажемъ, что еда ли эти обѣ артистки могли бы исполнить тѣ роли, которыя съ такою вѣрностію и успѣхомъ исполняла покойная Ал—а. Михайловна, — роли Малороссійскихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Вотъ гдѣ было ея настоящее и важное сценическое значеніе, и почему именно чувствительна подобная потеря для Русской сцены вообще и для Московской въ особенности.

Кромѣ Москвы, Г-жа Щенкина играла и на Петербургской сценѣ въ 1838-мъ году, и была принимаема нашею публи-

кою съ восторгомъ, не смотря на то, что тогда во всемъ блескѣ красоты и молодости была на сценѣ В. Н. Асенкова.

Болѣе всего Щенкина играла на провинціальныхъ театрахъ, въ лѣтнее время, въ Тулѣ, въ Казани, въ Одессѣ и п. д., и вездѣ принимаема была съ новымъ неподушнымъ одобреніемъ.

Умеръ недавно знаменитый декорационный живописецъ Театра La Scala въ Миланѣ, Доменико Менюцци. Онъ особенно отличался искусствомъ писать сценическіе пейзажи.

— Въ прошломъ Декабрѣ, умеръ въ Лондонѣ любимый въ Англій драматическій писатель, Бирчъ (Birch). Онъ долго былъ Лондонскимъ Альдерманомъ.

Въ декабрѣ Т. Павло, происходившій изъ вѣнскихъ театровъ, въ Петербургѣ, въ 1838-мъ году, и была принимаема нашею публикою съ восторгомъ, не смотря на то, что тогда во всемъ блескѣ красоты и молодости была на сценѣ В. Н. Асенкова. Болѣе всего Щенкина играла на провинціальныхъ театрахъ, въ лѣтнее время, въ Тулѣ, въ Казани, въ Одессѣ и п. д., и вездѣ принимаема была съ новымъ неподушнымъ одобреніемъ. Умеръ недавно знаменитый декорационный живописецъ Театра La Scala въ Миланѣ, Доменико Менюцци. Онъ особенно отличался искусствомъ писать сценическіе пейзажи. Въ прошломъ Декабрѣ, умеръ въ Лондонѣ любимый въ Англій драматическій писатель, Бирчъ (Birch). Онъ долго былъ Лондонскимъ Альдерманомъ.

Въ декабрѣ Т. Павло, происходившій изъ вѣнскихъ театровъ, въ Петербургѣ, въ 1838-мъ году, и была принимаема нашею публикою съ восторгомъ, не смотря на то, что тогда во всемъ блескѣ красоты и молодости была на сценѣ В. Н. Асенкова. Болѣе всего Щенкина играла на провинціальныхъ театрахъ, въ лѣтнее время, въ Тулѣ, въ Казани, въ Одессѣ и п. д., и вездѣ принимаема была съ новымъ неподушнымъ одобреніемъ. Умеръ недавно знаменитый декорационный живописецъ Театра La Scala въ Миланѣ, Доменико Менюцци. Онъ особенно отличался искусствомъ писать сценическіе пейзажи. Въ прошломъ Декабрѣ, умеръ въ Лондонѣ любимый въ Англій драматическій писатель, Бирчъ (Birch). Онъ долго былъ Лондонскимъ Альдерманомъ.

Въ декабрѣ Т. Павло, происходившій изъ вѣнскихъ театровъ, въ Петербургѣ, въ 1838-мъ году, и была принимаема нашею публикою съ восторгомъ, не смотря на то, что тогда во всемъ блескѣ красоты и молодости была на сценѣ В. Н. Асенкова. Болѣе всего Щенкина играла на провинціальныхъ театрахъ, въ лѣтнее время, въ Тулѣ, въ Казани, въ Одессѣ и п. д., и вездѣ принимаема была съ новымъ неподушнымъ одобреніемъ. Умеръ недавно знаменитый декорационный живописецъ Театра La Scala въ Миланѣ, Доменико Менюцци. Онъ особенно отличался искусствомъ писать сценическіе пейзажи. Въ прошломъ Декабрѣ, умеръ въ Лондонѣ любимый въ Англій драматическій писатель, Бирчъ (Birch). Онъ долго былъ Лондонскимъ Альдерманомъ.

Въ декабрѣ Т. Павло, происходившій изъ вѣнскихъ театровъ, въ Петербургѣ, въ 1838-мъ году, и была принимаема нашею публикою съ восторгомъ, не смотря на то, что тогда во всемъ блескѣ красоты и молодости была на сценѣ В. Н. Асенкова. Болѣе всего Щенкина играла на провинціальныхъ театрахъ, въ лѣтнее время, въ Тулѣ, въ Казани, въ Одессѣ и п. д., и вездѣ принимаема была съ новымъ неподушнымъ одобреніемъ. Умеръ недавно знаменитый декорационный живописецъ Театра La Scala въ Миланѣ, Доменико Менюцци. Онъ особенно отличался искусствомъ писать сценическіе пейзажи. Въ прошломъ Декабрѣ, умеръ въ Лондонѣ любимый въ Англій драматическій писатель, Бирчъ (Birch). Онъ долго былъ Лондонскимъ Альдерманомъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Любопытнѣйшими новостями Петербургскаго драматическаго міра можно назвать готовящіеся бенефисы Г-на и Г-жи Каратыгиныхъ — обѣихъ перлъ нашей сцены. Бенефисъ В. А. Каратыгина назначенъ на 19-е Января. Онъ будетъ составленъ изъ драмы *Боецъ* (Гладиаторъ), въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Суме, передѣланной, въ стихахъ, самимъ бенефициантомъ; далѣе будетъ дана комедія въ одномъ дѣйствіи: *Павелъ Павловичъ съ супругою*, передѣланная изъ старинной комедіи П. А. Каратыгинимъ, и, наконецъ, *Симонъ Сиротинка, или Морякъ и Пихотинецъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго. — Бенефисъ А. М. Каратыгиной, назначенный на 4-е Февраля, будетъ составленъ изъ драмы *Нѣмой*, въ четырехъ актахъ, передѣланной съ Французскаго; комедіи въ одномъ дѣйствіи: *Загадка, или На холмѣхъ есть терпенье*, переведенной съ Нѣмецкаго, и водевиля въ одномъ дѣйствіи: *Вдова или тюрьма!* переведеннаго съ Французскаго.

— Только, что узнали мы, что драма Н. А. Полеваго: *Елена Глинская*, помещенная въ нынѣшней книжкѣ нашего изданія, уже разучивается нашими артистами, и будетъ играла въ первыхъ числахъ Февраля. Музыка къ ней написалъ Л. Мауреръ.

— Въ Москвѣ, 16-го Января, въ бенефисъ Д. Т. Ленскаго предполагали дать: *Боярская спесь и Анютини глазки*, водевиль, и *Фортукинъ, или Мужъ съ мѣста, а другой на мѣсто*, водевиль. Обѣ піесы написаны талантливымъ бенефициантомъ.

— Въ бенефисъ Г. Пино, превосходнаго машиниста Московскихъ Театровъ, которому Малый Театръ обязанъ устройствомъ сцены, данъ будетъ волшебный водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ 12 картинахъ, подъ названіемъ: *Вотъ, такъ пилюли! Что ни въ ротъ, то спасибо!* передѣланный съ Французскаго Д. Т. Ленскимъ. Этотъ водевиль, безъ сомнѣнія, привлечетъ всю Московскую публику, какъ по достоинству піесы, такъ и по заслугамъ бенефицианта. Водевиль этотъ имѣлъ такой же успѣхъ въ Парижѣ, какъ у насъ Русалка.

ПАРИЖСКІЯ ТЕАТРЫ.

Théâtre du Grand Opéra. *La Reine de Chypre*, опера соч. Сенъ Жоржа, музыка Галеви. Племянница Венеціанскаго Сенатора Корнаро, Катарина любитъ Французскаго рыцаря Жерара, и любима имъ страстно, но противъ воли и для спасенія жизни Жерара выходитъ за Іакова Лузпiana, Короля Кипрскаго. Жераръ по-

слѣдовавшій за него въ Кипръ, едва не падаетъ тамъ жертвою убійцы, но его спасаетъ Лузиніанъ, котораго онъ не знаетъ, и слѣдовательно, не подозреваетъ, что избавитель его — соперникъ. Замысливъ, изъ ревности, убить супруга своей Катарины, онъ рѣшается его поразить при выходѣ изъ церкви, послѣ брачнаго обряда, бросается на него съ обнаженною шпагою, и узнаетъ своего избавителя. Жерара, разумеется, заключаютъ въ темницу, но освобожденный Лузиніаномъ, онъ покидаетъ Кипръ и вступаетъ въ орденъ рыцарей Храма. Черезъ два года, когда Катарина уже начинала забывать про Жерара, вдругъ, по приказанію грознаго Венеціанскаго Совѣта Десяти, отравляютъ Лузиніана: она, въ отмщеніе за то, побѣждаетъ Венеціанскій флотъ. — Опера поставлена съ удивительнымъ великолѣпіемъ. Музыка не уступаетъ *Жидовью*, того же композитора, особенно хороши пятый актъ. Странно, что Гамси не написалъ къ ней увертюры.

Théâtre de la Gaîté. *La Voisin*, мелодрама въ пяти актахъ, основана на модномъ предметѣ нынѣшнихъ Парижскихъ бульварныхъ драмъ — на отравленіи, вошедшемъ во всеобщее употребленіе со времени процесса Г-жи Лафаржъ. Авторы этой драмы заставляютъ дѣйствующихъ лицъ толковать и разсуждать объ отравленіяхъ и другихъ тому подобныхъ преступленіяхъ съ величайшею непринужденностію, будто бы дѣло шло о самомъ простомъ предпріятіи.

Théâtre du Vaudeville. *Le Dérivatif*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Арну. Нѣкто Трюшонъ боится всего и пугается всему: жена его дѣлаетъ глазки, онъ дрожитъ; онъ желаетъ попасть въ представителя отечества въ Палату Депутатовъ, и страшится неудачи; наконецъ молодой человѣкъ, Эрнестъ де Монжиронъ, рѣшается помочь ему въ этомъ дѣлѣ, но за то требуетъ отъ бѣднаго Трюшона — почти невозможной жертвы.

Въ этой бѣдѣ, Трюшонъ прибѣгаетъ къ помощи другаго молодаго человѣка, которій бы, полюбивъ съ его женою, отбилъ охоту у Монжирона, волочиться за Г-жею Трюшонъ; но — вотъ бѣда: это болѣеутолительное средство, этотъ *dérivatif* — дѣйствуетъ такъ сильно, что правится женѣ несчастнаго Трюшона гораздо больше Монжирона, и она влюбляется въ него не на шутку. Піеска эта поправилась. *Les jolies filles de Stilberg*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, принадлежитъ къ числу піесокъ, въ которыхъ хорошенькія актрисы могутъ повеселиться и подурачиться въ военныхъ мундирахъ. Пажи, живущіе въ какомъ-то Нѣмецкомъ замкѣ, устрояютъ тамъ сельскій балъ, который вдругъ прерываея прїездомъ уланскаго полка. Увы! Пажи обезоружены, должны сдаться, но — утаны эти просто *дорошенькія двухицы* изъ Стльберга, не приглашенные на балъ Пажами, и мстятъ имъ за эту невѣжливость. При такихъ водевиляхъ, мы всегда невольно вздыхаемъ. Кто теперь могъ бы оживить ихъ на Петербургской сценѣ? Увы!... *Odéon. Une charge à payer*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, принадлежитъ къ числу двѣнадцати тысячъ комедій, изъ которыхъ, по окончаніи представленія, вы не запомните ничего, къ числу комедій, которыя, просто, не ведутъ ни къ чему.

Variétés. Les Cheval Légers de la Reine, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, веселая піеска, заглавіе которой, *Легкоконный полкъ Королевы*, достаточно показываетъ, что тутъ дѣло идетъ о любви и престолнствѣ, о ревности и примиреніи. *Théâtre de la Porte St. Martin. 1841 et 1941, ou aujourd'hui et dans cent ans*, фантастическій водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, написанный — на рѣдкость, съ умомъ, замысловато, не оскорбляя никого. Это нечто иное, какъ обозрѣніе ми-

нущаго года и воображаемое изображеніе Парижа черезъ сто лѣтъ спустя: вездѣ мраморъ; улицы натираются полотерами; при выходѣ со двора вамъ высыпаетъ вашъ камердинеръ въ карманъ горсть золота; уже не мужчины строятъ куры женщинамъ а женщины мужчинамъ; въ жаждѣ вамъ стоитъ только нагнуться и черпнуть *фратированнаго* шампанскаго; къ вамъ подбѣгаетъ неизвѣстный чело-вѣкъ, и приставляя къ горлу пистолетъ, восклицаетъ: возьмите кошелекъ мой, или *смерть вамъ*; наконецъ въ Парижѣ уже есть улица Бальзака, площадь Альфонса Карра, галерея Жанена — и все это говоритъ на сценѣ пресерьіозно. За то, тѣмъ больше хохота въ публикѣ.

Le Marchand de Londres, драма въ трехъ дѣйствіяхъ — томъ же *Джарвисъ, страдалецъ чести*, играный въ Парижѣ на Театрѣ du Gymnase; и извѣстный всѣмъ у насъ, въ Петербургѣ. Авторы его, Александръ Дюма и Лафонъ, нѣсколько поисправили ходъ пьесы, завязку, и тѣмъ дали болѣе драматическаго достоинства пьесѣ, интересной по основной идеѣ.

— Г-жа Бурбье не выдержала дебютовъ въ первомъ Французскомъ Театрѣ, въ Парижѣ (au Théâtre Français), не взирая на сильную поддержку знаменитаго Жюль-Жанена. Хитрый фельетонистъ успѣлъ привлечь вниманіе публики своими роками. Онъ выдумалъ, будто Г-жа Бурбье пріѣхала къ намъ, въ Петербургъ, *пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ*, составила у насъ и въ Европѣ колоссальную репутацию, и возвратилась въ Парижъ *въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости* — перенявъ Русскія манеры и т. п. Правда, что рѣдкая актриса умѣетъ такъ хорошо одѣваться, какъ Г-жа Бурбье, и на это именнo оперся Жюль-Жаненъ, перевозноя ея туалетъ и увѣряя публику, что она увидитъ чудо изъ чудесъ! — Но Парижская публика не то, что наша: Парижане неумолимы! Холодно смотрѣли они на нѣсколько дебютовъ Г-жи Бурбье, а на-

конецъ не вытерпѣли. — Г-жа Бурбье пала въ драмѣ: *Henri III et sa cour*, (Дюма), въ Jouer, Реньяра. Въ послѣднемъ фельетонѣ своемъ въ *Journ. des Débats* (1/2 Января), Жюль-Жаненъ сталъ отблываться ироніей и мистификаціей, увѣряя, будто Г-жа Бурбье упала оттого, что играла въ пьесахъ, привезенныхъ съ собою изъ Россіи и сочиненныхъ Русскими поэтами, вопреки Французскому вкусу и обычаямъ. Этимъ онъ хотѣлъ дать почувствовать, что Г-жѣ Бурбье не надлежало играть *въ устарѣлыхъ* пьесахъ, которыя будто бы въ чести, у насъ, въ Петербургѣ! Жюль-Жаненъ задѣлъ жестоко этимъ Александра Дюма, а не насъ! Онъ не знаетъ нашей образованной публики, у которой вкусъ къ изящному, по крайней мѣрѣ, равенъ вкусу Парижанъ. И у насъ *Henri III et sa cour* не имѣла большаго успѣха, но прошла тихо, потому что, по нашимъ обычаямъ, мы оказываемъ наше неудовольствіе молчаніемъ, и не звѣрскимъ ревомъ, какъ въ Парижѣ. Смѣемъ сказать даже, что изящное лучше у насъ постигается во Французскомъ Театрѣ, нежели въ Парижѣ, потому что нашъ Французскій Театръ наполняется людьми высшаго общества и высшаго образованія. Г-жу Бурбье мы оцѣнили всегда какъ *grande utilité*, не болѣе, и въ нѣкоторыхъ сценахъ охотно ей аплодировали, но никто и никогда не называлъ ее Петербургскою Г-жею Марсъ, какъ говоритъ Жюль-Жаненъ!

— Парижскій Французскій Театръ лишается обѣихъ лучшихъ актрисъ для ролей молодыхъ первыхъ любовницъ въ комедіи, Г-жѣ Плесси и Дозъ: обѣ онѣ выходятъ замужъ. Говорятъ, что Скрибъ, рассчитывавшій въ послѣднихъ пьесахъ своихъ въ особенности на этихъ обѣихъ артистокъ, неутѣшенъ отъ этого неожиданнаго для него извѣстія.

— На Итальянскомъ Театрѣ въ Парижѣ завали, въ первый разъ, *Весталку*, Меркадате. Исполнена она была прекрасно

и принята Парижскими меломанами весьма благосклонно.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ

Старый Дриориленскій Театръ, въ Лондонѣ, въ которомъ въ послѣдніе годы давались только концерты и представленія Нѣмецкой Оперы, нынѣ возвращенъ первоначальному назначенію своему, національной драмѣ. 27-го Декабря происходило открытіе его Шекспировскимъ *Венеціанскимъ Купцомъ*, въ которомъ Мекреди отличился въ роли Шейлока. Вообще, теперь Шекспиръ въ большой модѣ. Въ слѣдующее представленіе была дана трагедія *Веронскіе дворяне*, до сихъ поръ являвшаяся только въ видѣ оперы. Въ Геймаркетскомъ Театрѣ, въ которомъ актеръ Валлакъ поступилъ на мѣсто Мекреди, представленъ на дняхъ *Отелло*.

— Новый откупщикъ Лондонской Итальянской Оперы, Г. Лумлей, отправившійся на твердую землю вербовать пѣвцовъ и пѣвицъ, ангажировалъ пѣвицу Мольтени и пѣвцевъ Санти, Гуаска и Ранкони, которыхъ еще не слыхали въ Лондонѣ. Гризи, Персіани, Маріо и Лаблашъ также возвратятся туда; Тамбурини ѣдетъ въ Италію. Изъ новыхъ піесъ, которыя будутъ представлены, называютъ: *Весталку МеркадANTE* и *Марію Подилья, Дондзетти*. Театръ будетъ открытъ 26-го Февраля.

— Нынѣшнюю зиму, на *Театрѣ Принцевъ* будетъ играть Французская труппа, въ которой участвуютъ нѣсколько первостепенныхъ Парижскихъ артистовъ. Гжа Плесси, которая, какъ пишутъ во Французскихъ газетахъ, выходитъ за мужъ, будетъ получать въ Лондонѣ 1000 франковъ и сверхъ того 40 франк. *разсвѣтъ* за каждое представленіе; Гжа Дежазе — столько же; Буффе 1500 франковъ. На его долю, придется двѣнадцать представлений въ мѣсяцъ. Г-жа Плесси бу-

детъ играть тамъ въ Апрѣль, Гжа Дежазе въ Маѣ, а Буффе въ Іюнь.

— На Ковентъ-Гарденскомъ Театрѣ, въ Лондонѣ, монтируютъ теперь оперу МеркадANTE: *Elena da Feltro*. Въ этой-то піесѣ испыталъ несчастный Нурри (въ Неаполѣ), ту неудачу, которая довела его до сумасшествия и самоубійства. Она избрана для бенефиса Г-жею Аделандою Кембль.

МАДРИТСКІЕ ТЕАТРЫ.

Мадритскіе театры *la Cruz* и *del Principe*, говоритъ одинъ Германскій путешественникъ, отличаются изяществомъ и величиною своею; на первомъ изъ нихъ даютъ преимущественно Итальянскія оперы; на второмъ—Испанскія піесы. Новый большой театръ, также какъ и находящійся противъ него пышный королевскій дворецъ, еще не совѣмъ окончены. Есть еще одинъ маленькій театръ, но онъ и не заслуживаетъ особаго вниманія. Посѣтивъ одинъ изъ Мадридскихъ театровъ въ первый разъ, я видѣлъ, между прочимъ, піеску, подобную которой имѣемъ и мы, Нѣмцы. — Въ этой піескѣ, называющейся у Испанцевъ: *El compositor y la Estrangera*, все дѣло состоитъ въ томъ, что какой-то бѣдный композиторъ находитъ случайно свою разбогатѣвшую дочь, въ которую влюбленъ пріятель его, бѣдный поэтъ. — Она произвела глубокое впечатлѣніе на публику. Я самъ былъ сильно растроганъ ею; она такъ много пробудила въ душѣ моей милыхъ, родныхъ ей воспоминаній. Черезъ нѣсколько дней потомъ видѣлъ я новѣйшую Испанскую трагедію: *Іаковъ II*, которую давали тогда въ первый разъ. Въ ней изображается тотъ эпизодъ изъ Англійской Исторіи, въ которомъ власть королевская перешла въ этой странѣ изъ рукъ Карла II къ Іакову. Въ эстетическомъ отношеніи, трагедія эта не имѣетъ ни какого достоинства; языкъ ея — просто высокопарная декламация. Цель ея состоитъ, повидимому, въ томъ, чтобы выставить

нынѣшнюю любовь Исидоръ къ Англичанамъ. Она исполнена восторженными похвалами Англии вообще и Англійскому образу правленія въ особенности.

— Рубини производитъ въ Мадридѣ всеобщій восторгъ. Повременныя изданія *Eco del comercio*, *Sociedad nacional* и н. д. осыпаютъ его похвалами. Тамоній Музыкальный Лицей, наименовавшій его своимъ почетнымъ членомъ, далъ въ честь его празднество. Президентъ Лицея произнесъ при этомъ случаѣ восторженную рѣчь. Рубини отвѣчалъ на нее слѣдующимъ образомъ: «Благосклонный приемъ вашъ лестенъ для меня тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ мнѣ въ отечествѣ знаменитой Гарсиа и безсмертной Малибранъ, дружбою которой я имѣлъ счастье пользоваться. Память о немъ навсегда сохранится въ душѣ моей; примите же за него мою глубокую, искреннюю благодарность!» Слова эти были приняты съ оглушительными рукоплесканіями. Потомъ было определено поставить бюстъ Рубини въ залѣ засѣданій Лицея: подобной чести Лицей не оказывалъ еще ни одному артисту. При первомъ выходѣ Рубини на сцену, Королева бросила ему свой букетъ цвѣтовъ: это послужило сигналомъ къ продолжительнымъ, громовымъ аплодисментамъ. Послѣ представленія, онъ, цѣлые два часа, принималъ въ своей ложѣ (въ гардеробѣ) первѣйшихъ сановниковъ Мадридскихъ.

ТЕАТРЫ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Трауръ въ Мюнхенѣ по вдовствующей Королеви кончился, и 1-го Января тамъ было назначено блистательное представленіе, на которое ожидали Королевы. По предписанію Ея Величества, была возведена новая опера Лахнера *Катарина Корнаро*, о первомъ представленіи которой мы уже извѣщали. Капелмейстеръ Лахнеръ заплатилъ Парижскому писателю Сень-Жоржу 1600 фр. за слова этой оперы, съ тѣмъ, разумеется,

что Сень-Жоржъ не отдастъ того же текста ни какому другому композитору. Вдругъ, къ крайнему удивленію, узнаетъ Лахнеръ, что въ Парижѣ давали 22-го Декабря, на Театрѣ Большой Оперы, *Кинтскую Королеву*, съ музыкою Галеви, на слова Сень-Жоржа—которая ничто иное, какъ та же *Катарина Корнаро*. Въ извѣстіяхъ о Парижскихъ Театрахъ мы сообщаемъ содержаніе этой оперы.

— Въ Мюнхенѣ, послѣ многократныхъ возмущеній, были наконецъ представлены: *Избавитель* (*der Lebensretter*), сценическая шутка съ пѣніемъ, слова А. Фельдмана, музыка Рста, и *Die Macht des Augenblicks*, драму въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. А. Гейгеля. Первая изъ этихъ пьесъ исполнена острою и мѣстныхъ намѣнковъ; относительно послѣдней должно сказать, что первый актъ ея растянуть, второй нѣсколько лучше, третій же можетъ нравиться только той части публики, которая восхищается драматическими чудовищностями.

— Огромный успѣхъ, увѣчавшій въ Берлинѣ представленіе *Антигоны*, Софокла, внушилъ дирекціи Дрезденскаго Королевскаго Театра монтировать драму *Мальтійскіе Кавалеры*, за нѣсколько о лѣтъ предъ симъ играемую въ Лейпцигѣ, — драму, въ которой есть хоры въ древнемъ родѣ. Она была недавно дана, но не имѣла успѣха, не смотря на необычайно великолѣпную обстановку и на прекрасное исполненіе. Замѣчательно, что хоры ея находились не въ оркестрѣ, какъ хоры Антигоны, въ Берлинѣ, а въ ложахъ третьей и четвертой галереи. Это размѣщеніе производило превосходный эффектъ, особенно въ то время, когда хоры пѣли вѣтеть.

— Въ Берлинѣ съ большимъ одобреніемъ принята новая пьеса подъ названіемъ: *Мраморное сердце* (*Das Marmorherz*). Слова ея написаны Гафнеромъ, а музыка Адольфомъ Мюллеромъ. Слышно, впрочемъ, что основная идея этой пьесы

заимствована Гафнеромъ изъ одной повѣсти Гауфа, и что музыка Мюллера могла бы быть лучше.

— Представленія Италіанской труппы въ Берлинѣ по прежнему многолюдны и блестящны. Репертуаръ ея донынѣ состоялъ изъ *Отелло*, *Нормы*, *Beatrice di Tenda*, *Луции*, *Лукреціи Борджіи*, *Elisir d'Amore* и *Италіанки въ Алжирѣ*, а теперь монтируетъ она *Ченерентолу* и *il nuovo Mose*. Нѣкоторые артисты этой труппы отъправились въ Стокгольмъ.

— Ораторія Штетинскаго капельмейстера Лёве, *Юаннъ Гуссъ*, исполненная недавно въ Берлинѣ, есть прекрасное, но не гениальное произведеніе. Особенной похвалы заслуживаютъ въ ней хоры и инструменталка; стиль же ея не повсюду самостоятеленъ; во многихъ мѣстахъ, онъ какъ-то колеблется между стилемъ ораторіи и оперы. Исполнена была она въ Берлинѣ превосходно.

— *Антигона* Софокла, къ которой написалъ Мендельсонъ-Бартольдъ музыку, будетъ скоро дана въ Лейпцигѣ.

— Г-жа фонъ Вейсентурнъ написала новую піесу, подъ названіемъ: *Присутствіе Смоленска* (*die Bestürmung von Smolensk*). Піеса эта богата эффектными сценами. Она была недавно дана въ Вѣнѣ, и принята тамошнею публикою благосклонно. Изъ артистовъ, которые участвовали въ представленіи ея, особенно хорошъ былъ Г. Лёве, занимавшій роль казака Урскова (*Urskoff*). Кстати объ этомъ новомъ произведеніи Г-жи фонъ Вейсентурнъ скажемъ, что ея прежнія драматическія сочиненія составляютъ нынѣ уже 14 томовъ и, по большей части, весьма любимы въ Германіи. Они, впрочемъ, и стоятъ этой любви, потому что Г-жа Вейсентурнъ вообще отличается живостію своего воображенія, своимъ знаніемъ вѣрно обрисовывать характеры и умѣемъ заставлять своихъ дѣйствующихъ лицъ говорить языкомъ правильнымъ и изящнымъ.

— Въ Берлинѣ два карлика и одна карлица представляютъ пантомиму, въ которой главное дѣйствующее лицо — Наполеонъ. Эти микроскопическіе артисты — по фамиліи Брокштедтъ — перестали расти съ третьяго года отъ рожденія; оттого въ наружности ихъ и теперь есть что-то дѣтское. Старшій братъ, Генрихъ, имѣетъ нынѣ 19 лѣтъ; ростомъ онъ всего 35 вершковъ, а вѣситъ 26 фунтовъ; сестра его, Марія, которой исполнилось 15 лѣтъ, ниже его 3 вершками и вѣситъ не болѣе 23 фунтовъ; наконецъ, младшій братъ, Христіанъ, имѣющій 10 лѣтъ, не выше 28 вершковъ, и вѣситъ 16 фунтовъ! Сложены они, особенно дѣвушка, довольно пропорціонально, только головки у нихъ нѣсколько велики, въ сравненіи съ прочими частями тѣла. Голосъ у нихъ развитъ слабо; однако жъ, при вниманіи, можно разслышать всѣ слова ихъ. Роль Наполеона обыкновенно занимаетъ Христіанъ.

— Новая піеса Нестроя: *Рудольфъ, Принцъ Корсиканскій*, играна въ Вѣнѣ и упала. (Она заимствована изъ прекраснаго разсказа Фанъ-дербъ-Фельде: Принцъ Фридрихъ).

— Въ Вѣнѣ дана была, въ первый разъ, но не имѣла успѣха, опера *Ричардъ и Матильда*. Слова ея переведены съ Французскаго, а музыка аранжирована изъ извѣстной оперы: *La Favorite*.

— Новую комедію Скриба, *Une Chaine* уже играютъ на Французскомъ Театрѣ въ Берлинѣ, и вскорѣ дадутъ тамъ же по-Нѣмецки. Переводъ ея на Нѣмецкій языкъ порученъ дирекціею заслуженному артисту и писателю, Эрсту Девриенту.

— Въ Дармштадтѣ вызвана весьма хорошая Французская труппа. Артисты этой труппы будутъ играть, два раза въ недѣлю, на тамошнемъ Велико-Герцогскомъ Театрѣ. Для перваго дебюта, какъ видно изъ заграничныхъ извѣстій, — должны сыграть слѣдующія піесы: *Les Enfants d'Edouard* Казимира Деда

